Ka 25/42
b. 2

Кл 25/42

ПАМЯТИ

В. А. ЖУКОВСКАГО

И

Н. В. ГОГОЛЯ.

Выпускъ второй,

съ 2-мя фототипіями.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1908.

Кл 25/42

ПАМЯТИ

В. А. ЖУКОВСКАГО

И

Н. В. ГОГОЛЯ.

Выпускъ второй,

съ 2-мя фототипіями.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1908.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Сентябрь 1908. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ.*

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
5940-63

2007041367

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Предисловіе	1— 28
Русскія пѣсни	29—122
Южно-русскія пѣсни	123—267
Южно-русскія пѣсни, тетрадь вторая	269—412
Указатели:	
Русскихъ пѣсенъ	413
Южно-русскихъ пѣсенъ	416
Второй тетради южно-русскихъ пѣсенъ	422
Послѣсловіе	431
Приложенія.	

ПѢСНИ

СОБРАННЫЯ

Н. В. ГОГОЛЕМЪ.

Изданы Г. П. Георгіевскимъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Среди бумагъ Н. В. Гоголя, хранящихся въ Отдѣленіи рукописей Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ, уцѣлѣли три тетради съ народными пѣснями.

Въ гоголевской литературѣ уже извѣстны оба эти факта: и то, что Гоголь собиралъ народныя пѣсни, и то, что послѣ него сохранились тетради съ этими пѣснями.

Если фактъ собиранія Гоголемъ пѣсенъ сталъ извѣстнымъ еще при жизни Гоголя, именно въ 1834 году, когда изданы были М. Максимовичемъ «Украинскія народныя пѣсни», въ предисловіи къ которымъ Максимовичъ указалъ на участіе въ трудѣ его «Н. В. Гоголя—новаго историка Малороссіи и автора Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки»; то объ уцѣлѣвшихъ тетрадяхъ съ пѣснями біографы Гоголя очень долго ничего не знали и первое краткое сообщеніе о нихъ получили лишь въ 1893 году, когда вышелъ въ свѣтъ второй томъ «Матеріаловъ для біографіи Гоголя» В. И. Шенрока, который на 158—159 стр. оповѣстилъ: «мы имѣемъ въ рукахъ три собственноручныхъ тетради пѣсенъ, старательно переписанныхъ Гоголемъ, изъ которыхъ одна заключаетъ въ себѣ пѣсни русскія, впрочемъ, повидимому, выбранныя преимущественно изъ сборника Сахарова, а въ двухъ другихъ записаны пѣсни южно-русскія и (sic) малороссійскія».

Къ сожалѣнію, оба эти извѣстія не были своевременно и должнымъ образомъ оцѣнены біографами Гоголя и даже, повидимому, очень скоро и весьма основательно забыты.

По крайней мѣрѣ, даже П. Кулишъ, пересчитывая собирателей малорусскихъ пѣсенъ и отмѣчая ихъ заслуги, совсѣмъ, ни однимъ словомъ, не упоминаетъ о Гоголѣ[1]).

Еще основательнѣе забылъ В. И. Шенрокъ свое собственное сообщеніе о тетрадяхъ съ пѣснями. Три года спустя, въ 1896 году, онъ напечаталъ о нихъ уже совсѣмъ иное извѣстіе, которое буквально гласитъ слѣдующее:

«Далѣе назовемъ тетрадки Гоголя съ выписками изъ разныхъ сочиненій:

. . . . . .

«2) Выдержки изъ малороссійскихъ южно-русскихъ пѣсенъ.

«3) Изъ русскихъ пѣсенъ.

«4) Пѣсни, записанныя для сборника Кирѣевскаго»[2]).

Кромѣ забвенія своихъ собственныхъ словъ, въ этомъ описаніи Гоголевскихъ тетрадокъ замѣтна уже переоцѣнка всѣхъ прежнихъ свѣдѣній о дѣятельности Гоголя въ области народной поэзіи, и Гоголь изъ собирателя народныхъ пѣсенъ уже превращается едва ли не въ переписчика изъ готовыхъ сборниковъ.

Такой оборотъ дѣла вынуждаетъ точно установить отношеніе Гоголя къ народному творчеству.

Гоголь съ юныхъ лѣтъ полюбилъ народныя пѣсни[3]) и придавалъ имъ огромное значеніе въ дѣлѣ изученія народа въ прошломъ, настоящемъ и будущемъ[4]).

Весьма рано въ немъ явилось и желаніе собирать и записывать эти памятники народнаго творчества. Еще въ Гимназіи

---

1) Записки о южной Руси. Издалъ П. Кулишъ. Томъ первый. Спб. 1856. 221 стр.

2) Сочиненія Н. В. Гоголя. Изданіе десятое. VII. Спб. 1896. 893 стр. Ср. I-е примѣчаніе на стр. 329 тома второго «Писемъ Н. В. Гоголя», ред. В. И. Шенрока.

3) Матеріалы для біографіи Гоголя, В. И. Шенрока, томъ второй, М. 1893. 50—51 стр.

4) О малороссійскихъ пѣсняхъ. Сочиненія Н. В. Гоголя, изданіе десятое, томъ пятый, М. 1889. 287—294 стр. Ср. письмо къ И. И. Срезневскому отъ 6 марта 1834 года, 279 стр. перваго тома «Письма Н. В. Гоголя», ред. В. И. Шенрока.

высшихъ наукъ въ НѢжинѢ Гоголь завелъ для себя особую записную книгу, подъ названіемъ «Книга всякой всячины», и въ нее внесъ первые опыты своего собиранія народныхъ пѣсенъ [1]).

По выходѣ изъ НѢжинской Гимназіи Гоголь еще энергичнѣе принялся за собираніе народныхъ пѣсенъ, по крайней мѣрѣ въ первые годы своей самостоятельной жизни, и достигъ въ этой области, судя по сохранившимся его записямъ народныхъ пѣсенъ, весьма замѣтныхъ и даже крупныхъ результатовъ. Эти занятія Гоголь даже предпочиталъ всѣмъ прочимъ и даже своему художественному творчеству: «главнымъ дѣломъ Гоголя въ эту пору было собираніе народныхъ украинскихъ пѣсенъ, въ которое онъ одно время вдался было усиленно, относясь къ этому занятію съ горячимъ увлеченіемъ внезапно возгорѣвшейся страсти» [2]).

Біографія Гоголя не даетъ матеріаловъ для точнаго и подробнаго опредѣленія участія самого Гоголя въ собираніи и записываніи народныхъ пѣсенъ. Можно отыскать лишь косвенныя указанія, въ перепискѣ Гоголя, на то, что онъ и самъ не прочь былъ заняться нелегкимъ дѣломъ выслушиванія и записыванія пѣсенъ, хожденія въ народъ и непосредственнаго собиранія памятниковъ народнаго творчества. Въ письмѣ къ Пушкину отъ 23 декабря 1833 года [3]) Гоголь писалъ: «Я восхищаюсь заранѣе, когда воображу, какъ закипятъ труды мои въ Кіевѣ... А сколько соберу тамъ преданій, повѣрьевъ, пѣсенъ и проч.!» Въ другой разъ, въ письмѣ къ М. А. Максимовичу, отъ 12 марта 1834 г., мечтая о совмѣстномъ съ нимъ изданіи пѣсенъ въ Кіевѣ, Гоголь говоритъ: «Весну и лѣто мы бы тамъ (въ Кіевѣ) славно отдохнули, набрали матеріаловъ, а къ осени бы и засѣли работать».

---

1) Гимназія высшихъ наукъ. НѢжинскій періодъ жизни Н. В. Гоголя. Ординарный профессоръ М. Н. Сперанскій. Кіевъ, 1902. 19, 22—23 стр.

2) Матеріалы для біографіи Гоголя, томъ второй, 158 стр.

3) Какъ въ этомъ случаѣ, такъ и во всѣхъ послѣдующихъ письма Гоголя цитируются по изданію А. Ф. Маркса, подъ редакціей В. И. Шенрока, въ 4-хъ томахъ.

Что выраженіе «набрать матеріаловъ» Гоголь понималъ въ смыслѣ непосредственнаго выслушиванія и записыванія пѣсенъ, объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ другое письмо его къ Максимовичу, отъ 22 января 1835 года, гдѣ онъ уже прямо говоритъ: «Я думаю, что ты пропасть услышалъ новыхъ пѣсенъ. Ты долженъ непремѣнно подѣлиться со мною и прислать. Да нѣтъ ли какихъ нибудь эдакихъ старинныхъ преданій? Эй, не зѣвай! Время бѣжитъ, и съ каждымъ годомъ все стирается».

Любовь Гоголя къ пѣснямъ была такъ велика, что онъ готовъ былъ для собиранія ихъ жертвовать и трудомъ своимъ, и временемъ, и даже своими прямыми занятіями. 9-го ноября 1833 года онъ писалъ Максимовичу: «Я очень порадовался, услышавъ отъ васъ о богатомъ присовокупленіи пѣсенъ и собраніи Ходаковскаго. Какъ бы я желалъ теперь быть съ вами и пересмотрѣть ихъ вмѣстѣ, при трепетной свѣчѣ, между стѣнами убитыми книгами и книжною пылью, съ жадностью жида, считающаго червонцы! Моя радость, жизнь моя, пѣсни! какъ я васъ люблю! Что всѣ черствыя лѣтописи, въ которыхъ я теперь роюсь, предъ этими звонкими, живыми лѣтописями!»...

Очевидно, при такомъ отношеніи къ пѣснямъ, Гоголь готовъ былъ и на свое личное участіе въ дѣлѣ собиранія ихъ. Къ сожалѣнію, біографія его не располагаетъ опредѣленными указаніями для положительнаго выясненія этого участія.

Повидимому, самымъ крупнымъ источникомъ, изъ котораго Гоголь черпалъ народныя южно-русскія пѣсни, была его родовая Васильевка, а самыми дѣятельными собирателями, записывателями и списывателями пѣсенъ были всѣ его домашніе: мать, сестры, тетушки, приживалки. Подтвержденій находится множество въ его письмахъ къ роднымъ. Такъ, 2 апрѣля 1830 года Гоголь писалъ изъ Петербурга къ матери: «Всѣ посылки ваши получилъ и не могу возблагодарить достойно за нихъ васъ... Приношу благодарность тетенькѣ Катеринѣ Ивановнѣ, которая рѣшилась пожертвовать временемъ — собрать для меня нѣсколько любопытныхъ пѣсенъ; но драгоцѣннѣйшія изъ нихъ есть, одна-

кожъ, списанныя ваши двѣ запорожскія. Благодарю также Лукерью Ѳедоровну и Марью Борисовну за ихъ участіе. Жаль только, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рука такъ неразборчива, что я до сихъ поръ многаго не разобралъ». Въ другой разъ, 19 сентября 1831 года, въ письмѣ къ сестрѣ своей М. В. Гоголь писалъ: «У меня есть къ тебѣ просьба. Ты помнишь, милая, ты такъ хорошо было начала собирать малороссійскія сказки и пѣсни, и, къ сожалѣнію, прекратила. Нельзя ли возобновить это? Мнѣ оно необходимо нужно... А сказки, пѣсни, происшествія, можете посылать въ письмахъ или небольшихъ посылкахъ».

Особенно выдѣлялась знаніемъ пѣсенъ народныхъ и умѣніемъ ихъ пѣть тетушка Гоголя Екатерина Ивановна Ходаревская, урожденная Косяровская, родная сестра Марьи Ивановны Гоголь. О ней Гоголь писалъ Данилевскому 8 февраля 1833 года: «Я думаю, Катерина Ивановна напѣла тебѣ уши пѣснями про *бойрендомъ духтеромъ*»; а также въ письмѣ къ матери отъ 1 ноября того же 1833 года: «Скажите Катеринѣ Ивановнѣ, что мнѣ часто приходятъ на умъ ея пѣсни, но я ихъ не пою, потому что я мастеръ только подтягивать. А если бъ запѣлъ соло, то морозъ подралъ бы по кожѣ слушателей».

Просьбы свои о присылкѣ пѣсенъ Гоголь и впослѣдствіи неоднократно повторялъ своимъ роднымъ. Такъ, въ письмѣ къ матери, отъ 30 января 1835 года, онъ просилъ сестру: «Пришли, пришли, сестра, пѣсню, о которой пишешь. Очень буду благодаренъ». Въ другомъ письмѣ къ матери же, отъ 22 сентября 1835 года, Гоголь спрашивалъ тетушку: «Милостивая Государыня Катерина Ивановна! Припасли ли вы мнѣ пѣсенъ?»...

Надо думать, все-таки, что эти повторныя просьбы вызваны были вовсе не бездѣйствіемъ родныхъ, а жаждой къ пѣснямъ самого Гоголя. По крайней мѣрѣ, онъ самъ въ своихъ письмахъ свидѣтельствуетъ неоднократно благодарность свою роднымъ за присылку пѣсенъ, которая, видимо, шла непрерывно, а иногда и въ весьма значительномъ количествѣ. Въ письмѣ къ матери отъ 22 ноября 1832 года Гоголь обращается къ сестрѣ: «поблаго-

дарилъ бы тебя и за пѣсню, но она уже у меня давно есть, написанная рукою Борисовны». 9 марта 1834 года онъ писалъ матери: «Благодарю очень васъ и сестру за пѣсни». Въ письмѣ къ ней же отъ 22 ноября 1833 года Гоголь писалъ: «Во первыхъ, прежде всего я долженъ благодарить васъ за посылку: сестру за пѣсни, изъ которыхъ особенно та что: *«Що се братця якъ барятця!»* очень характерна и хороша; но болѣе всего одолжили вы меня присылкою старинной тетради съ пѣснями: между ними есть многія очень замѣчательныя. Сдѣлаете большое одолженіе, если отыщете подобныя той тетради съ пѣснями, которыя, я думаю, болѣе всего водятся въ старинныхъ сундукахъ между старинными бумагами у старинныхъ поповъ или у потомковъ старинныхъ поповъ».

Такимъ образомъ, кромѣ записи съ живого голоса, Гоголь привлекалъ въ свое собраніе и пѣсни старинныхъ рукописныхъ сборниковъ.

Въ результатѣ такихъ поисковъ и стараній Гоголевское собраніе народныхъ пѣсенъ вскорѣ пріобрѣло значительные размѣры, и тогда у Гоголя появилась слабость, общая многимъ собирателямъ: не показывать другимъ своего собранія и не дѣлиться съ другими своими сокровищами, а самому пользоваться чужими собраніями. 9 ноября 1833 года Гоголь писалъ къ Максимовичу о пѣсняхъ: «Я самъ теперь получилъ много новыхъ, и какія есть между ними! Прелесть! Я вамъ ихъ спишу... не такъ скоро, потому что ихъ очень много. Да, я васъ прошу, сдѣлайте милость, дайте списать всѣ находящіяся у васъ пѣсни, выключая печатныхъ и сообщенныхъ вамъ мною. Сдѣлайте милость, и пришлите этотъ экземпляръ мнѣ. Я не могу жить безъ пѣсенъ. Вы не понимаете, какая это мука. Я знаю, что есть столько пѣсенъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не знаю. Это все равно, если бъ кто передъ женщиной сказалъ, что онъ знаетъ секретъ, и не объявилъ бы ей. Велите переписать четкому, красивому писцу въ тетрадь in quarto, на мой счетъ. Я не имѣю терпѣнія дождаться печатнаго; притомъ я тогда буду знать, какія присылать вамъ

пѣсни, чтобы у васъ не было двухъ сходныхъ дублетовъ. Вы не можете представить, какъ мнѣ помогаютъ въ исторіи пѣсни. Даже не историческія, даже пахабныя; онѣ все даютъ по новой чертѣ въ мою исторію, все разоблачаютъ яснѣе и яснѣе, увы! прошедшую жизнь и, увы! прошедшихъ людей... Велите сдѣлать это скорѣе. Я вамъ зато пришлю находящіяся у меня, которыхъ будетъ до двухъ-сотъ, и что замѣчательно—что многія изъ нихъ похожи совершенно на антики, на которыхъ лежитъ печать древности, но которые совершенно не были въ обращеніи и лежали зарытые».

12 февраля 1834 года Гоголь опять писалъ Максимовичу: «Пѣсенъ я тебѣ съ большою охотою прислалъ бы, но у меня ихъ ужаспая путаница. Незнакомыхъ тебѣ, можетъ быть, будетъ не болѣе ста, зато извѣстныхъ, вѣроятно, около тысячи, изъ которыхъ большую часть мнѣ теперь нельзя посылать. Если бы ты прислалъ свой списокъ съ находящихся у тебя, тогда бы я зналъ, какія тебѣ нужны, и прочія бы выправилъ съ моими списками и послалъ бы тебѣ».

Болѣе подробно о количествѣ своего собранія пѣсенъ Гоголь писалъ И. И. Срезневскому 6 марта 1834 года: «Пѣсенъ я знаю и имѣю много. Около ста пятидесяти пѣсенъ я отдалъ прошлый годъ Максимовичу, совершенно ему неизвѣстныхъ. Послѣ того я пріобрѣлъ еще около 150; у Максимовича теперь уже 1.200. Но я бьюсь объ чемъ угодно, что теперь же еще можно сыскать въ каждомъ хуторѣ, подальше отъ большой дороги и разврата, десятка два неизвѣстныхъ другому хутору» [1]).

Такимъ образомъ, по подсчету самого Гоголя его собраніе включало въ себя не менѣе 300 пѣсенъ совсѣмъ особыхъ, неизвѣстныхъ другимъ собирателямъ.

---

1) Фактъ пересылки Гоголемъ тетради пѣсенъ Максимовичу засвидѣтельствованъ и письмомъ Гоголя къ Максимовичу изъ Петербурга, напечатаннымъ въ первомъ томѣ писемъ изданія Маркса на 309 страницѣ: «Итакъ, посылаю тебѣ книги прямо въ Кіевъ... вмѣстѣ съ ними и тетрадь пѣсенъ, кото-

Цѣлію собиранія пѣсенъ Гоголь поставилъ себѣ изданіе ихъ совмѣстно съ Максимовичемъ. 12 марта 1834 года онъ писалъ Максимовичу: «Пѣсни намъ нужно издать непремѣнно въ Кіевѣ. Соединившись вмѣстѣ, мы такое удеремъ изданіе, какого еще никогда ни у кого не было». Это желаніе совмѣстной работы по изданію народныхъ пѣсенъ вызывало потребность во взаимномъ обмѣнѣ собраніями пѣсенъ. Гоголь много разъ просилъ Максимовича прислать ему свое собраніе. «Жду съ нетерпѣніемъ отъ тебя, писалъ онъ Максимовичу въ декабрѣ 1833 года, обѣщанной тетради пѣсенъ, тѣмъ болѣе что безпрестанно получаю новыя, изъ которыхъ много есть историческихъ, еще больше — прекрасныхъ. Впрочемъ я нетерпѣливѣе тебя и никакъ не могу утерпѣть, чтобы не выписать здѣсь одной изъ самыхъ интересныхъ, которой, вѣрно, у тебя нѣтъ» (Що се братця якъ барятця). 29 марта 1834 года Гоголь писалъ къ нему же: «Пѣсню твою про Нечая получилъ вчера. Вотъ все, что получилъ отъ тебя, вмѣсто обѣщанныхъ какихъ то книгъ». Наконецъ, лишь въ апрѣлѣ 1834 года Гоголь получилъ собраніе пѣсенъ Максимовича и 20-го числа писалъ ему: «Благодарю тебя за пѣсни. Я теперь читаю твои толстыя книги; въ нихъ есть много прелестей». Одновременно Гоголь получилъ и отпечатанные листы второго изданія пѣсенъ Максимовича, вышедшаго въ свѣтъ въ этомъ же 1834 году, которые по мѣрѣ печатанія продолжалъ получать и потомъ[1]). Обратно возвратить пѣсни Максимовичу Гоголь не торопился и уже изъ Рима 5 февраля 1838 года писалъ къ матери: «Еще я позабылъ спросить васъ: отослали ли вы двѣ толстыя рукописныя книги въ Кіевъ къ профессору Максимовичу, или отвезли ихъ сами, бывши въ Кіевѣ? Сдѣлайте ми-

---

рыя въ разныя времена списывались. Она замѣчательна тѣмъ, что содержитъ въ себѣ самыя обыкновенныя, общеупотребительныя пѣсни, по которыхъ врядъ ли кто можетъ пересказать изъ поющихъ: такъ утратились слова ихъ». Къ сожалѣнію, датировано это письмо (іюль 1 (1834)) въ указанномъ изданіи, повидимому, неправильно.

1) См. письмо къ Максимовичу отъ 28 мая 1834 года.

лость, извѣстите меня объ этомъ,—тѣмъ болѣе, что онъ напоминалъ мнѣ о нихъ, и я такъ передъ нимъ виноватъ»[1]).

Всѣ вышеприведенныя свѣдѣнія даютъ основаніе полагать, что у Гоголя было свое собственное и довольно значительное собраніе южно-русскихъ пѣсенъ, составленное преимущественно трудами родственныхъ ему корреспондентовъ, и что Гоголь имѣлъ въ своемъ распоряженіи, кромѣ того, и рукописное собраніе пѣсенъ Максимовича.

Печатный пѣсенный матеріалъ былъ также извѣстенъ Гоголю.

Въ письмѣ своемъ къ Максимовичу, отъ 7 января 1834 г., онъ спрашивалъ: «Знаешь ли ты собраніе галицкихъ пѣсенъ, вышедшихъ въ прошломъ году (довольно толстая книжка, in—8)? Очень замѣчательная вещь! Между ними есть множество настоящихъ малороссійскихъ, такъ хорошихъ, съ такими свѣжими красками и мыслями, что весьма не мѣшаетъ ихъ включить въ гадаемое собраніе». Объ экземплярѣ этого изданія пѣсенъ (пѣсни люду галичскаго) Гоголь 12 февраля 1834 года писалъ Максимовичу: «Экземпляра пѣсенъ галицкихъ здѣсь нигдѣ нѣтъ; мой же собственный у меня замоталъ одинъ задушевный пріятель».

Кромѣ того, Гоголь имѣлъ изданія пѣсенъ Максимовича, Срезневскаго и Цертелева. 29 мая 1834 года онъ писалъ Максимовичу: «Недавно С. С. (Сергѣй Семеновичъ Уваровъ) получилъ отъ Срезневскаго экземпляръ пѣсней и адресовался ко мнѣ съ желаніемъ видѣть мое мнѣніе о нихъ въ «Журналѣ Просвѣщенія», такъ же, какъ и о бывшихъ до него изданіяхъ—твоемъ и Цертелева. Чтожъ я сдѣлалъ? я написалъ статью, только самаго главнаго позабылъ: ничего не сказалъ ни о тебѣ, ни о Срезневскомъ, ни о Цертелевѣ. Послѣ я спохватился и хотѣлъ было прибавить и проболтаться о твоемъ великолѣпномъ новомъ изданіи, но опоздалъ: статья уже была отпечатана». Впослѣдствіи, въ письмѣ отъ 7 іюля 1840 года Гоголь просилъ С. Т. Акса-

---

1) В. И. Шенрокъ полагаетъ, что «это были малороссійскія пѣсни, собранныя Зоріаномъ Доленгой-Ходаковскимъ». См. примѣчаніе къ этому письму.

кова поручить Константину Сергѣевичу Аксакову выслать ему за границу «оба изданія пѣсней Максимовича, а можетъ быть и третье, коли вышло». И вообще Гоголь старался не пропустить ни одного изданія пѣсенъ и между прочимъ, въ 1837 году, просилъ Н. Я. Прокоповича: «пожалуйста пришли... хорошее изданіе русскихъ пѣсенъ или малороссійскихъ пѣсенъ».

Однако, позволительно думать, что эти просьбы о высылкѣ печатныхъ изданій пѣсенъ вызваны были уже не интересами собиранія пѣсенъ, а исключительно интересами освѣдомленности самого Гоголя въ текущей пѣсенной литературѣ[1]). Повидимому, Гоголь закончилъ самый процессъ собиранія пѣсенъ, по крайней мѣрѣ, въ главной ихъ массѣ, до времени своего отъѣзда за границу въ 1836 году. За границу онъ уже повезъ съ собою готовое и въ основѣ законченное свое собраніе пѣсенъ. Тамъ онъ любилъ обращаться къ этому источнику народнаго познанія и за чтеніемъ пѣсенъ находить для себя удовольствіе и отдохновеніе. 15 августа 1839 года Гоголь писалъ Погодину: «Слышу пустоту безъ тебя, но не грущу. Малороссійскія пѣсни со мною. Запасаюсь и тщусь сколько возможно надышаться старины». Въ томъ же мѣсяцѣ 25 числа Гоголь писалъ Шевыреву: «Передо мною выясниваются и проходятъ поэтическимъ строемъ времена казачества... Малороссійскія ли пѣсни, которыя теперь у меня подъ рукою, навѣяли ихъ, или на душу мою нашло само собою ясновидѣніе прошедшаго, только я чую много того, что́ нынѣ рѣдко случается».

Все Гоголевское собраніе малороссійскихъ пѣсенъ и заключалось именно въ тѣхъ двухъ тетрадяхъ, въ размѣръ малаго почтоваго листа, которыя сохранились до нашего времени и по которымъ собранныя Гоголемъ пѣсни печатаются въ настоящей книгѣ.

---

1) Могли быть и особыя побужденія для такихъ просьбъ Гоголя: «Эти книги мнѣ теперь весьма нужны, дабы окунуться покрѣпче въ коренной русскій духъ», писалъ онъ Языкову 20 января 1847 года. Ср. письма къ Шевыреву отъ 11 февраля 1847 года и 27-го апрѣля того же года.

Косвеннымъ, однако весьма убѣдительнымъ подтвержденіемъ этихъ соображеній о времени окончанія собиранія пѣсенъ и составленіи сохранившихся тетрадей до отъѣзда за границу служитъ почеркъ, которымъ Гоголь переписалъ малороссійскія пѣсни: мелкое, красивое, ровное и отчетливое письмо, почти безъ пропусковъ буквъ въ словахъ и безъ сокращенія окончаній словъ, какимъ писалъ Гоголь въ молодости, уже не повторяется въ послѣдній десятокъ лѣтъ его жизни.

Обращаясь къ составу Гоголевскаго собранія малороссійскихъ пѣсенъ, необходимо прежде всего отмѣтить, что онѣ сохранились въ двухъ совершенно одинаковыхъ по размѣрамъ тетрадяхъ, въ малую 4-ку или, вѣрнѣе, въ малый почтовый листъ. Въ первой тетради, собственноручно переписанной Гоголемъ и собственноручно же Гоголемъ озаглавленной на особой оберткѣ: «Южнорусскія пѣсни», содержится всѣхъ пѣсенъ 190 (При нумераціи ихъ римскими цифрами Гоголь пропустилъ одну цифру, именно LI, и потомъ, обозначивъ 140-ую пѣсню фантастическою цифрою CXC, онъ дальнѣйшій счетъ уже сталъ обозначать такъ: CLXI, CLXII и т. д.). Во второй тетради, надписанной карандашомъ, рукою Кулиша: «Малороссійскія пѣсни. Изъ бумагъ Гоголя» и совершенно тожественной съ первой по размѣрамъ и внѣшнему виду, но переписанной не Гоголемъ, а рукою переписчицы, содержится всѣхъ пѣсенъ 222, отмѣченныхъ арабскими цифрами [1]). Въ этотъ счетъ не входятъ небольшіе пѣсенные отрывки, которыхъ по нѣскольку даже десятковъ собрано подъ одною цифрою. Такимъ образомъ въ двухъ тетрадяхъ Гоголевскаго собранія насчитывается 412 малорусскихъ пѣсенъ.

Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что въ составъ этого собранія малороссійскихъ пѣсенъ совсѣмъ не вошли тѣ пѣсни, которыя Гоголь передалъ другимъ собирателямъ мало-

1) При цитаціи пѣсенъ мы удерживаемъ Гоголевскую нумерацію римскими и арабскими цифрами: римскія означаютъ пѣсни первой тетради, а арабскія— второй.

русскихъ пѣсенъ. Эти пѣсни, хотя и очень цѣнныя, Гоголь выключилъ изъ своего собранія. Такъ, въ этомъ собраніи нѣтъ ни той пѣсни («Що се братця якъ барятця»), которую Гоголь переслалъ Максимовичу въ декабрѣ 1833 года, ни тѣхъ семи пѣсенъ, которыя Гоголь переслалъ Бѣлозерскому для сборника Метлинскаго (между 1832—1834 гг.)[1]).

Изъ этого обычая Гоголя уже не считать своими тѣ пѣсни, которыя онъ подарилъ другимъ, можно бы съ нѣкоторымъ основаніемъ сдѣлать предположеніе, что въ составѣ сохранившихся пѣсенъ нѣтъ и тѣхъ 150, которыя Гоголь передалъ Максимовичу 1-го іюля 1834 года (по датировкѣ В. И. Шенрока). Но, разумѣется, утверждать это можно будетъ лишь въ томъ случаѣ, если найдется Гоголевская тетрадь пѣсенъ, пересланныхъ Максимовичу, и если эти пѣсни не совпадутъ съ сохранившимися.

Уже изъ этихъ фактовъ можно было бы заключить, что въ составъ Гоголевскаго собранія не вошли и тѣ пѣсни, которыя были напечатаны до его собранія. И ближайшее сопоставленіе пѣсенъ печатныхъ сборниковъ съ Гоголевскими убѣждаетъ въ полной справедливости такого заключенія.

Для сравненія прежде всего необходимо было пересмотрѣть всѣ, по возможности, печатные пѣсенники[2]), которые изданы были до перваго сборника Максимовича, и потомъ сродные по содержанію сборники пѣсенъ Максимовича и Лукашевича. Въ результатѣ получились слѣдующія наблюденія.

При сравненіи Гоголевскихъ пѣсенъ съ пѣснями Пѣсенниковъ мы (пользуясь трудомъ М. Н. Сперанскаго) могли сопоставить лишь первые, начальные, два стиха послѣднихъ, и

---

1) Пѣсни присланныя Гоголемъ напечатаны на стр. 110 (двѣ), 111, 114, 118, 119 и 282 изданія Амвросія Метлинскаго «Народныя южнорусскія пѣсни», Кіевъ, 1854.

2) Пользуюсь случаемъ засвидѣтельствовать глубочайшую благодарность профессору М. Н. Сперанскому, который любезно предоставилъ мнѣ свой рукописный трудъ, содержащій списокъ (съ приведеніемъ двухъ начальныхъ стиховъ) всѣхъ малорусскихъ пѣсенъ, выбранныхъ изъ пѣсенниковъ, изданныхъ до сборника Максимовича.

при такомъ условіи оказалось всего пять пѣсенъ у Гоголя болѣе или менѣе совпадающихъ съ пѣснями Пѣсенниковъ, а именно CVIII пѣсня Гоголя совпадаетъ съ 10-ою пѣснею (по счету профессора М. Н. Сперанскаго) Пѣсенниковъ (изъ сборника подъ названіемъ «Молодчикъ съ молодкою»), CLXXVI Гоголя съ 54 Пѣсенниковъ (изъ Новаго всеобщаго пѣсенника Ав. Калатилина), CLXXVII Гоголя съ 5 Пѣсенниковъ (изъ сборника «Молодчикъ съ молодкою»), 63 пѣсня Гоголя съ 14 Пѣсенниковъ (изъ того же сборника) и 116 Гоголя съ 60 Пѣсенниковъ (изъ сборника Калатилина).

При сопоставленіи Гоголевскихъ пѣсенъ съ пѣснями сборника Лукашевича[1]) оказалось только два совпаденія, именно X пѣсня Гоголя совпадаетъ съ 8-ою обрядною Лукашевича и CLXXXVII Гоголя съ 1-ою обрядною Лукашевича.

Нѣсколько больше совпаденій пришлось наблюдать при сравненіи пѣсенъ Гоголя съ пѣснями перваго сборника Максимовича[2]). Всего въ этомъ случаѣ оказалось 15 пѣсенъ болѣе или менѣе близкихъ по содержанію, а именно:

II пѣсня Гоголя совпадаетъ						
	по содержанію съ		3 (161 стр.)	пѣсней	Максимовича.	
III	»	»	4	»	»	»
IV	»	»	5	»	»	»
IX	»	»	10	»	»	»
XLIV	»	»	XCVII	»	»	»
CVIII	»	»	XXVII	»	»	»
CXVII	»	»	I	»	»	»
CXXVIII	»	»	LXXIV	»	»	»
CLXV	»	»	LVII	»	»	»
9	»	»	LXXXIX	»	»	»
10	»	»	XLV	»	»	»
30	»	»	LVI	»	»	»
47	»	»	XXXII	»	»	»
98	»	»	XXXVIII	»	»	»
158	»	»	XCIV	»	»	»

1) Малороссійскія и червонорусскія народныя думы и пѣсни, Спб., 1836.
2) Малороссійскія пѣсни, изданныя М. Максимовичемъ, М. 1827.

Однако, необходимо имѣть въ виду, что близость этихъ пѣсенъ по содержанію далека отъ тожества. Кромѣ перѣдкихъ варіантовъ, она въ нѣкоторыхъ случаяхъ переходитъ въ особую редакцію той же самой пѣсни. Для примѣра можно привести пѣснію, которая у Гоголя помѣщена подъ № CXVII, а у Максимовича подъ № I:

у Гоголя:	у Максимовича:
Стоить явиръ падъ водою	Стоить яворъ надъ водою
Та вжежъ похылывся,	Въ воду похилився;
Еще козакъ молоденькій	На козака невзгодонька,
Та вже й зажурывся.	Козакъ зажурився.
Зеленепькій яворонькy,	Не хилися яворонькy,
Чого сь похылывся,	Ще ты зелененькій!
Молоденькій козаченькy	Не журися козаченькy
Чого жъ зажурывся?	Ще ты молоденькій!
Ой якъ мни нехылытися,	Не радъ яворъ хилятися —
Вода корень мые.	Вода корни мые;
Ой якъ мнни не журытыся	Не радъ козакъ журитися —
Колы сердце мліе.	Да серденько ные!

Этотъ примѣръ убѣдительно доказываетъ, что Гоголь въ записываніи пѣсенъ даже близкихъ по содержанію къ пѣснямъ Максимовича пользовался не его сборникомъ, а другими матеріалами, и что пѣсни Гоголя самостоятельны даже и въ случаяхъ близости.

Расположеніе пѣсенъ въ тетрадяхъ Гоголя не имѣетъ никакой системы. Пѣсни даже не разбиты по обычнымъ рубрикамъ. Гоголь былъ противъ системы и распредѣленія пѣсенъ по разрядамъ и отдѣламъ. Онъ предпочиталъ въ данномъ случаѣ нѣкоторый поэтическій безпорядокъ. 26 марта 1834 года онъ писалъ къ Максимовичу: «Зачѣмъ ты дѣлишь свое собраніе на гулливыя, казацкія и любовныя? Развѣ казацкія не гулливыя и гулливыя не всѣ ли казацкія? Впрочемъ, я не знаю настоящаго значенія твоего слова *казацкія*. Развѣ нѣтъ такихъ пѣсней, у которыхъ

одна половина любовная, другая гулливая? По мнѣ, раздѣленія не нужно въ пѣсняхъ. Чѣмъ больше разнообразія, тѣмъ лучше. Я люблю вдругъ возлѣ одной пѣсни встрѣтить другую, совершенно противнаго содержанія».

Нотъ также нѣтъ въ тетрадяхъ Гоголя, хотя онъ и интересовался ими. 18 іюля 1834 года онъ спрашивалъ Максимовича: «Да что ты не прислалъ мнѣ нотъ малороссійскихъ пѣсенъ? Прислалъ одинъ листъ подъ названіемъ «Голоса», а самихъ то голосовъ и нѣтъ! Я съ нетерпѣніемъ дожидаюсь ихъ». Подъ «Голосами» въ этомъ случаѣ, очевидно, разумѣлась музыка Алябьева [1]), но для пѣсенъ своего собранія Гоголь, повидимому, не имѣлъ ни записей народныхъ напѣвовъ, ни музыкальныхъ переложеній.

Переходя къ первой тетради Гоголевскихъ пѣсенъ, содержащей «Русскія пѣсни» и собственноручно Гоголемъ переписанной и озаглавленной, необходимо прежде всего замѣтить, что время составленія ея, вѣроятно, совпадаетъ со временемъ собранія пѣсенъ южно-русскихъ. Въ этомъ по крайней мѣрѣ убѣждаетъ тожество всей внѣшности и почерка во всѣхъ тетрадяхъ.

Что же касается до матеріаловъ, на основаніи которыхъ Гоголь составилъ свое собраніе русскихъ пѣсенъ, то мы не располагаемъ данными даже гадательно сдѣлать о нихъ какое-либо предположеніе. Несомнѣннымъ является лишь то, что Гоголь не пользовался услугами Кирѣевскаго и самъ вовсе не для Кирѣевскаго составлялъ свое собраніе русскихъ пѣсенъ. Гоголь даже безъ особаго довѣрія относился къ слухамъ о трудахъ Кирѣевскаго и вовсе не вѣрилъ въ скорое появленіе въ печати собранія его пѣсенъ. 11 января 1834 года Гоголь писалъ Погодину: «Поцѣлуй за меня Кирѣевскаго! Правда ли, что онъ печатаетъ русскія пѣсни?» А 8 октября 1843 года онъ писалъ Языкову: «Ты пишешь, что Петръ Васильевичъ Кирѣевскій совершилъ свой великій подвигъ и послалъ пѣсни въ Петербургъ въ

1) См. Сочиненія Н. В. Гоголя, изданіе десятое, томъ пятый, М., 1889, 287 стр., примѣчаніе.

цензуру. Слава Богу! Есть, стало быть, надежда, что мы, лѣтъ черезъ десять, будемъ читать ихъ, разумѣется, если пропуститъ цензура и не помѣшаетъ недосугъ, котораго такъ много въ Московской жизни». Извѣстно, что срокъ, поставленный Гоголемъ, оказался очень малымъ...

Если и можно искать матеріалы для Гоголевскаго собранія русскихъ пѣсенъ, то вѣрнѣе предполагать ихъ въ печатныхъ трудахъ Снегирева и Сахарова [1]). О Снегиревѣ Гоголь писалъ Погодину 5 мая 1839 года: «Снегиревъ мнѣ полезенъ... Иногда выкопаетъ такую пѣсню, за которую всегда спасибо». Компактное изданіе пѣсенъ Сахарова Гоголь просилъ К. С. Аксакова выслать ему за границу (въ письмѣ къ С. Т. Аксакову отъ 10 іюня 1840 года). Но и такое предположеніе, повидимому, теряетъ правдоподобность, если вѣрно то, что Гоголь закончилъ и собраніе русскихъ пѣсенъ до отъѣзда своего за границу въ 1836 году.

Ближайшее знакомство съ пѣснями Гоголя и Сахарова [2]), сопоставленіе и сравненіе ихъ убѣждаютъ въ значительной самостоятельности собранія русскихъ пѣсенъ Гоголя.

Сравненіе содержанія пѣсенъ Гоголя и Сахарова обнаруживаетъ значительную близость между ними. Тоже наблюдается и между пѣснями Гоголя и пѣснями другихъ пѣсенниковъ, которыя мы цитируемъ по изданію академика А. И. Соболевскаго [3]).

Для удобства изученія, мы прежде всего приведемъ таблицу параллельныхъ пѣсенъ у Гоголя, Сахарова и Соболевскаго, при чемъ вторыя цифры при обозначеніи пѣсенъ Сахарова и Со-

---

1) Бытъ русскаго народа, сочиненіе А. Терещенки въ VII частяхъ, Спб., 1848 г., которымъ восторгался Гоголь (Записки о жизни Н. В. Гоголя, II, 222 стр.), уже не могъ оказать вліяніе на собраніе пѣсенъ Гоголя, вслѣдствіе поздняго выхода въ свѣтъ.

2) Цитируемъ ихъ по компактному изданію въ пяти томахъ: «Пѣсни русскаго народа», Спб., 1838.

3) Великорусскія народныя пѣсни. Изданы профессоромъ А. И. Соболевскимъ, томы I—VII, Спб., 1895—1902.

болевскаго подразумѣваютъ томъ ихъ изданія, а первыя цифры— нумеръ пѣсни:

Гоголь:	Сахаровъ:	Соболевскій:
I	2,2 пляс.	348, II.
II		501, I.
III		374, V.
IV		557—9, II; 760, VII.
VI	44,3.	
VII		133, III.
IX		88, VII.
X		278, V.
XI		722, IV.
XII		382, I.
XIII	132,3.	
XIV	118,3.	
XV		373, III.
XVI		138, IV.
XVII	6,2 пляс.	399, II.
XVIII	9,4 удал.	425, VI.
XIX		433, II.
XX		764, VII.
XXI	5,4.	381, I.
XXII		60, VII.
XXIII		414, II.
XXIV		551, IV.
XXV	30,4.	360, I.
XXVI	6,4.	175, VI.
XXVII	55,3.	
XXIX		638, V.
XXX	17,2 пляс.	76, VII.
XXXI	56,3.	
XXXIII	220,3.	
XXXIV	144,3.	

Гоголь:	Сахаровъ:	Соболевскій:
XXXVI	213,3.	
XXXVII	172,3.	
XXXVIII	170,3.	
XXXIX	145,3.	
XL	148,3.	
XLII	189,3.	
XLIII	3,4.	
XLIV	10,4.	1, II.
XLV	20,4.	169, II.
XLVI	24,4.	
XLVII	33,4.	356, I.
XLVIII	36,4.	696, V.
XLIX	37,4.	
L		14, III.
LI	4—8,4.	242, II.
LII	6,4 разгул.	535, III.
LIII	8,4 тоже.	717, IV.
LIV	18,4 тоже.	
LV	28,4 тоже.	191, VII.
LVI	29,4 тоже.	
LVII	30,4 тоже.	320, VII.
LVIII	1,4 удалыя.	
LIX	2,4 тоже.	
LX	14,4 тоже.	
LXI	23,4 тоже.	
LXII	7,4 солд.	
LXIII	1,4 козац.	
LXIV	5,4 тоже.	
LXV	9,4 тоже.	
LXVI	3,3.	
LXVII	1,4 Веснянки.	
LXVIII	1,4 колыб.	

Гоголь:	Сахаровъ:	Соболевскій:
LXIX	2,4 тоже.	
LXX	29,3.	
LXXI	31,3.	
LXXII	34,3.	
LXXIII	38,3.	
LXXIV	39,3.	
LXXV	40,3.	94, IV.
LXXVI	49,3.	
LXXVII	72,3.	
LXXVIII	75,3.	
LXXIX	88,3.	
LXXX	90,3.	
LXXXI	93,3.	
LXXXII	95,3.	
LXXXIII	89,3.	
LXXXIV	195,3.	
LXXXV	199,3.	
LXXXVI	222,3.	
LXXXVII	229,3.	
LXXXVIII	238,3.	
XC	227,3.	
XCV	2,4 Веснянки.	
XCVIII	39,2	651, II.
XCIX		662, VII.
C	57,2.	
CI	23,2 плясов.	56, IV.
CII	3,4 удалыя.	500, V.
CIII	16,4 тоже.	578, VI.
CIV	24,2 плясов.	191, V.

Изъ этой таблицы явствуетъ, что лишь для 14 Гоголевскихъ пѣсенъ не нашлось параллельныхъ у Сахарова и Соболевскаго.

Но и сходство остальныхъ далеко не умаляетъ значенія Гоголевскаго собранія.

Прежде всего заслуживаетъ особаго вниманія то обстоятельство, что огромное большинство пѣсенъ Гоголя, сходныхъ съ пѣснями Сахарова, имѣетъ совсѣмъ другія имена дѣйствующихъ лицъ, чѣмъ какія носятъ дѣйствующія лица пѣсенъ Сахарова. Обстоятельство это нерѣдко имѣетъ столь замѣтное значеніе, что мѣняетъ самый характеръ пѣсенъ, и во всякомъ случаѣ не свидѣтельствуетъ о заимствованіи Гоголемъ русскихъ пѣсенъ у Сахарова.

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ сходство Гоголевскихъ пѣсенъ съ пѣснями Сахарова не заходитъ такъ далеко, чтобы исключить наличность существенныхъ варіантовъ. Однако, какъ важны иногда разночтенія Гоголевскихъ пѣсенъ, это лучше и яснѣе всего можно видѣть на наглядномъ примѣрѣ. Для этого мы приведемъ параллельные тексты Гоголя и Сахарова одной пѣсни «Ужъ какъ палъ туманъ на сине море», занимающей у Гоголя XXI мѣсто, а у Сахарова напечатанной въ четвертомъ томѣ подъ № 5:

У Гоголя:	У Сахарова:
Ужъ какъ палъ туманъ на сине море, на сине море,	Ужъ какъ палъ туманъ на сине море,
А злодѣйка кручина въ ретиво сердце;	А злодѣйка - тоска въ ретиво сердце;
Какъ не схаживать туману со синя моря,	Не сходить туману съ синя моря,
А злодѣйкѣ кручинѣ съ ретива сердца.	Ужъ не выдти кручинѣ изъ сердца вонъ.
Какъ далече, далече во чистомъ полѣ,	Не звѣзда блеститъ далече во чистомъ полѣ,
Разгорался огонекъ малешенекъ.	Курится огонечекъ малешенекъ;
Возлѣ огничка посланъ ковричекъ,	У огонечка разостланъ шелковой коверъ,
	На коврикѣ лежитъ удалъ добрый молодецъ,

У Гоголя:

А на ковричкѣ лежитъ добрый молодецъ;
Во правой рукѣ держитъ тугой лукъ,
Во лѣвой рукѣ калену стрѣлу.
Во скорыхъ погахъ стоитъ добрый конь,
Онъ и бьетъ копытомъ объ сыру землю,
И онъ знать даетъ добру молодцу;
Ты вставай, вставай, добрый молодецъ,
Ты садись на меня на добра коня;
Я свезу тебя къ отцу къ матери,
Къ молодой женѣ, къ малымъ дѣтушкамъ.
Ты скажи, объяви молодой женѣ,
Что женился я на иной женѣ.
И я взялъ за себя поле чистое,
А въ приданье взялъ зелены луга;
У насъ добрый сватъ былъ булатный мечъ,
А сосватала калена стрѣла,
На постель клала свинцова пуля.
Ты дуброва, дуброва зеленая,
Ты долина, долина широкая!
Ужъ какъ всѣмъ ты долина изукрашена,
А однимъ ты долина обезчещена.
Посреди тебя зеленый курганъ,

У Сахарова:

Прижимаетъ платкомъ рану смертную,
Унимаетъ молодецку кровь, горючую;
Подлѣ молодца стоитъ тутъ его добрый конь.
И онъ бьетъ своимъ копытомъ въ мать сыру землю,
Будто слово хочетъ вымолвить своему хозяину:
Ты вставай, вставай, удалъ добрый молодецъ!
Ты садись на меня, своего слугу,
Отвезу я добра молодца на родиму сторону,
Къ отцу матери родимой, къ роду племени,
Къ малымъ дѣтушкамъ, къ молодой женѣ!
Какъ вздохнетъ тутъ удалъ добрый молодецъ;
Подымалась у удалова его крѣпка грудь,
Опустились у молодова бѣлы руки,
Растворилась его рана смертельная,
Пролилась ручьемъ кровь горючая,
Тутъ промолвилъ добрый молодецъ своему коню:

У Гоголя:	У Сахарова:
На курганѣ разосланъ ковричекъ, А на ковричкѣ лежитъ молодецъ: Онъ избитъ, изстрѣленъ, израненъ весь.	Ахъ ты, конь мой, конь, лошадь вѣрная! Ты товарищъ въ полѣ ратномъ, Добрый пайщикъ службы царской! Ты скажи моей молодой вдовѣ, Что женился я на другой женѣ, Что за ней я взялъ поле чистое; Насъ сосватала сабля острая, Положила спать калена стрѣла.

Примѣръ этотъ не только убѣдительно говоритъ о самостоятельномъ значеніи Гоголевскаго собранія русскихъ пѣсенъ, но и свидѣтельствуетъ о высокихъ достоинствахъ Гоголевской записи, ставящей пѣсни его на степень образцовъ народной рѣчи и народной поэзіи.

То же самое убѣжденіе о самостоятельномъ значеніи Гоголевскаго собранія русскихъ пѣсенъ получается и при сравненіи ихъ съ пѣснями раннихъ пѣсенниковъ, вошедшими въ изданіе «Великорусскихъ народныхъ пѣсенъ» академика А. П. Соболевскаго. И при этомъ сравненіи выясняется, что близость и сходство пѣсенъ не переходитъ въ тожество, которое свидѣтельствовало бы о механическомъ «списываніи» Гоголемъ русскихъ пѣсенъ изъ разныхъ печатныхъ источниковъ. Для наглядности и убѣдительности мы приведемъ параллельно тексты нѣсколькихъ сходныхъ пѣсенъ.

Вотъ, напримѣръ, двѣ записи одной и той же пѣсни, при чемъ получились даже разныя имена дѣйствующихъ лицъ. Пѣсня эта записана Гоголемъ подъ № LXXV, а у академика Соболевскаго напечатана въ четвертомъ томѣ подъ № 94:

У Гоголя:

Ай на дубчику два голубчика сидятъ,
Промежъ себя рѣчи говорятъ
Про удалого молодца про Александра.
Какъ нѣтъ такого молодца,
Что Александра Александровича.
Онъ съ рублика на рубликъ ступалъ,
По пяти рублей на улицу кидалъ,
Десятью вороты запиралъ,
Какъ и сотнею сиротъ обдѣлялъ.
Вы сироты помолите обо мнѣ,
Объ удаломъ молодцѣ Александрѣ.

У Соболевскаго:

Какъ на дубчикѣ два голубчика сидятъ,
Промежду себя воркуютъ-говорятъ,
Какъ про добраго молодца,
Про Матвѣя про Петровича.
Онъ и съ тысячи на тысячу ступалъ,
Ассигнаціей дорогу устилалъ,
Сиротушекъ изъ неволи выкупалъ:
«Вы подите, сиротинушки, домой,
Помолитеся вы Богу за меня,
Какъ за добраго молодца!»

Образцомъ записи и болѣе полной, и болѣе народной служитъ пѣсня у Гоголя «Изъ-за бору, бору», № XCVIII, сходная съ напечатанной во второмъ томѣ изданія академика Соболевскаго подъ № 651:

У Гоголя:

Изъ за бору бору,
Изъ за зеленого,
Протекала свѣтъ
Быстрая рѣчка.
Стучала гремѣла
По кремнямъ острымъ,
Обростала быстра рѣчка
Калиной малиной.
На калиновомъ мосточкѣ
Сидѣла голубка,
Ноженьки мыла

У Соболевскаго:

Изъ бору-бору, изъ зеленаго,
Стучала гремѣла быстрая рѣчка,
Обростала быстра рѣчка калиной, малиной.
На калиновомъ мосточкѣ сидѣла голубка,
Ноженьки мыла, перемывала,
Свое сизо перышко перебирала,
Перебравши сизо перье, сама взворковала...

У Гоголя:

Перемывала,
Свое сизо перышко
Перебирала,
Свою буйну голову
Чесала.
Перебравъ сизо перье,
Перечесавъ буйну голову,
Сама взворковала....

Совершенно однородный характеръ записи можно видѣть и на примѣрѣ пѣсни «Пряди, моя пряха», помѣщенной въ собраніи у Гоголя подъ № CI, а въ изданіи академика Соболевскаго въ четвертомъ томѣ подъ № 56:

У Гоголя:

Пряди моя пряха,
Пряди не лѣпися.
И я рада бъ пряла,
Меня въ гости звали,
Звали позывали,
Къ сосѣду въ бесѣду,
На пиръ пировать.
Мой милый хорошій,
Мой милъ пригожій,
Холостъ не женатый,
Бѣлый кудряватый.
Вотъ ѣдетъ мой милой
На ворономъ конѣ,
Въ бѣломъ балахонѣ,
Шапочка съ углами,
Головка съ кудрями.
Къ двору подъѣзжаетъ,
Дѣвица встрѣчаетъ,

У Соболевскаго:

Пряди, моя пряха, пряди, не лѣнися!
— Рада бы я пряла, — меня въ гости звали,
Звали позывали, къ сосѣду въ бесѣду.
У сосѣда будетъ мой милый хорошій,
Мой милый пригожій,
Бѣлый кудреватый, холостъ, не женатый.
Вотъ ѣдетъ мой милый...

У Гоголя:

За руки хватаетъ,
За столикъ сажаетъ.

Извѣстная пѣсня «Лучина, лучинушка березовая» въ записи Гоголя, подъ № IV, тоже имѣетъ любопытныя особенности, по сравненію съ напечатанной во второмъ томѣ изданія академика Соболевскаго подъ № 557:

У Гоголя:	У Соболевскаго:
Лучина, лучинушка березовая!	Лучина, лучинушка березовая!
Ахъ, чтожъ ты, лучинушка, не ясно горишь,	Что же ты, лучинушка, не ясно горишь,
Не ясно горишь, не вспыхиваешь?	Не ясно горишь, горишь, не вспыхиваешь?
Али ты, лучинушка, въ печи не была,	Или ты, лучинушка, въ печи не была,
Въ печи не была, не высушена?	Или ты, лучинушка, не высушена,
Али те, лучинушку, свекровь подлила?	Или свекровь лютая водой подлила?

Какъ на образецъ особенной близости между пѣснями Гоголя и изданными академикомъ Соболевскимъ, которая не исключаетъ наличности заслуживающихъ полнаго вниманія варіантовъ, можно указать на пѣсню «Пѣтушокъ, пѣтушокъ», помѣщенную въ тетради Гоголя подъ № LIII и въ четвертомъ томѣ изданія академика Соболевскаго подъ № 717:

У Гоголя:	У Соболевскаго:
Пѣтушокъ, пѣтушокъ,	Пѣтушокъ мой, пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ!..	Золотой гребешокъ,
Зачѣмъ рано встаешь,	Ты къ чему рано встаешь,
Голосисто поешь,	Голосисто поешь,
Голосисто поешь,	Голосисто поешь,

У Гоголя:

Съ милымъ спать не даешь?
И я встану младешенька,
Ранымъ рано ранешенько,
Я умоюсь младешенька
Шуйскимъ мыльцемъ бѣлешенько,
Я взойду ли подъ насѣточку,
Пѣтушка возьму за крылышко,
За правильное за перышко,
Я ударю объ насѣточку.
Еще вотъ те пѣтушекъ,
За почной за смѣшокъ!
Зачѣмъ рано встаешь,
Голосисто поешь,
Голосисто поешь,
Съ милымъ спать не даешь.

У Соболевскаго:

Съ милымъ спать не даешь?
Ахъ, встануль я, младешенька,
Я по утру ранешенько;
Я умоюся, младешенька,
Шуйскимъ мыльцемъ бѣлешенько;
Пойдуль я къ пѣтушку подъ насѣстъ.
Возьмуль я пѣтушка за правое крылышко,
За правое крылышко, за правильное перушко;
Я ударю пѣтушка объ насѣсточку.
Еще вотъ те, пѣтушокъ,
За почешный за смѣшокъ!
Ты къ чему рано встаешь,
Голосисто поешь,
Голосисто поешь,
Съ милымъ спать не даешь!

Еще одинъ примѣръ того, насколько запись Гоголя старше и цѣнѣе, чѣмъ сохранившаяся въ Пѣсенникахъ. Вотъ часть пѣсни LII у Гоголя и № 535 изъ третьяго тома изданія академика Соболевскаго:

У Гоголя:

Становили тебя добрые молодцы,
Добрые молодцы володимерцы.
Какъ у сизова млада селезня
Не сами перья заломалися,

У Соболевскаго:

Становили тебя плотнички,
Государевы работнички...
Ты простися, добрый молодецъ,
Ты поди къ своему отцу-матери,

У Гоголя:	У Соболевскаго:
Заломала ихъ сѣра утица,	Попроси у нихъ благосло-
По единому сизу перышку.	веньица
Какъ у доброва молодца	Идти во солдатушки.
Не сами кудри завивалися,	Что возговоритъ московскій гу-
Завивала ему красна дѣвица	бернаторъ доброму молодцу:
По единому чорну волосу,	«Отчего ты идешь, добрый мо-
Завивши кудри сама заплакала:	лодецъ, во солдатушки,
Кабы знала млада, вѣдала,	Отъ бѣды, или отъ напасти?»
Вѣкъ сидѣла бы я во дѣвушкахъ.	—«Не отъ бѣды иду, не отъ
	напасти,—
	Отъ худой славы, отъ худой
	жены!»

Приведенные примѣры, полагаемъ, вполнѣ достаточны для того, чтобы убѣдиться въ самостоятельномъ происхожденіи и въ самостоятельномъ значеніи собранія русскихъ пѣсенъ Гоголя и чтобы снять съ Гоголя даже тѣнь подозрѣнія въ какомъ-то «списываніи».

Ниже печатаются всѣ три тетради, каждая особо, за особою, поставленною Гоголемъ, нумераціею пѣсенъ и съ Гоголевскимъ же оглавленіемъ въ началѣ двухъ первыхъ. Для каждой тетради нами составленъ особый алфавитный указатель пѣсенъ, и всѣ три указателя печатаются вмѣстѣ послѣ пѣсенъ.

При печатаніи тетради съ русскими пѣснями и первой тетради съ пѣснями южнорусскими, собственноручно переписанными Гоголемъ, въ точности сохранено Гоголевское правописаніе, за исключеніемъ знаковъ препинанія, которыхъ у Гоголя почти нѣтъ. Надобно замѣтить, что оно страдало большими недостатками: «правила орѳографіи какъ будто неизвѣстны Гоголю»[1]). Еще современники Гоголя обращали вниманіе на его безграмот-

1) Сборникъ Общества Любителей Россійской Словесности за 1891 годъ, М., 1891, стр. 102: статья Н. С. Тихонравова «Замѣтки о словарѣ, составленномъ Гоголемъ».

ность. Пушкинъ говорилъ: «Прозой пишу я гораздо неправильнѣе, а говорю еще хуже и почти такъ, какъ пишетъ Гоголь»[1]). Самъ Гоголь сознавалъ свой недостатокъ и въ декабрѣ 1846 г. писалъ Плетневу: «Я до сихъ поръ, какъ ни бьюсь, не могу обработать слогъ и языкъ свой—первыя необходимыя орудія всякаго писателя. Они у меня до сихъ поръ въ такомъ неряшествѣ, какъ ни у кого даже изъ дурныхъ писателей».

Конечно, главнымъ побужденіемъ сохранить Гоголевское правописаніе было желаніе замѣнить настоящимъ изданіемъ рукопись для послѣдующихъ занятій.

Въ настоящее время пѣсни, собранныя Гоголемъ, хранятся въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ Музеяхъ подъ № 3224.

Григорій Георгіевскій.

Румянцовскій Музей.
Октябрь 1906 года.

---

1) Сочиненія А. С. Пушкина, изд. Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, томъ V, Спб., 1887, стр. 135.

РУССКІЯ ПѢСНИ.

Оглавленіе пѣсней.

I. Во полѣ береза стояла.
II. Хмѣль.
III. Веселая голова.
IV. Лучина, лучинушка березовая.
V. Охъ, какъ взговоритъ во теремѣ.
VI. Пантелей государь ходитъ по двору.
VII. Ты поди, моя коровушка, домой.
VIII. Отрывки.
IX. Улица, улица моя.
X. Во саду ли, въ огородѣ пташки воспѣвали.
XI. Что не самъ то я ко дѣвушкѣ ходилъ.
XII. Ахъ, какъ далече, далече во чистомъ полѣ.
XIII. Разлилася, разлелеялася.
XIV. Не лежи, чорный бобръ, у крутыхъ береговъ.
XV. Дорогая моя хорошая.
XVI. Какъ по рѣчкѣ, какъ по быстрой.
XVII. Я вечоръ молода во пиру была.
XVIII. Не шуми, мати зеленая дубровушка.
XIX. Ахъ, вы кумушки голубушки подружки.
XX. Отдалѣла то я, сударушка, отдалѣла.
XXI. Ужъ какъ палъ туманъ на сине море.
XXII. Вдовушка по сѣничкамъ похаживала.
XXIII. Вы раздайтесь, разступитесь, добрые люди.
XXIV. Внизъ по матушкѣ по Волгѣ.

XXV. Ахъ ты, поле мое, поле чистое.
XXVI. Сторона ль моя, сторонушка.
XXVII. Изъ за лѣсу, лѣсу.
XXVIII. Отрывки.
XXIX. Возлѣ рѣчки, возлѣ мосту.
XXX. Ой, во саду, саду, люблю садовую.
XXXI. Какъ изъ гнѣздышка пташечка.
XXXII. Ахъ сборы, сборы Малашины.
XXXIII. Подымалась погодушка.
XXXIV. Высоко звѣзда восходила.
XXXV. Къ дружкѣ.
XXXVI. Я не знала, не вѣдала, ко мнѣ сваха пріѣхала.
XXXVII. Съ рѣченьки утушка слетывала.
XXXVIII. Яблонька моя, яблонька.
XXXIX. Чорны кудри за столъ пошли.
XXXX. На морѣ селезень косы вьетъ.
XXXXI. Ты Фетинья Вахромѣевна.
XXXXII. Во теремѣ гусли лежали.
XXXXIII. Ужъ какъ полно красна дѣвица тужити.
XXXXIV. Какъ у ключика у гремучего.
XXXXV. У дородна добра молодца.
XXXXVI. По улицѣ то дождь то снѣгъ.
XXXXVII. Ахъ вы, горы, горы крутыя!
XLVIII. У залетна ясна сокола.
XLIX. Ой, ты дума моя, думушка.
L. Ахъ, кабы на цвѣты не морозы.
LI. Не ходи холостъ поздо вечеромъ.
LII. Ахъ, душечка молодой ямщикъ.
LIII. Петушокъ, петушокъ, золотой гребешокъ.
LIV. Еще какъ люди въ людяхъ то живутъ.
LV. У Спаса къ обѣдни звонятъ.
LVI. Охъ, въ горѣ жить не кручинну быть.
LVII. У дороднаго добра молодца.
LVIII. Ахъ, батюшка, Ярославль городъ.

LIX. Изъ Кремля, Кремля, крѣпка города.
LX. У насъ то было, братцы, на тихомъ дону.
LXI. Ужъ какъ по морю, по морю синему.
LXII. Ахъ, по морю, морю синему.
LXIII. Что пониже было города Саратова.
LXIV. Мимо славнаго города Воронежа.
LXV. У насъ, братцы, на дону, въ Черкасскомъ городу.
LXVI. На зарѣ Иванъ сударь Петровичъ.
LXVII. Весна красна.
LXVIII. Колыбельная пѣсня.
LXIX. Колыбельная пѣсня.
LXX. Ой ни чарочки по столику гремятъ.
LXXI. Александра матушка породила.
LXXII. Во саду ли, въ огородѣ, во вишенью.
LXXIII. Перевью тыномъ рѣку.
LXXIV. Звонко звонятъ въ Новѣгородѣ.
LXXV. Ай на дубчику два голубчика сидятъ.
LXXVI. Кто у насъ холостъ ходитъ?
LXXVII. Пелагея матушка.
LXXVIII. Около шеста бѣлаго, полотняного.
LXXIX. Какъ на Иванушкѣ кудри русыя.
LXXX. Александрушка господинъ.
LXXXI. Не бушуйте вы, вѣтры буйные.
LXXXII. Бѣлокаменна палата граповита.
LXXXIII. Ты Иванъ сударь.
LXXXIV. Чтобы те свату по міру ходить.
LXXXV. По городу, по городу звоны пошли.
LXXXVI. При дѣвичьемъ было при вечерѣ.
LXXXVII. Ладушка моя милая.
LXXXVIII. Какъ по саду по садику.
LXXXIX. Ахъ вы, дѣвушки, дѣвушки.
XC. Послѣ бани.
XCI. Отлелеила, отлелеила волга.
XCII. Какъ по сѣнямъ, по сѣничкамъ.

LCIII. Ахъ ты, свѣтъ, моя свѣтлая свѣтлица.
LCIV. Шли прошли по околицѣ.
LCV. Веснянка.
LCVI. Ужъ что я сижу думаю.
LCVII. Болѣзный ты мой, батюшка.
LCVIII. Изъ за бору, бору, изъ за зеленого.
LCIX. Сидитъ олень подъ сырымъ дубкомъ.
C. Заинька, поскачи.
CI. Пряди, моя пряха.
CII. Ахъ подъ лѣсомъ, лѣсомъ, подъ зеленой дубровой.
CIII. Ты бесчастный добрый молодецъ.
CIV. Ахъ ты, ноченька.
CV. Надъ рѣчкою, надъ быстрою.

I.

Во полѣ береза стояла,
Во полѣ кудрявая стояла.
Некому березы заломати,
Некому кудрявой заломати.
Я пойду погуляю,
Бѣлую березу заломаю.
Вырѣжу три пруточка,
Сдѣлаю три гудочка,
Четвертую балалайку.
Вы, гудки, не гудите,
Старого мужа не будите.
Старой спитъ съ похмѣлья,
Со великого перепою.
Выду на новыя сѣни,
Стану я стараго будити:
Встань, мой старый, пробудися!
Вотъ тебѣ помои, умойся,
Вотъ тебѣ онуча, утрися,
Вотъ тебѣ лопата, помолися,
Вотъ тебѣ камень, подавися.

II.

Хмѣль.

Какъ въ городѣ было во Казанѣ,
Середи было торгу на базарѣ,
Хмѣлюшка по выходамъ гуляетъ,
Еще самъ себя хмѣль выхваляетъ.
Ужъ какъ нѣтъ меня, хмѣлюшки, лучше,
Хмѣлевой моей головки веселѣе.

Еще царь-государь меня знаетъ,
Князья и бояре почитаютъ,
Священники-попы благословляютъ;
Еще свадьбы безъ хмѣля не играютъ,
И крестины безъ хмѣля не бываютъ,
Еще гдѣ подерутся, побранятся,
Еще тутъ безъ хмѣля не мирятся.
Одинъ лихъ на меня мужикъ крестьянинъ:
Онъ честехонько во зеленый садъ гуляетъ,
Онъ глубокія борозды копаетъ,
Глубоко меня, хмѣлину, зарываетъ,
Въ ретиво сердце тычиночки втыкаетъ,
Застилаетъ мои глазоньки соломкой.
Ужъ какъ тутъ-то я, хмѣль, догадался,
По тычиночкамъ я вверхъ подымался,
Я отростилъ свои ярыя шишки;
Но все лихъ на меня мужикъ крестьянинъ:
Онъ по частешеньку въ зеленый садъ гуляетъ,
Онъ и сталъ меня, хмѣлюшку, снимати
И со малыми ребятыми щипати,
Въ кулье, въ рогожи зашивати,
По торгамъ, по домамъ развозити;
Меня стали мужики покупати
И со суслицомъ во котликахъ топити;
Ужъ какъ тутъ-то я, хмѣль, догадался:
Я изъ котлика вонъ подымался,
Не въ одномъ мужикѣ разыгрался.
Я бросалъ ихъ о тынъ головами,
А во скотской пометъ бородами.

III.

Веселая голова,
Не ходи мимо двора,

Не ходи мимо двора,
Дороженьки не тори.
Дороженьки не тори,
Худой славы не клади,
Отцу матери бесчестья,
Роду племени покоръ,
Роду племени покоръ,
Мнѣ головушка домой.
Мнѣ головушка домой,
Мнѣ нельзя придти домой,
Мнѣ нельзя придти домой,
Сказать матушкѣ родной.
Скажу такъ, скажу сякъ,
Скажу эдакъ и вотъ такъ:
Скажу, въ садикѣ была,
Во зеленомъ гуляла,
Сладки яблочки рвала,
Все наливчетые,
Все наливчатые
И разсыпчатые.
Я на блюдечко клала
На серебренное,
На серебренное,
Позолоченное,
Ко милому относила
Во высокой во теремъ.
Милой яблокъ не примаетъ,
Ничего не говоритъ,
Ничего не говоритъ,
Не отказываетъ,
Не отказываетъ,
Не приказываетъ.
И я топнула ногой,
Сама съ терема долой,

Сама съ терема долой,
Оставайся, чортъ съ тобой!
Не ломайся надо мной,
Надъ дѣвичьей красотой,
Надъ дѣвичьей красотой,
Надъ моей русой косой;
На ступеничку ступила,
Призадумалася,
На другую я ступила,
Призадумалася,
А на третью я ступила,
Ворочусь млада назадъ;
Дружку выговорю,
Дружку выговорю,
Въ глаза выругаю:
Ты послушайка, каналья,
Погадай, негодяй,
Погадай, негодяй,
Я за что тебя люблю,
Я за что тебя люблю,
Худу славушку несу?
Я за то только люблю,
Что на ноженьку легокъ,
Что на ноженьку легокъ,
На босу ногу сапогъ,
Во полночь гулять готовъ.

IV.

Лучина, лучинушка березовая!
Ахъ, что жъ ты, лучинушка, не ясно горишь,
Не ясно горишь, не вспыхиваешь?
Али ты, лучинушка, въ печи не была,
Въ печи не была, не высушена?

Али те, лучинушку, свекровь подлила?
Подружки голубушки, ложитеся спать,
Ложитеся спать, вамъ нѣкого ждать.
А мнѣ молодешинькѣ всю ночку не спать,
Всю ночку не спать, постелюшку слать,
Постелюшку слать, мила дружка ждать.
Первый сонъ заснула, милый небывалъ,
Другой сонъ заснула, сердечного нѣтъ,
Третій сонъ заснула, заря бѣлый день.
По бѣлой по зорюшкѣ мой милой идетъ,
Сапожки на ножкахъ поскрыпиваютъ,
Натуральной тросточкой постукиваетъ.

V.

Охъ, какъ возговоритъ въ теремѣ
Свѣтъ Улита Сафроновна:
Что, ясенъ ли свѣтелъ мѣсяцъ?
Что, веселъ ли мой милой другъ,
Свѣтъ Федулъ Вахрамѣевичъ?
И онъ пьетъ прохлаждается,
И онъ много похваляется:
У меня жена разумная,
Что не пьетъ пива пьяного,
Зелена вина въ ротъ не береть;
У ней рѣчь лебединая,
А походка павлиная;
Она пройдетъ, утѣшитъ меня;
Слово молвитъ, накормитъ меня.

VI.

Пантелей, государь, ходитъ по двору,
Кузмичь гуляетъ по широкому:
Кунья на немъ шуба до земли,
Соболья на немъ шапка до верху,
Божья надъ нимъ милость до вѣку;
Бояре-то смотрятъ изъ города,
Боярыни-то смотрятъ изъ терема,
А сужена смотритъ изъ полога.
Бояре то молвятъ: чей то такой?
Боярыни молвятъ: чей господинъ?
А сужена молвитъ: мой дорогой.

VII.

Ты поди, моя коровушка, домой,
Ты поди, моя буреная,
Ахъ, диди-ди, калинка моя,
Въ саду ягода малинка моя.
Завтра встану я ранешенько,
Я умоюся бѣлешенько;
Я умоюся бѣлешенько,
Снаряжуся хорошешенько.
Погоню ли я коровъ на росу,
На встрѣчу мнѣ медведь во лѣсу.
Прилетѣли голуби на дубы,
Поклевали голуби желуди,
Оставили они тросточки
На ѣловыя досточки.
Ахъ, у всѣхъ женъ мужья хороши,
Хороши да хорошешеньки,

А у меня ли у младешеньки
Негодяй мужичоночко,
Да и тотъ съ кулачоночко.
Поперегъ моей кроватушки лежитъ,
Поперечную рѣчь говоритъ:
Онъ велитъ раздѣвать раззувать,
Расбестію распоясывати;
Расбестію распоясывати,
Часты пуговки разстегивати.
Я сама буду до мужа добра,
Что добра буду и ласкова.
Я поѣду ль во Торжокъ торговать
И куплю я мужу пуговку,
Я куплю мужу пуговку,
Что семи пудъ да и съ четвертью.
Навяжу ль я мужу на груди
И пущу я мужа на воду;
Пущу ль я мужа на воду,
А сама взоиду на гору;
Я сама взоиду на гору,
Погляжу, какъ мужъ мой плаваетъ.
Онъ какъ чортъ барыхтается,
Какъ пузырь надувается;
Какъ пузырь надувается,
Надо мной ужъ не ломается.

VIII.

Отрывки.

1.

За тѣ ль меня скачки, за тѣ ль поплясушки,
Меня батюшка билъ билъ, меня родной билъ билъ.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

2.

Ковали черевички мои,
Клали скобки серебренныя,
Подбивали гвоздиками позолоченными.

3.

Воротись, моя надежа, воротися, сердце!
Не воротишься, надежа, махни чорной шляпой,
Чорной шляпой пуховою, правою рукою.

4.

Ахъ! что за парень за такой,
Николашинька по улицѣ ходилъ.
Онъ съ гривенки на гривенку ступалъ,
Полтиною вороты запиралъ,
По рублевичку въ окошко кидалъ,
По пяти рублей красавицамъ давалъ.

5.

Со вечера съ полупочи приходилъ молодчикъ.
Приходилъ ко мнѣ молодчикъ собой невеличекъ,
Чуть заснула съ полуночи, а онъ меня кличетъ.

IX.

Улица, улица моя,
Трава мурова зелененькая.
По улицѣ молодецъ идетъ,
Вдоль по широкой удалинькой.
На молодчикѣ смуръ кафтанъ,
Опоясочка шелковая,

Рукавички барановыя.
Рукавички барановыя,
Сапожки сафьяновыя,
На немъ шапочка бархатна,
Околышекъ черна соболя.
По улицѣ молодецъ идетъ,
Вдоль по широкой удалинькой,
Подъ полой несетъ дуду загулу,
Подъ другой онъ несетъ гусельцы.
Какъ струна загула, загула,
Другая выговаривала:
Пора молодцу женидьбу давать,
Холостому время свататься,
Стару бабу за себя ему взять,
Стару бабу на печи въ углу держать,
Старой бабѣ калачи покупать,
Стару бабу киселемъ кормить,
Стару бабу киселемъ кормить,
Молокомъ бабу подпаивати.
Какъ бы бабѣ калача да колача,
Съ того баба горяча да горяча,
Кабы бабѣ киселя да киселя,
Съ того баба весела да весела,
Кабы бабѣ молока да молока,
Съ того баба молода да молода,
Кабы бабѣ сапоги да сапоги,
Ударила бъ въ три ноги да въ три ноги.
Затянула бъ баба пѣсеньку
Тонкимъ звонкимъ голосочкомъ.
Сынъ на матери снопы возилъ,
Молода жена въ пристяжкѣ была,
Стару матушку пристегивалъ,
Молоду жену придерживалъ.
Ну-ну, ну, ну, стара матушка,

Постой, мила молода моя жена.
Ты, любима моя пѣсенька!
Я любила тебя въ дѣвкахъ пѣть,
Люблю тебя я и за мужемъ,
У милаго въ очахъ будучи.
Но, ахъ, бѣда! ахъ, бѣда,
Ахъ, бѣда моя не маленькая,
Что зовутъ меня не дѣвушкой,
Не дѣвушкой, не молодушкой.
Я со вечера дѣвушка,
Ко полуночи молодушка;
Ко полуночи молодушка,
Ко бѣлу свѣту хозяюшка;
Ко бѣлу свѣту хозяюшка,
Черезъ сорокъ недель матушка.
Ахъ, ты, дѣверь, дѣверинушка,
А гдѣ наша животинушка?
Коровушки во дубровушкѣ,
Лошадушки на площадушкѣ,
Овечушки подлѣ рѣчушки,
А свинушки на долипушкѣ.

X.

Во саду ли, въ огородѣ пташки воспѣвали.
Кабы знала я вѣдала пташкинъ голосочикъ:
Я списалабъ голосъ пташкинъ на бѣлу бумагу,
Отослала бъ голосочикъ въ нижній городочикъ,
Въ нижній нижній городочикъ ко сердечному другу.
Велишь ли ты, моя радость, хорошо ходити?
Ходи, радость, хорошенько, бѣлая, румяная.
Не ходи, моя надежа, къ сосѣду въ бесѣду:
У сосѣда во бесѣдѣ холосты ребята;

Мастера въ скрыбку играти, дѣвокъ забавляти;
Глазами то поводятъ, изъ ума выводятъ;
Чорны брови подмываютъ, на дворъ вызываютъ.

XI.

Что не самъ я то ко дѣвушкѣ ходилъ,
Не послалъ я ко любезной посылалъ:
Что сама ко мнѣ хорошая пришла,
Что пришла, пришла, пожаловала,
Въ окошечко праву ручку подала,
Въ окошечко во косящетовое,
Сквозь окошечко нѣмецкаго стекла.
Сударушка, не гнѣвися на меня,
Не равно я слово молвилъ во хмѣлю,
За досадушку покажется тебѣ,
За досаду, за великую бѣду.

Во чистомъ полѣ калинушка стоитъ,
На калинѣ соловеюшка сидитъ,
Горьку ягоду калинушку клюетъ,
А малиною закусываетъ;
Прилетѣли ко соловью два сокола,
Они взяли соловья вмѣстѣ съ собой,
Посадили соловейку во саду,
Что во мѣдную во клѣточку,
За серебренну решоточку.
Соловейка во всю почку просвисталъ.
Добрый молодецъ осенню почь неспалъ;
Все душу красну дѣвицу утѣшалъ,
Чтобы дѣвица любила молодца,
И любила бы, и жаловала,
И ни въ чемъ бы не отказывала.

XII.

Ахъ, какъ далече, далече въ чистомъ полѣ,
Раскладенъ тамъ былъ огонечекъ малешенекъ,
Отъ огонечка шелъ дымочикъ топешенекъ,
Подлѣ огонечка разосланъ шелковый коверъ,
На коврикѣ лежитъ добрый молодецъ,
Припекаетъ свои раны кровавыя:
Въ головахъ его лежитъ стрѣлъ колчанъ,
По праву руку лежитъ сабля острая,
По лѣву руку его крѣпкой лукъ,
А въ ногахъ стоитъ его добрый конь.
Добрый молодецъ ужъ кончается,
И самъ добру коню наказываетъ:
Ахъ! ты, конь мой, конь добра лошадь!
Ты видишь, что я съ бѣлымъ свѣтомъ разлучаюсь,
И съ тобой однимъ прощаюсь;
Какъ умру я, мой добрый конь,
Ты зарой копытомъ мое тѣло бѣлое,
Среди поля, среди чистаго,
Среди раздольица, среди широкаго;
Побѣги потомъ во святую русь,
Поклонись моему отцу, матери,
Благословенье отнеси малымъ дѣтушкамъ,
Да скажи моей молодой вдовѣ,
Что женился я на другой женѣ:
Въ приданное взялъ поле чистое,
Свахою была калена стрѣла,
А спать положила пуля мушкетная,
Тяжки мнѣ раны палашевыя.
Всѣ друзья меня и братья оставили,
Всѣ товарищи разъѣхались:
Лишь одинъ ты, мой добрый конь,
Послужилъ мнѣ до смерти моей;

И ты увидишь, мой добрый конь,
Что удалой добрый молодецъ кончается.

XIII.

Разлилася, разлелеилась
По лугамъ вода вешняя;
Унесло, улелеило
Чадо милое, дочь отъ матери.
Оставалася матушка
На крутомъ красномъ бережку;
Закричитъ она громкимъ голосомъ:
Воротись, мое дитятко,
Воротись, мое милое,
Позабыли трои ключи,
Трои ключи золоты,
Со кольцомъ со серебреннымъ,
А внутри позолоченнымъ;
Какъ первой то ключикъ
Отъ высокого терема;
А другой-то ключикъ
Отъ зеленова садика;
А третій то ключикъ
Отъ кована ларчика.
Государыня матушка!
Позабыла я не трои ключи,
Не трои ключи золоты;
Позабыла, матушка,
Волю батюшкину,
А нѣгу матушкину
И пріятство сестрицыно.

XIV.

Не лежи, чорный бобръ, у крутыхъ береговъ,
Черная куна, возлѣ быстрой рѣки;
Не сиди, Панфилъ, во чужомъ пиру,
Панфилъ господинъ, да ивановичъ;
Снаряжай ты свадебку Катинькину,
Что катинькину да ивановнину.
Глупые люди! неразумные!
Ужъ у меня свадебка снаряжена:
Девять печей хлѣба испечено,
Десятая печь тертыхъ калачей;
Девять четвертей пива наварено,
Десятая четверть зелена вина;
Ужъ у меня приданное изготовленно:
Девять городовъ съ пригородками,
Три терема съ притеремками.

XV.

Дорогая моя, хорошая,
Ты, душа моя, красна дѣвица,
Моя прежняя полюбовница!
Не сиди, мой свѣтъ, долго вечеромъ:
Ты не жги свѣчи воску ярого;
Ты не жди меня до бѣла свѣта;
Ахъ, задумалъ я вить жениться,
И зашелъ къ тебѣ распроститися,
За любовь твою поклонитися.
Залилась дѣвица горючимъ слезамъ,
Во слезахъ она слово молвила:
Размѣняемся, другъ, подарками;

Ты отдай, отдай мой золотъ перстень,
Ты возьми, возьми свой булатный ножъ,
Со которымъ ты все ко мнѣ ѣзжалъ;
Ты пронзи, пронзи мою бѣлу грудь,
Распори мое ретиво сердце. —
Тутъ возговоритъ добрый молодецъ:
Ты не плачь, не плачь, красна дѣвица,
Не круши себя ты, душа моя!
Я ходить буду чаще прежняго,
Я любить стану милѣй старого.
Прослезилась тутъ красна дѣвица;
Таково ему слово молвила:
Ужъ не грѣть солнцу жарче лѣтняго,
Не любить другу милѣй прежняго.
Инъ женись, женись, добрый молодецъ!
Объ одномъ тебя прошу, бѣдная:
Не поставь себѣ въ похваленіе,
А моей чести въ поврежденіе,
Для меня что ты долго холостъ былъ.

XVI.

Какъ по рѣчкѣ,
Какъ по быстрой
Сизой селезень плыветъ.
По бережку
По крутому
Добрый молодецъ идетъ.
Чешетъ кудри,
Чешетъ черны
Частымъ рыбьимъ гребешкомъ.
Самъ съ кудрями,
Самъ со чорными

Разговариваетъ:
Кому, мои кудри,
Кому, мои черны,
Вы достанетесь чесать?
Доставались кудри,
Доставались черны
Старой бабѣ чесать.
Она не умѣетъ,
Она не горазда
Чорны кудри чесать.
Какъ по рѣчкѣ,
Какъ по быстрой
Сизой селезень плыветъ.
По бережку
По крутому
Добрый молодецъ идетъ;
Чешетъ кудри,
Чешетъ чорны
Частымъ рыбьимъ гребешкомъ.
Самъ съ кудрями,
Самъ со чорными
Разговариваетъ:
Кому, мои кудри,
Кому, мои черны,
Вы достанетесь чесать?
Доставались кудри,
Доставались черны
Красной дѣвицѣ чесать.
Она то умѣетъ,
Она видь горазда
Чорныя кудри чесать.

XVII.

Я вечоръ, молода, во пиру была,
Ни у батюшки, ни у матушки;
Я была въ гостяхъ у мила дружка,
У мила дружка у сердечнова.
Я не медъ пила и не полпивцо,
Я пила, млада, сладку водочку,
Я не рюмочкой, не стаканчикомъ,
Изъ полуведра черезъ край пила;
И я лѣсомъ шла, не боялася,
И я полемъ шла, не шаталася;
Ко двору пришла, пошатнулася,
За вереюшку ухватилася:
Верея ль моя, ты вереюшка,
Содержи меня, бабу пьяную,
Бабу пьяную и похмѣльную.
Не увидѣлъ бы свекоръ батюшка,
Не сказалъ бы онъ своему сыну,
Своему сыну, моему мужу.
Ахъ! какъ мой то мужъ горькой пьяница,
Онъ вина не пьетъ, съ воды пьянъ живетъ;
Надо мной младой онъ ломается.
У меня младой дома прибрано:
Ложки вымила, во щи вылила,
Чашу вымыла, въ кашу вылила;
Косяки оскребла, пирогъ испекла.

XVIII.

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
Не мѣшай мнѣ доброму молодцу думу думати.
Какъ заутра мнѣ доброму молодцу во допросъ идти
Передъ грознаго судью, самого царя.

Ужъ какъ станетъ меня царь-государь допрашивати:
Ты скажи, скажи, дѣтинушка, крестьянскій сынъ,
Ужъ съ кѣмъ ты воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ?
Еще много ли съ тобой было товарищей?
Я скажу тебѣ, надежа, православный царь,
Всю правду я скажу тебѣ, всю истину:
Что товарищей со мной было четверо;
Ужъ какъ первый мой товарищъ былъ темная ночь,
А другое тъ мой товарищъ былъ булатный ножъ,
Какъ третій мой товарищъ былъ добрый конь,
А четвертый мой товарищъ былъ тугой лукъ;
На посылочкахъ у молодца была калена стрѣла.
Что возговоритъ надежа православный царь:
Исполать тебѣ, дѣтинушка, крестьянской сынъ.
Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ держать.
Я за то тебя, дѣтинушку, пожалую
Во чистомъ полѣ хоромами высокими,
Что двумя ли столбами съ перекладиною.

XIX

Ахъ, вы, кумушки, голубушки, подружки,
Вы которому святителю молились,
Вы которымъ чудотворцамъ обѣщались,
Что у васъ мужья молодые?
У меня ли молоденьки старичище;
Не пущаетъ старичишще на игрище;
Я уходомъ отъ старого уходила,
Подъ полою цвѣтно платье уносила,
За вѣреюшкою одѣвалась,
И я позже всѣхъ въ бесѣду приходила,
Я на кончикъ младешанька садилась,
И я прежде всѣхъ съ бесѣды торопилась.

XX.

Отдалѣла то я, сударушка, отдалѣла,
Черезъ три поля я мила дружка провожала.
Ужъ про все то, про все я со милымъ говорила,
А одно ли тайно словечушко позабыла,
Не забыла то я, красна дѣвица, постыдилась:
Не женися ты, мой сердечной другъ, не женися.
Онъ меня ли, красну дѣвицу, не напомнилъ,
Не помнилъ то онъ, душа моя, да женился,
Не на душечкѣ вѣдь онъ на красной на дѣвицѣ,
Но на горькой ли да на злощастной онъ на вдовицѣ:
Что тяжелъ то тяжелъ у вдовушки правъ обычай,
Что постелюшку она стелетъ да слезно плачетъ;
Она плакавши мого милого проклинаетъ,
А свово-то мужа прежняго выхваляетъ.

XXI.

Ужъ какъ палъ туманъ на сине море, на сине море,
А злодѣйка кручина въ ретиво сердце;
Какъ не схаживать туману со синя моря,
А злодѣйкѣ кручинѣ съ ретива сердца.
Какъ далече, далече во чистомъ полѣ,
Разгорался огонекъ малешенекъ.
Возлѣ огничка послалъ ковричекъ,
А на ковричкѣ лежитъ добрый молодецъ;
Во правой рукѣ держитъ тугой лукъ,
Во лѣвой рукѣ калену стрѣлу.
Во скорыхъ ногахъ стоитъ добрый конь,
Онъ и бьетъ копытомъ объ сыру землю,
И онъ знать даетъ добру молодцу;
Ты вставай, вставай, добрый молодецъ,
Ты садись на меня, на добра коня;

Я свезу тебя къ отцу къ матери,
Къ молодой женѣ, къ малымъ дѣтушкамъ.
Ты скажи, объяви молодой женѣ,
Что женился я на иной женѣ.
И я взялъ за себя поле чистое,
А въ приданье взялъ зелены луга;
У насъ добрый сватъ былъ булатный мечъ,
А сосватала калена стрѣла,
На постель клала свинцова пуля.
Ты, дуброва, дуброва зеленая,
Ты, долина, долина широкая!
Ужъ какъ всѣмъ ты, долина, изукрашена,
А однимъ ты, долина, обезчещена.
Посреди тебя зеленый курганъ,
На курганѣ разосланъ ковричекъ,
А на ковричкѣ лежитъ молодецъ:
Онъ избитъ, истреленъ, израненъ весь.

XXII.

Вдовушка по сѣничкамъ похаживала,
Пялечки во рученькахъ понашивала:
Шила, вышивала тонко бѣло полотно.
Вышила рукавчики да къ Батюшкѣ пошла.
Батюшка, придумай, пригадай мнѣ, сударь,
Замужъ ли итти мнѣ, во вдовахъ ли сидѣть.
Охъ, ты, свѣтъ мое дитя, свѣтъ родименькое!
За мужъ, свѣтъ мой, не ходи, во вдовахъ не сиди:
Лучше ты, мое дитя, въ монастырь поиди.
Батюшка, во старечки еще я молода:
И я келью разобью, монастырь весь разгоню,
Старыхъ бабъ отдуда вонъ повыпихиваю.
Сватался ко вдовушкѣ съ Москвы дворянинъ:

Сказывалъ житья бытья пятьсотъ рублей.
Думаю-подумаю: нейду я за него;
Разумомъ раскину: нѣтъ, не быть дѣлу такъ.
Сватался ко вдовушкѣ гостиной сынъ съ Москвы;
Сказывалъ житья бытья онъ двадцать кораблей.
Думаю-подумаю: нейду я за него;
Разумомъ раскину: нѣтъ, не быть дѣлу такъ.
Сватался ко вдовушкѣ удалой скоморокъ:
Сказывалъ житья бытья волынку да гудокъ.
Думаю-подумаю: иду я за него;
Разумомъ раскину: ну, инъ быть дѣлу такъ.
Сыта ли, не сыта ли, всегда я весела;
Пьяна ли, не пьяна ли, всегда я плясея:
Еще честь да хвала — скоморохова жена.

XXIII.

Вы раздайтесь, разступитесь, добрые люди,
Что на всѣ ли на четыре на сторонки;
Пока батюшка сударь за мужъ не выдалъ,
За того ли за дѣтину, за невѣжу.
На кабакъ идетъ невѣжа—скачетъ, пляшетъ,
Съ кабака идетъ невѣжа—свищитъ, гарчитъ,
Къ широку двору подходитъ, кричитъ, вопитъ;
За колечушко беретъ, да всклицаетъ:
Еще ли дома ли жена да молодая?
Отпирала бы она широки ворота.
Я скорешенько съ постелюшки вставала,
Я покрѣпче ворота запирала,
Посмѣлѣе съ невежей говорила:
Ты ночуй, ночуй, невѣжа, за вороты:
Тебѣ мягкая перина — снѣгова пороша,
А высоко зголовье — подворотня,

Тебѣ тепло одѣяло — темна ночка,
Шитой бранной положекъ — буйный вѣтеръ.
Каково тебѣ, невѣжа, за вороты,
Таково то мнѣ младешенькѣ за тобою,
За твоею за дурацкой головою.

XXIV.

Внизъ по матушкѣ, по волгѣ,
По широкому раздолью,
Разыгралася погода,
Погодушка верховая,
Верховая, волновая.
Ничего въ волнахъ не видно,
Одна лодочка чернѣетъ;
Никого въ лодкѣ не видно,
Только парусы бѣлѣютъ,
На гребцахъ шляпы чернѣютъ,
Кушаки на нихъ алѣютъ.
На кормѣ сидитъ хозяинъ.
Самъ хозяинъ во нарядѣ,
Во коришневомъ кафтанѣ,
Во грезетовомъ камзолѣ,
Въ аломъ шолковомъ платочкѣ,
Въ черномъ бархатномъ картузѣ.
Ужъ какъ взговоритъ хозяинъ:
Мы пригрянемте, робята,
Внизъ по матушкѣ, по волгѣ,
Ко Аленину подворью,
Ко Ивановой здоровью.
Аленушка выходила,
Таки рѣчи говорила:
Не прогнѣвайся, хозяинъ,

Въ чемъ ходила, въ томъ и вышла,
Въ одной тоненькой рубашкѣ
И въ кумачной тѣлогрѣйкѣ.

XXV.

Ахъ! ты, поле мое, поле чистое,
Ты раздолье мое широкое!
Ахъ! ты всѣмъ, поле, изукрашено,
Мягкой травушкой и муравушкой,
И цвѣточками василечками;
Ты однимъ поле обесчещено;
Посреди тебя, поля чистаго,
Выросталъ великъ частъ ракитовъ кустъ,
И на томъ кустѣ, на ракитовомъ,
На верху сидитъ сизой младъ орелъ:
Въ кохтяхъ держитъ чорна ворона,
Онъ точитъ кровь на сыру землю.
А подъ кустомъ, подъ ракитовымъ,
Ахъ! лежитъ убитъ добрый молодецъ,
Изъязвленъ, избитъ, исколотъ весь.
Какъ не ласточки, не касаточки,
Вкругъ тепла гнѣзда увиваются,
Увивается тутъ родна матушка.
Она плачетъ такъ, какъ рѣка льется,
А родна сестра плачетъ, какъ ручей течетъ,
Молода жена плачетъ, какъ роса каплетъ,
Красно солнышко взойдетъ, росу высушитъ.

XXVI.

Сторона ль моя, сторонушка,
Сторона ль моя незнакомая!

Что не самъ я на тебя зашелъ,
Что не добрый ли да меня конь завелъ;
Завела меня, доброва молодца,
Прыткость, бодрость молодецкая
И хмѣлинушка кабацкая.
Породила да матушка
Во безчастный день, во пятницу,
Во зеленомъ саду гуляючи,
Что подъ грушею подъ зеленою,
Что подъ яблонью подъ кудрявою.
Пѣленала да меня матушка
Во пеленочки въ атласныя,
Что свивала да меня матушка
Во свивальничекъ въ алой бархатной;
Одѣвала ль меня матушка
Одѣяломъ ли соболинымъ;
Берегла меня матушка
И отъ вѣтра, и отъ вихоря,
Что отъ частого мелкого дожжичка;
Не уберегла меня матушка
Что отъ службы государевой,
Отъ чужой дальней сторонушки.

XXVII.

Изъ за лѣсу, лѣсу,
Лѣсика темного,
Изъ за лѣсу конь бѣжитъ,
Подъ конемъ земля дрожитъ,
На конѣ узда гремитъ.
За конемъ стрѣла летитъ,
За стрѣлой молодецъ бѣжитъ.
У воротичекъ Афимьюшка стоитъ:

Афимьюшка, переими мого коня,
Алексѣевна, перейми мого добра.
Я захочу, сударь, перейму,
Я не захочу, не перейму;
Я не твоя еще, сударь,
Я божья да батюшкина.
Изъ за лѣсу, лѣсу,
Лѣсика темнаго,
Изъ за лѣсу конь бѣжитъ,
Подъ конемъ земля дрожитъ,
На конѣ узда гремитъ.
За конемъ стрѣла летитъ,
За стрѣлою молодецъ бѣжитъ.
У воротичекъ Афимьюшка стоитъ:
Афимьюшка, перейми мого коня,
Алексѣевна, переими мого добра.
Я захочу, сударь, перейму,
Я не твоя еще, сударь,
А Божья да матушкина.
Изъ за лѣсу, лѣсу,
Лѣсика темнаго,
Изъ за лѣсу конь бѣжитъ,
Подъ конемъ земля дрожитъ,
На конѣ узда гремитъ.
За конемъ стрѣла летитъ,
За стрѣлою молодецъ бѣжитъ.
У воротичекъ Афимьюшка стоитъ:
Афимьюшка, перейми мого коня,
Алексѣевна, переими мого добра.
Я теперь, сударь, перейму,
Я теперь божья, сударь, да твоя.

XXVIII.

Отрывки.

I.

По задверью сударушка водицу носила,
Коромысло кипарисно, ведерки дубовы,
Ведерки дубовы, обручья кедровы.
Коромысло гнется, свѣжа вода льется.
Дѣтинушка бѣлъ кудрявъ изъ окошка смотритъ.

II.

Ахъ, Суздальцы, володимерцы,
Ни сказать, ни плясать съ колокольчиками,
Съ колокольчиками болобольчиками.

III.

Открывайте кованы сундуки,
Вынимайте багрецоваго сукна,
Кройте Ивану новъ кафтанъ,
Ни дологъ, ни коротокъ,
Ни узокъ, ни широкъ,
Въ подолѣ раструбистой,
Къ ретиву сердцу прижимистой.

IV.

Ужъ какъ мой милъ идетъ,
Что ясенъ соколъ летитъ,
Шапочку охорашиваетъ,
Бѣлыми руками помахиваетъ,
Черными кудрями потряхиваетъ.

XXIX.

Возлѣ рѣчки, возлѣ мосту,
Возлѣ рѣчки, возлѣ мосту трава росла.
Трава росла шелковая,
Шелковая, муравая, зеленая.
И я въ три косы косила,
И я въ три косы косила ради гостя,
Ради гостя, ради друга,
Ради гостя, ради друга дорогова.
Слышитъ, поетъ мое сердце,
Слышитъ, поетъ мое сердце, запываетъ.
Какъ задумалъ, моя радость,
Какъ задумалъ, моя радость, другъ жениться.
Онъ не хочетъ со мной дѣвицей,
Онъ не хочетъ со мной дѣвицей водиться.
Какъ поѣдешь, душа радость,
Какъ поѣдешь, душа радость, другъ вѣнчаться,
Заѣзжай ко мнѣ дѣвицѣ,
Заѣзжай ко мнѣ дѣвицѣ, другъ, проститься.
Черезъ рѣченьку поѣдешь,
Черезъ рѣченьку поѣдешь, захлебнешься,
Черезъ быструю поѣдешь,
Черезъ быструю поѣдешь, ты утонешь,
Про меня красну дѣвицу,
Про меня красну дѣвицу воспомянешь.
Какова то я, младенька,
Какова то я, младешенька, бывала.
По утру ранымъ раненько,
По утру ранымъ ранешенько вставала.
На босу ногу башмачки,
На босу ногу башмачки надѣвала.
И на плечики салопчикъ,

И на плечики салопчикъ накидала.
На головушку платочикъ,
На головушку платочикъ повязала.

XXX.

Ай, во саду, саду, люблю садовую,
Люблю, люблю садовую грушу зеленую.
Надъ рѣкой дѣвка стояла, сама себѣ говорила:
Или я бесчастна, дѣвка безталанная,
Дѣвка бесталанная, замужъ сговоренная?
Сговорила меня мать за крестьянина отдать.
Не иду, не иду, матушка, не иду, государына,
Не иду, государыня, замужъ за крестьянина,
Крестьянино-тъ, матушка, много пашней пашетъ,
Много пашней пашетъ, хлѣба высѣваетъ,
Полосы широкія, борозды глубокія.
А во саду, саду, люблю садовую,
Люблю, люблю садовую грушу зеленую,
Грушу, грушу зеленую, дѣвку веселую;
Надъ рѣкой дѣвка стояла, сама себѣ говорила:
Или я безчастна, дѣвка безталанна,
Дѣвка бесталанная, замужъ сговоренная?
Сговорила меня мать за боярина отдать.
Не иду, не иду, матушка, нейду, государыня,
Не иду, государыня, за мужъ за боярина:
Боярино-тъ, матушка, собачій охотникъ,
Много собакъ держитъ, собаки борзыя,
Собаки борзыя, лакеи босыя;
Что Бояринъ воевать, а я горе горевать;
Что Бояринъ во Москву, а я кинуся въ тоску.
Ай, во саду, саду, люблю садовую,
Люблю, люблю садовую грушу зеленую,

Грушу, грушу зеленую, дѣвку веселую.
Надъ рѣкой дѣвка стояла, сама себѣ говорила:
Или я безчастна, дѣвка безталанна,
Дѣвка бесталанная, замужъ сговоренная?
Сговорила меня мать за приказного отдать.
Иду, иду, матушка, иду, государыня,
Иду, государыня, за мужъ за приказного;
Что приказное-тъ писать, а я денешки щитать.

XXXI.

Какъ изъ гнѣздышка пташечка,
Изъ гнѣздышка изъ теплова,
Изъ вѣточки яблонной,
Выпорхала, вылетала
На чисто поле на зеленое,
На тѣ ли луга муравистая;
Рвала травушку со корешка,
Бросала травушку на сторонушку.
Рвала, вырывала пташечка,
Вырывала маковъ цвѣтъ,
Вырвавши, имъ любовалася.
Какъ изъ терема, терема,
Изъ терема красного высокаго,
Красного, высокаго, свѣтлаго,
Изъ присмотра матушкина,
Выходила, выбѣгала,
Выходила красна дѣвица,
Красна дѣвица, душа машинька,
На тотъ ли на широкой дворъ,
Во зеленъ кедровый садъ;
Садилась свѣтъ васильевна
За новый дубовый столъ;

Смотрѣла всѣхъ пріѣзжихъ гостей,
Всѣхъ пріѣзжіихъ незнакомыихъ:
Выбирала себѣ суженого,
Выбирала себѣ милого;
Ужъ никто то ей невзглянется,
Ужъ никто то ей не по сердцу.
Выбирала душа машинька,
Выбирала свѣтъ васильевна,
Тебя ли, Андрей господинъ,
Андрей сударь Поликарповичъ.
Ужъ выбравши, любовалася,
Любовалася, красовалася.
Ужъ какъ онъ то мнѣ понравился,
Ужъ какъ онъ то мнѣ по сердцу,
Ужъ какъ мнѣ ли на него не наглядѣтися,
Ужъ какъ мнѣ ли на него не насмотрѣтися,
Ужъ какъ мнѣ ли съ нимъ не хочется и разстатися.

XXXII.

Ахъ, сборы, сборы Малапьины,
Велики сборы Фадеевны:
Сбирала подружекъ за свой столъ,
Сажала подружекъ высоко,
Садилась сама выше всѣхъ.
Охъ, вы, дѣвушки, подружки!
Придумайте, пригадайте,
Какъ жить да быть въ чужихъ людяхъ?
Какъ мнѣ называть свекра лютова?
Какъ мнѣ величать свекровь лютую?
Мнѣ батюшкомъ назвать не хочется,
Мнѣ свекромъ назвать, осердится,
Мнѣ матушкой назвать не хочется,

Свекровью назвать, осердится.
Убавлю я спѣси гордости,
Прибавлю я ума разума,
Назову я свекра батюшкомъ,
А люту свекровь матушкою.

XXXIII.

Подымалася погодушка,
Что со сѣверной сторонушки,
Уносила лебедь бѣлую,
Лебедь бѣлую, черноногую,
Со желтыхъ водъ со ключевыхъ,
Съ тихихъ рѣчекъ со глубокіихъ,
Отъ своихъ бѣлыхъ лебедушекъ;
Гнала, гнала лебедь бѣлую,
Гнала, гнала черноногую,
Гнала въ бурно море синее.
Сине море взволновалося,
Лебедь бѣла встосковалася.
Ой, ты, буря, непогодушка!
Унесла меня съ моей сторонушки,
Со желтыхъ водъ со ключевыхъ,
Съ тихихъ рѣчекъ со глубокіихъ,
Отъ своихъ бѣлыхъ лебедушекъ!
Ужъ не жаль то мнѣ желтыхъ водъ ключевыхъ,
Ужъ не жаль то мнѣ тихихъ рѣчекъ глубокіихъ,
Ужъ не жаль то мнѣ своихъ бѣлыхъ лебедушекъ,
Жаль то мнѣ своей сторонушки!
Жаль то мнѣ своихъ бѣлыхъ перышковъ,
Бѣлыхъ перьевъ, бѣлыхъ крылышекъ!
Какъ изъ славной Тверской улицы
Подымалися князья бояре всѣ;

Соѣзжалися ко Иванову двору:
Ворота дубовыя отворяются,
Входятъ гости на широкой дворъ,
Идутъ гости на ново крыльцо.
Въ терему ли видятъ дѣвицу,
Во высокомъ видятъ красную,
Аксиньюшку душу Ивановну.
Ужъ берутъ ли за бѣлы руки,
Ужъ уводятъ ли отъ дѣвушекъ,
Ужъ уводятъ ли отъ красныихъ;
Какъ сажаютъ душа Аксиньюшку,
Аксиньюшку свѣтъ Ивановну,
Что за тотъ ли за дубовый столъ,
Что за тѣ ли скатерти браныя.
Потомъ увезли къ себѣ домой
Къ свекору, чужому батюшкѣ,
Ко свекрови, чужой матушкѣ,
Ко чужимъ сестрамъ, золовушкамъ,
Ко чужимъ братьямъ, деверьюшкамъ.
Свекоръ батюшка осердится,
Свекровь матушка разгнѣвается,
Умныя деверья вкось глядятъ,
Глупыя золовки съѣсть хотятъ.
Душа Аксиньюшка встоскуется,
Свѣтъ Ивановна взгорюется,
Въ горючихъ слезахъ восплачется:
Ой, вы, гости незнакомые!
Увезли меня отъ батюшки,
Увезли ли отъ родимова!
Увели меня изъ терема,
Увели ли изъ высокаго!
Разлучили со дѣвицами,
Со дѣвицами ли красными,
Со моими ль то подружками!

Ужъ не жаль то мнѣ и терема,
Ужъ не жаль то мнѣ высокаго,
Ужъ не жаль мнѣ красныхъ дѣвушекъ:
Жаль то мнѣ роднаго батюшку,
А жалчей того русой косы,
Что моей ли дѣвичьей красы!

XXXIV.

Высоко звѣзда восходила,
Выше солнца, выше мѣсяца:
Какъ у насъ во теремѣ
Анисьюшка горько плакала,
Степановна слезно вопила,
Поминала про чужу сторону,
Про чужого отца съ матерью.
Какъ то чужой то отецъ съ матерью,
Безжеланные родители,
Посылали меня молоду
На Москву рѣку по воду;
Какъ съ восточной сторонушки
Подымалася погодушка,
Налетѣли гуси сѣрые,
Возмутили воду свѣжую;
Я молода безъ воды пришла.
Свекоръ батюшка журитъ, бранитъ;
Свекровь матушка бить хочетъ.
Спасибо золовушкѣ,
За меня слово замолвила:
Ой, ты, глупая невѣстушка,
Неразумная твоя головушка!
Какова вода случилася,
Во вѣдрахъ бы устоялась.

XXXV.

Къ Дружкѣ.

Охъ, ты, умная головушка,
Ты, удалой добрый молодецъ!
Ты охочь по пирамъ ходить,
По зговорамъ, по дѣвишникамъ,
По дѣвичьимъ по вечерамъ,
Ты охочь пѣсень слушати,
Ты охочь, сударь, дѣвицъ дарити,
Не рублемъ, не полтиною,
Золотыми червонцами.

XXXVI.

Я не знала, не вѣдала,
Ко мнѣ сваха пріѣхала,
Сваха гордая, спѣсивая,
Молодая, гломливая;
Она ступить не ступила;
Да хотя она ступила
По атласу, по бархату,
По аксимену на золотѣ.
Она молвить не молвила;
Да хотя она и молвила
Со княжной, со боярыней,
Съ Афросиньей Фадеевной:
Одѣвайся ты, умная,
Снаряжайся, разумная.
Не спѣши, сваха гордая!
Мнѣ куда снаряжатися
Отъ родимого батюшки,
Отъ родимой матушки.

XXXVII.

Съ рѣченьки утушка слетывала,
Съ тихой сѣрая вспархивала;
Прилетала утушка,
Прилетала сѣрая,
На бурное на сине море.
Не знала утушка,
Не знала сѣрая,
Гдѣ ей опуститися,
Отъ вихоря уклонитися.
Гуси стали щипати,
А утушка громко кликати:
Ой, ты, рѣчка, моя рѣчинька,
Ты, рѣчинька ли моя тихая!
Кабы знала я да вѣдала
Такую надъ собою невзгодушку,
Разстатися бы съ тобой не подумала.
Сходила съ терема Дарьюшка,
Сходила съ высокаго Антоновна,
Пріѣзжала ко свекору въ домъ.
Свекоръ батюшка не ласковой,
Не ласковой, не какъ родной.
Входила ко свекрови въ теремъ:
Свекровь матушка угрюмая,
Угрюмая, не какъ родная;
Дѣверья по свѣтличкѣ похаживаютъ,
Объ ней все поговариваютъ:
Ужъ какъ наша ли невѣстушка
Не хороша, не пригожа,
Не ласкова, не привѣтлива;
Золовушки перешептываютъ:
Ужъ какъ наша ли невѣстушка
Не горазда ничему:

Ни сткасть, ни спрясть,
Ни золотомъ пошить,
Ни щей сварить, ни пирога испечь,
Ни песеньку запѣть,
Ни въ дудочку, ни поплясать;
Словечушкомъ промолвитъ,
За другимъ въ карманъ пойдетъ.
Ужь не знала то Дарьюшка,
Ужь не вѣдала Антоновна,
Куда ей дѣватися,
Куда ей укрытися
Отъ насмѣшекъ отъ зависти?
Что всплачется, что взгорюется,
Что взгорюется, что встоскуется:
Ой, ты, теремъ мой у батюшки,
Ой, ты, высокой у матушки!
Кабы я знала да вѣдала
Здѣсь себѣ таково житье,
Разстаться бы съ тобой я не вздумала,
Выдти бы изъ тебя не вздумала.
Я жила въ тебѣ смирнешенько,
Я была въ тебѣ веселешинька,
Не знала я тоски и горести.

XXXVIII.

Яблонька моя, яблонька,
Яблонька моя зеленая,
Не цвѣти теперешней весной,
Не плоди сладкихъ яблочковъ.
Я скажу мому батюшкѣ,
Я скажу моей матушкѣ,
Что ты худо поливана,

Что ты худо лелеина,
Что отъ того ль и яблоковъ нѣтъ;
Что сама я стану тебя поливати,
Сама корешокъ обчищати,
Сама червячокъ обметати;
Авось либо батюшка и сжалится,
Авось либо матушка и взмилуется,
Не отдадутъ меня нынешній годъ,
На чужую дальню сторону,
На чужую дальнюю не знакомую,
Безъ горя горе мыкати;
Безъ слезки горько плакати,
Безъ думы крѣпко думати;
Безъ скуки скучати,
Безъ грусти горевати.

XXXIX.

Чорны кудри за столъ пошли,
Русу косу за собой повели,
Черны кудри у русой косы спрашивали:
Русая коса, неужли ты моя?
Еще же, черныя кудри, я не твоя,
Божья да батюшкина.
Чорныя кудри у русой косы спрашивали:
Руса коса, неужли ты моя?
Я Божья да теперича твоя.

XXXX.

На морѣ селезень косы вьетъ,
Сѣрая утушка полощется,
Туда жъ она торопится.

Ей всѣ утушки завидовали,
Ей всѣ сѣрыя завидовали.
Не завидуйте, утушки,
Не завидуйте, сѣрыя!
И у васъ будутъ селезни,
Молодые, хохлатые.
Противъ зеркальца чистаго,
Противъ зеркальца хрустального,
Чесалъ молодецъ кудри черныя;
Дѣвица бѣлится, румянится,
За нимъ же торопится.
Ей всѣ дѣвушки завидовали,
Ей всѣ красныя завидовали:
Не завидуйте, дѣвушки,
Не завидуйте, красныя;
И у васъ такіежъ будутъ молодцы,
Такіе жъ будутъ хорошіе,
Такіе жъ будутъ пригожіе,
Такіе жъ бѣлые, румяные.

XXXXI.

Ты, Фетинья Вахромѣевна,
Не клади Богу жалобу
Ни на батюшку, ни на матушку.
Ты клади Богу жалобу
На сваху ту разлучницу,
Что ходила по ранехоньку,
Говорила по тихохоньку,
Твою матушку уговаривала,
Хвалила, выхваливала
Чужу дальнюю сторонушку:
Какъ чужая то сторонушка

Сахаромъ пòсѣяна,
Сытою поливана!
Что взговоритъ ея матушка,
Маремьяна Перфильевна:
Ты полно, обманщица,
Ты полно, подговорщица!
Я сама знаю чужу сторонушку,
Чужую дальнюю, незнакомую;
Ужъ какъ чужая то сторонушка
Горемъ вся изнасѣена,
Она слезами поливана,
Печалью огорожена.

XXXXII.

Во теремѣ гусли лежали;
Ай, нѣкому въ гусли играти,
Еще петра дома не случилось,
Захарыча дома не случилось;
У ласкова тестя пируетъ,
У ласковой тещи столуетъ.
А теща то зятя провожала,
Середи двора зятю наказала:
Ахъ, зять, ты мой зять любимой!
Ты пей, зять, вино не до пьяна,
А сладкова меда не до сыта;
Ты садись на коня не шатайся,
Поѣдешь домой не валяйся,
Надъ Татьянушкой не ломайся;
Вѣдь Татьяна дитя молодое,
Ивановна не устарокъ,
Обычая твоего не знаетъ,
Ко нраву твоему не привыкла,

Разувать раздѣвать не умѣетъ,
Въ уста целовати не достанетъ;
На лавочку станетъ, такъ достанетъ.

XXXXIII.

Ужъ какъ полно, красна дѣвица, тужити:
Не наполнишь ты синя моря слезами,
Не воротишь друга милого словами!
Говорила я милому, говорила,
Я въ упросъ ли друга милаго просила:
Не женися ты, мой милой, не женися.
Не послушался, душа моя, женился!
Онъ присыпалъ ко бѣдну сердцу печали,
И онъ налилъ очи ясныя слезами,
Запечаталъ уста алыя онъ кровью.

XXXXIV.

Какъ у ключика у гремучева,
У колодезя у студенова
Добрый молодецъ самъ коня поилъ,
Красна дѣвица воду черпала;
Почерпнувъ воды поставила,
Какъ поставивши призадумалась,
А задумавшись заплакала,
А заплакавши слово молвила:
Хорошо тому жить на семъ свѣтѣ,
У кого есть отецъ и мать,
Отецъ и мать, и братъ сестра,
Ахъ, и братъ сестра, что и родъ и племя.
У меня ль, у красной дѣвицы,

Ни отца нѣту, ни матери,
Какъ ни брата, ни родной сестры,
Ни сестры, ни роду, ни племени,
Ни того ли мила друга,
Мила друга полюбовника.

XXXXV.

У дороднаго добра молодца
Въ три ряда кудри завивалися,
Въ четвертый рядъ по плечамъ лежатъ;
Не сами кудри завивалися,
Завивала красна дѣвица,
По единому русому волосу.
Завивши кудри сама задумалась:
Какъ бы знала я, вѣдала,
Про свое горе, про нещастіе,
Про замужье про бездѣльное,
Я бы сидѣла вѣкъ въ дѣвушкахъ,
У родимова своего батюшки,
У родимой своей матушки;
Я бы чесала буйну голову,
Я бы плела трубчату косу,
Вплетала въ ленту алую,
Ленту алую шелку красного,
Шелку красного Шамаханскаго.
Кабы знала я млада, вѣдала,
Что просваталъ меня батюшка
Не въ любимую сторонушку,
Не за прежняго полюбовника,
Не за ладушку за милаго,
А отдалъ меня батюшка
Не въ согласную семью,
Не въ покрытую избу.

XXXXVI.

По улицѣ то дождь, то снѣгъ,
То дождь, то снѣгъ, то вьялица,
То вьялица, то метелица,
Кутитъ, мутитъ, въ глаза несетъ.
Меня младу свекоръ зоветъ.
Для свекрушка для батюшки
Сама съ мѣста не тронуся,
Не тронуся, не ворохнуся.
По улицѣ то дождь, то снѣгъ,
То дождь, то снѣгъ, то вьялица,
То вьялица, то метелица,
Кутитъ, мутитъ, въ глаза несетъ.
Меня младу свекровь зоветъ.
Для матушки свекровушки
Сама съ мѣста не тронуся,
Не тронуся, не ворохнуся.
По улицѣ то дождь, то снѣгъ,
То дождь, то снѣгъ, то вьялица,
То вьялица, то метелица,
Кутитъ, мутитъ, въ глаза несетъ.
Меня младу милъ другъ зоветъ.
Для друженька для милаго
Иду, иду скорешенько,
Скорешенько, торопешенько.

XLVII.

Ахъ, вы, горы, горы крутыя!
Ничего вы, горы, ни породили,
Что ни травушки, ни муравушки,
Ни лазоревыхъ цвѣточковъ, василечковъ;

Ужъ вы только породили, круты горы,
БѢлъ горючъ камень великъ добрѣ.
Что на камушкѣ растетъ ли частъ ракитовъ кустъ,
Что подъ кусточкомъ лежитъ убитъ добрый молодецъ,
Разметавъ свои руки бѣлыя,
Разстрепавъ свои кудри черныя,
Изъ реберъ его поросла трава,
Ясны его очи пескомъ засыпались.
Что не ласточка, не касаточка
Вкругъ тепла гнѣзда увивается,
Увивается его матушка родимая.
Ахъ, какъ я тебѣ, сынъ, говаривала,
Не водись, мой сынъ, со бурлаками,
Что со бурлаками, со ярыгами,
Не ходи, мой сынъ, во Царевъ кабакъ,
Ты не пей, мой сынъ, зелена вина:
Потерять тебѣ, сынъ, буйну голову.

XLVIII.

У залетнова ясна сокола
Подопрѣло его правое крылышко,
Правое крылышко, правильно перышко.
У заѣзжего добра молодца
Что болитъ его буйная головушка,
Что щемитъ его ретиво сердце,
Ни по батюшкѣ, ни по матушкѣ,
Ни по братцѣ, не по родной сестрѣ,
Ни по душечкѣ по молодой женѣ;
А болитъ его буйная головушка,
А щемитъ его ретиво сердце,
Что по душечкѣ красной дѣвицѣ,
Что по прежней ли полюбовницѣ.

Во зеленомъ его садику,
У любовной его яблоньки,
Отвалился что не лучшій сукъ,
Покатились сладки яблочки
Что по матушкѣ по сырой землѣ.
Подбирала сладки яблочки
Что душа ли красная дѣвица,
Его прежняя полюбовница,
Уколола правую ноженьку
Объ сучокъ сладкой яблоньки.
Что болитъ, болитъ ея ноженька,
Отъ того щемитъ ретиво сердце
У дородного добра молодца,
У прежняго ея полюбовника.

XLIX.

Ой, ты, дума моя, думушка,
Ужъ ты ль, дума крѣпкая!
Не могу я думы крѣпкія
Ни придумати, ни раздумати,
Приложить ума разума.
Какъ вечеръ мой милъ сердечный другъ
Загадалъ ли мнѣ загадочку,
Хитру, мудру, неотгадливу,
Неотгадливу, непридумчиву,
Не придумчиву, ужасную.
Онъ сказалъ мнѣ про свою затѣю:
Застрѣлить моего нелюба въ зеленомъ саду.
Не тужу я о постыломъ,
О постыломъ моемъ мужѣ;
Лишь тужу я о любимыхъ,
О любимыхъ моихъ дѣтяхъ:

Весь вѣкъ будутъ сиротами,
Сироты и горемыки.

L.

Ахъ, кабы на цвѣты не морозы,
И зимой бы цвѣты разцвѣтали;
Ахъ, кабы на меня не кручина,
Ни о чемъ бы я не тужила,
Не сидѣла бы я подпершися,
Не глядѣла бы я во чисто поле.
И я батюшкѣ говорила,
И я свѣту всему доносила:
Не давай меня, батюшка, за мужъ,
Не давай, государь, за неровню,
Не мѣчись на большое богатство,
Не гляди на высоки хоромы,
Не съ хоромами жить — съ человѣкомъ,
Не съ богатствомъ жить мнѣ — съ совѣтомъ.
Я по сѣнямъ шла, я по новымъ шла,
Подняла шубку соболиную,
Чтобъ моя шубка не прошумѣла,
Чтобъ мои пуговки не прозвякнули,
Не услышалъ бы свекоръ батюшка,
Не сказалъ бы онъ своему сыну,
Своему сыну, моему мужу.

LI.

Не ходи, холостъ, поздо вечеромъ,
Поздо вечеромъ вдоль по улицѣ,
Вдоль по улицѣ, вдоль по широкой,
Не маши, холостъ, рукой правою,

Не отсвѣчивай золотымъ перстнемъ,
Дорогой ставочкой со яхонтомъ.
Коли я тебѣ полюбилася,
Полюбилася, показалася,
Засылай ко мнѣ свата сватати,
Свата добраго, дядю родного.
У тебя много ума разума,
У меня много есть приданного:
Пять сотъ рублевъ голымъ деньгами,
Пятьдесятъ дворовъ со крестьянами.

—

LII.

Ахъ, душечка, молодой ѣмщикъ,
Ты къ чему рано упиваешься?
Во кабакъ идешь, самъ шатаешься,
Изъ кабака идешь, самъ валяешься,
Возлѣ стѣночки пробираешься,
За вереюшку самъ хватаешься.
Верея ль ты моя, вереюшка,
Верея ль ты моя сосновая!
Не сама ли въ землю становилася,
Становили тебя добрые молодцы,
Добрые молодцы володимерцы.
Какъ у сизова млада селезня
Не сами перья заломалися,
Заломала ихъ сѣра утица
По единому сизу перышку.
Какъ у доброва молодца
Не сами кудри завивалися,
Завивала ему красна дѣвица
По единому чорну волосу,
Завивши кудри сама заплакала:

Кабы знала млада, вѣдала,
Вѣкъ сидѣла бы я во дѣвушкахъ.

LIII.

Пѣтушокъ, петушокъ,
Золотой гребешокъ!..
Зачемъ рано встаешь,
Голосисто поешь,
Голосисто поешь,
Съ милымъ спать не даешь?
И я встану младешенька
Ранымъ рано ранешенько,
Я умоюсь младешенька
Шуйскимъ мыльцемъ бѣлешенько;
Я взойду ли подъ насѣточку,
Пѣтушка возьму за крылышко,
За правильное за перышко,
Я ударю объ насѣточку.
Еще вотъ те, петушекъ,
За ночной за смѣшокъ!
Зачемъ рано встаешь,
Голосисто поешь,
Голосисто поешь,
Съ милымъ спать не даешь.

LIV.

Еще какъ люди въ людяхъ-то живутъ:
На людей люди улаживаютъ,
На свекровь спонаравливаютъ;
У меня младой свекровушка лиха,

Что лиха, лиха, не ласковая,
Кривошлыка не привѣтливая,
Посылаетъ и туда и сюда,
Какъ на всѣ ли на четыре стороны,
Въ темный погребъ по зелено вино:
Въ погребу водка анисовая,
Тесова кровать расписанная,
На кроватушки перинушка лежитъ,
На перинушкѣ дѣтинушка сидитъ.
Въ погребу млада замѣшкалась,
Холостому стаканъ поднесла,
Не женатому зеленова вина.
Холостой стаканъ меду принималъ,
Ко стакану бѣлу руку прижималъ,
И онъ при людяхъ сестрою называлъ,
Безъ людей своею душечкою.
Ахъ, душечка, молодушка моя,
Показалася походочка твоя!
Какъ пройдешь, утѣшишь ты меня,
А промолвишь—взвеселишь, радость моя.
Я иду ли молода по широкому двору,
Иду, иду, да пошатываюсь;
А моя то кривошлыка свекровь
По новымъ сѣнямъ похаживаетъ,
Коблукомъ сѣни проламываетъ,
Своимъ сыномъ мнѣ уграживаетъ.
Еще дай, боже, до вечера дожить,
Своего сына дождаться,
Накучу я, намучу сынку
На любимую невѣстушку.
Я велю сынку во Новгородъ сходить,
Я велю ли шелкову плеть купить,
Съ головы кожу до ногъ спустить.
Ахъ, ты, мать моя, матушка,

Ахъ, мать государыня моя!
Не устать то мнѣ въ Новгородъ сходить,
Вѣдь невторова шелковую плеть купить,
Не бѣда вѣдь мнѣ жену свою учить,
Съ головы кожу до пятъ спустить,
Да вѣть съ ней то мнѣ вѣкъ будетъ исжить.

LV.

У спаса къ обѣдни звонятъ,
У прихода часы говорятъ,
По монастырямъ благовѣстятъ.
Теща къ обѣдни спѣшитъ,
На мутовкѣ рубашку сушитъ,
На поваренкѣ кокошнички.
А и теща къ обѣдни пошла,
Что идетъ по малешеньку,
Ступаетъ по тихохоньку,
Съ ноги на ногу поступываетъ,
На башмачки посматриваетъ,
Чеботы накалачиваетъ.
А всѣ церкви теща прошла,
А зашедъ то николѣ челомъ,
А Николѣ мясницкому;
Всѣ люди теща прошла,
А зашедъ то она зятю челомъ,
Да Денису Борисовичу.
А и зять на нее не глядитъ,
Господинъ слово не говоритъ.
А и вижу я, вижу сама,
А что есть на немъ бѣшеная!
Бить зятю дочь мою,
Прогнѣвить сердце матернино

И пролить ему горячу кровь.
А и чемъ будетъ зятя дарить,
Чемъ господина дарить?
Есть то у меня у вдовы,
Есть то у меня у молоды,
Будетъ съ него живота.
Поиду млада въ торги,
Куплю млада камки,
Сошью ли я зятю кафтанъ,
Сошью дочери сарафанъ,
Чтобы зять дочь не билъ,
Не гнѣвилъ сердце материно,
Не проливалъ бы горячу кровь.
У спаса къ обѣдни звонятъ,
У прихода часы говорятъ,
По монастырямъ благовѣстятъ.
Теща къ обѣдни спѣшитъ,
На мутовкѣ рубашку сушитъ,
На поваренки кокошнички.
А и теща къ обѣдни пошла,
А идетъ по малешеньку,
Ступаетъ по тихошеньку,
Съ ноги на ногу поступываетъ,
На башмачки посматриваетъ,
Чеботы накалачиваетъ.
А всѣ церкви теща прошла,
А зашедъ то она Николѣ челомъ,
А Николѣ Мясницкому;
Всѣ люди теща прошла,
А зашедъ то она зятю челомъ,
Да Денису Борисовичу.
А и зять на нее не глядитъ,
Господинъ слово не говоритъ.
А и вижу я, вижу сама,

А что есть на немъ бѣшеная!
Бить зятю дочерь мою,
Прогнѣвить сердце материно,
Проливать ему горячу кровь.
Чемъ будетъ зятя дарить,
Чемъ господина дарить?
Есть то у меня у вдовы,
Есть то у меня у молоды,
Будетъ съ него живота!
А три палаты три каменны,
А и маковицы серебряны,
Крыши позолочены;
Промежу тѣми палатами
Протекла быстрая рѣка,
А на той на быстрой рѣкѣ
Много гусей, лебедей,
Много сѣрыхъ малыхъ уточекъ;
А и тѣмъ то буду зятя дарить,
Мнѣ тѣмъ то господина дарить,
А Дениса Борисовича.
А и зять на нее поглядѣлъ,
Господинъ слово выговорилъ:
Теща, ты, теща моя,
Благоданная матушка!
Ты подит-ко живи у меня,
А работы не робь на меня;
Только ты баню топи,
Только ты воду носи,
Еще мнѣ ребенка качай.

LVI.

Охъ, въ горѣ жить—не кручинну быть!
А и горе, горе, гореваньице!
Охъ, въ горѣ жить—не кручинну быть,
Нагому ходить—не стыдится,
А у денегъ нѣту—передъ деньгами,
Появилась гривна—передъ злыми дни.
Не бывать плѣшаку кудрявому,
Не бывать гулякѣ богатому,
Не отростить дерева суховерхаго,
Не откормить коня сухопараго,
Не утѣшить дитя безъ матери,
Не скроить атласу безъ мастера.
А и горе, горе, гореваньице!
А и лыкомъ горе подпоясалось,
Мочалами ноги изопутаны!
А я отъ горя въ темны лѣса —
А горе прежде лѣсъ зашелъ;
А я отъ горя въ почестный пиръ —
А горе зашелъ впереди сидитъ;
А я отъ горя на Царевъ кабакъ —
А горе встрѣчаетъ, ужъ пиво тащитъ.
Какъ я нагъ то сталъ, насмѣялся онъ.

LVII.

У дороднова добра молодца
Много было на службѣ послужено,
На печи было въ воли полежано;
Дослужился я, добрый молодецъ, до край печи,
И увидѣлъ корыто предолгое.
Что я спросилъ я у товарищей,

Не та ли то волга широка и долга,
Широка и долга крутобережна?
Какъ увидѣлъ въ ставчикѣ ложечки,
Не тѣ ли то весла, чемъ на волгѣ гребутъ?
У дороднова добра молодца
Много было на службѣ послужено,
Съ кнутомъ за свиньями похожено;
Много цвѣтного платья поношено,
По подъ оконью онучь попрошено;
И сахарнаго куска поѣдено,
У ребятъ корокъ отъимано;
На добрыхъ коней поѣзжено,
На чужія дровни присѣдаючи,
Ко чужимъ дворамъ приставаючи.
У дороднова добра молодца
Много было на службѣ послужено,
На поварняхъ было посижено,
Кусковъ и оглодковъ попрошено,
Потихоньку безъ спросу потаскано,
Голиками глаза выбиты,
Ожегомъ плеча поранены.

LVIII.

Ахъ, батюшка Ярославль городъ!
Ты хорошъ-пригожъ, на горѣ стоишь,
На горѣ стоишь на всей красотѣ,
Промежъ двухъ рѣкъ промежъ быстрыихъ,
Промежъ волги рѣки промежъ котрасли.
Съ луговой было со сторонушки
Протекла тутъ волга матушка,
Со нагорной да со сторонушки
Пробѣгала тутъ рѣка котрасля;

Что съ верху то было волги матушки
Что плыветъ гребетъ легка лодочка:
Хорошо то была лодка изукрашена,
У ней носъ корма раззолочены,
Что разшита легка лодочка
На двенадцатеры веселочки;
На кормѣ сидитъ Атаманъ съ ружьемъ,
На носу стоитъ Есаулъ съ багромъ,
По краямъ лодки добры молодцы,
Посреди лодки красна дѣвица,
Есаулова родная сестрица,
Атаманова полюбовница;
Она плачетъ, какъ рѣка льется,
Въ возрыданьи слово вымолвила:
Не хорошъ то мнѣ сонъ привидѣлся,
Ужъ какъ бы у меня, красной дѣвицы,
На правой рукѣ, на мизинчикѣ,
Распаялся мой золотъ перстень,
Выкатился дорогой камень,
Расплеталася моя коса руса,
Расплеталася лента алая,
Лента алая Ярославская;
Атаману быть поиману,
Есаулу быть повѣшену,
Добрымъ молодцамъ головы срубятъ,
Красной дѣвицѣ въ темницѣ быть.

LIV.

Изъ кремля кремля, крѣпка города,
Отъ дворца дворца государева,
Что до самой ли красной площади,
Пролегала тутъ широкая дорожка,

Что по той ли по широкой по дороженькѣ,
Какъ ведутъ казнить тутъ добра молодца,
Добра молодца, большого боярина,
Что большаго боярина, Атамана стрѣлецкаго,
За измѣну противъ царского величества.
Онъ идетъ ли молодецъ—не оступается,
Что быстро на всѣхъ людей озирается,
Что и тутъ царю не покоряется.
Предъ нимъ идетъ грозенъ палачъ,
Въ рукахъ несетъ остеръ топоръ,
А за нимъ идетъ отецъ и мать,
Отецъ и мать, молода жена;
Они плачутъ, что рѣка льется,
Возрыдаютъ, какъ ручьи шумятъ,
Въ возрыданьи выговариваютъ:
Ты, дитя ли наше милое,
Покорися ты самому царю,
Принеси свою повинную,
Авось тебя государь царь пожалуетъ,
Оставитъ буйну голову на могучихъ плечахъ.
Каменѣетъ сердце молодецкое,
Онъ противится царю, упрямствуетъ,
Отца матери не слушаетъ,
Надъ молодой женой не сжалится,
О дѣтяхъ своихъ не болѣзнуетъ.
Привели его на красную площадь,
Отрубили буйну голову
Что по сами могучи плеча.

LX.

У насъ то было, братцы, на тихомъ дону,
На тихомъ дону во Черкасскомъ городу,

Породился удалой доброй молодецъ,
По имени Степанъ Разинъ Тимофѣевичъ.
Въ козачій кругъ Степанушка не хаживалъ,
Онъ съ нами, козаками, думу не думывалъ;
Ходилъ, гулялъ Степанушка во царевъ кабакъ,
Онъ думалъ крѣпку думушку съ голыдьбою:
Судыри мои, братцы, голь кабацкая!
Поедемъ мы, братцы, на синее море гулять,
Разобьемъ, братцы, басурмански корабли,
Возьмемъ мы, братцы, казны сколько надобно,
Поѣдемте, братцы, въ каменну Москву,
Покупимъ мы, братцы, платье цвѣтное,
Покупивши цвѣтно платье, да вспзъ поплывемъ.

LXI.

Ужъ какъ по морю, по морю синему,
Здунинай Дунай, морю синему,
Туда плыветъ соколъ корабль по тридцать лѣтъ;
Тридцать лѣтъ корабль на якорѣ не стаивалъ,
Къ крутому бережку не причаливался,
И онъ желтаго пѣску въ глаза не видалъ.
А бока то сведены по туриному,
А носъ да корма по змѣиному.
Атаманомъ былъ на немъ Илья Муромецъ,
А на муромцѣ кафтанъ рудожелтый цвѣтъ,
На кафтанѣ были пуговки злаченыя,
А на каждой то пуговкѣ по лютому льву.
И напали на соколъ корабль разбойнички,
Ужъ какъ злыя то татары со калмыками,
И хотятъ они соколъ корабль разбить разгромить,
Илью муромца хотѣли въ полонъ полонить.
Илья муромецъ по кораблю похаживаетъ,
Своей тросточкой по пуговкамъ поваживаетъ:

Его буговки златыя разгорѣлися,
Его люты львы да разрѣвѣлися,
Ужъ какъ злые то татары испугалися,
Въ сине море татары побросалися!

LXII.

Ахъ, по морю, морю синему,
По синему морю по Хвалынскому,
Что плывутъ тутъ выплываютъ тридцать кораблей;
Что одинъ изъ нихъ корабль, братцы, напередъ бѣжитъ,
Впереди бѣжитъ корабль, какъ соколъ летитъ.
Хорошо больно корабликъ изукрашенъ былъ:
Паруса на кораблѣ были тафтяные,
А тетивочка у кораблика шемаханска шелку,
А подзоры у кораблика рытова бархату,
На рулю сидѣлъ нашъ Батюшка, православный царь.
Что не золотая трубушка вострубила,
Да что возговоритъ нашъ батюшка, православный [царь:
Ахъ, вы гой еси матросы легкіе,
Вы мечитеся па мачты корабельныя,
Вы смотрите во трубочки подзорныя,
Что далеко ли до Стекольнова?

LXIII.

Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Царицына,
Протекала, пролегала мать Камышенка рѣка.
Какъ съ собой она вела круты, ясны берега,
Круты ясны берега и зеленые луга.
Она устьицемъ впадала въ Волгу матушку рѣку;

Что по той ли быстрынѣ, по Камышенкѣ рѣкѣ,
Какъ плывутъ тутъ выплываютъ два снарядные стружка.
Хорошо были стружечки изукрашены,
Они копьями, знамены, будто лѣсомъ поросли;
На стружкахъ сидятъ гребцы удалые молодцы,
Удалые молодцы, все Донскіе казаки,
Да еще же гребенскіе, запорожскіе;
На нихъ шапочки собольи, верьхи бархатны,
Еще смурые кафтаны кумачемъ подложены,
Астрахански кушаки полушелковые,
Пѣстрядинныя рубашки съ золотымъ галуномъ,
Что зеленъ сафьянъ сапожки, кривые каблуки
И съ зачосами чулки да все гарусные;
Они веслами гребутъ, сами пѣсеньку поютъ;
Они хвалятъ величаютъ православнаго царя,
А бранятъ они клянутъ воеводу,
Что съ женою и съ дѣтми и со внучатами,
Заедаетъ воръ собака наше жалованье,
Кормовое годовое наше денежное;
Да еще же не пущаетъ насъ по волгѣ погулять,
Внизъ по Волгѣ погулять, съ дунинаю воспѣвать.

LXIV.

Мимо славнаго города Воронежа
Пролегала тамъ широкая дороженька
Что ко славному ко городу ко Санктпитеру.
Что по той было по широкой по дороженькѣ
Ужъ какъ шли прошли казаки съ тиха дона,
Что съ тиха, братцы, дона Ивановича.
Ужъ какъ всѣ, братцы, казаки сквозь Москву прошли,
Что одинъ изъ нихъ казакъ остается,
Онъ заходитъ на кружало Государево,

Онъ снимаетъ съ себя шапочку черна соболя,
Онъ и молится Спасителеву образу,
Онъ и кланяется на всѣ четыре стороны,
Государевымъ цѣловальникамъ особливъ поклонъ.
Ахъ, вы здравствуйте, государевы цѣловальники!
Вы продайте мнѣ вина на пятьсотъ рублевъ,
А товарищамъ моимъ на тысячу.
Промежду собой цѣловальники взгляпулися:
Ужъ какъ экого пѣтуха у насъ не было,
Ужъ какъ знать это, братцы, не донской козакъ,
Ужъ какъ знать это атаманъ ихъ.
Вывозили имъ пойла сколько надобно:
Ужъ вы пейте, мои ребята, сколько вамъ хочется.

LXV.

У насъ, братцы, на дону во черкасскомъ городу,
Проявилась у насъ, братцы, прирожоная тума,
Онъ изъ тумъ, братцы, тума Сенька Маноцковъ злодей.
Крѣпкой думушки съ стариками онъ не думывалъ,
Думывалъ онъ крѣпку думушку съ ярыжками,
Перекинулся собака ко Азовскому пашѣ.
А Азовскій то паша сталъ его спрашивати:
Ты скажи, скажи, пріятель, правду истинную,
Что то думаютъ у васъ во Черкасскомъ городу?
Да у насъ то на дону во Черкасскомъ городу
Старики-то пьютъ, гуляютъ, по бесѣдушкамъ сидятъ,
По бесѣдушкамъ сидятъ, про Азовъ вашъ говорятъ:
Ой, не дай, Боже, Азовцамъ ума разума того,
Не поставили бъ они башеньки на усть рѣчки Калапчи,
Не перекинули бы цѣпи черезъ славный тихій донъ,
Не подвели бы они струны ко звонкимъ колоколамъ.
Ужъ нельзя намъ, братцы, будетъ во сине море пройдтить,

По синю морю гулять, зипуновъ то доставать.
Какъ у насъ было на дону во черкесскомъ городу,
Войсковой нашъ атаманъ во всю ночушку не спалъ:
Какъ со вечеру соколъ нашъ роговыя проплывалъ,
По бѣлу свѣту соколъ нашъ по синю морю гулялъ,
По синю морю гулялъ, кораблики розбивалъ.

LXVI.

На зарѣ Иванъ сударь Петровичъ
Вставалъ ранешенько,
Умывался бѣлешенько,
Передъ зеркаломъ хрустальнымъ
Чесалъ кудри черныя,
Чесалъ, самъ приговаривалъ:
Завивайтесь, кудри,
Завивайтесь, черныя,
Ужъ какъ завтра ль васъ, кудри,
Ужъ какъ завтра ль васъ, чорныя,
Не самъ буду завивати,
Станетъ завивати красна дѣвица;
А и матушка родимая,
А и слышавши его рѣчи,
Говорила своему сыну милому:
Дитя ли мое дитятко,
Дитя ли мое милое!
Не гадай впередъ, не загадывай,
Не угадавши, не отгадывай,
Какова еще рука у дѣвицы?
Какова еще бѣлая у красной?
Либо завьются кудри,
Либо не завьются черныя.
Коли будетъ совѣтъ да любовь,

Кудри сами станутъ завиваться;
Коли будетъ кось да перекось,
Не развивши станутъ развиваться.
Ужъ завьются ли кудри,
Ужъ завьются ли чорныя
Не отъ бѣлыхъ рукъ суженыхъ,
Не отъ румяныхъ рукъ ряженыхъ,
Не отъ частого гребешка,
Не отъ частого костянова.
Завиваются ли кудри,
Завиваются ли чорныя,
Отъ веселья, отъ радости,
Развиваются ли кудри,
Развиваются ли чорныя,
Отъ печали, отъ горести,
Отъ тоски, отъ кручинушки.

LXVII.

Весна красна
На чемъ пришла?
На чемъ пріѣхала?
На сошечкѣ,
На бороночкѣ.
Какъ и всѣ дѣвки на улицѣ,
И всѣ красныя на широкой,
Одной дѣвушки нѣтъ;
Сидитъ она во теремѣ,
Ширинку шьетъ золотомъ,
Узду везетъ тесмянную.
Ахъ, горе великое!
Кому-то достанется?
Достанется моему суженому,
Моему ряженому. (веснянка).

LXVIII.

Колыбельная пѣсня.

Баю, баюшки, баю,
Баю сашеньку, баю!
Приди, котикъ, ночевать,
Мово Сашеньку качать,
Мово сашеньку качать,
Качать прибаюкивати.
Спи, усни, угомонъ
Тебя возьми.
У котушки кота
Колыбель хороша,
У мово Сашеньки
Лучше его;
У кота кота
Перинушка мягка;
У моего Сашеньки
Мягче его;
У кота кота
И подушечка бѣла;
У мово Сашеньки
Лучше его.
У кота кота
Одѣялицо тепло,
У мово Сашеньки
Соболиное лежитъ;
У котушки кота
Плетка подъ подушкой лежитъ,
У мово Сашеньки
На стѣночкѣ виситъ.
Спи, усни, угомонъ
Тебя возьми.

Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньку, баю!

LXIX.

Колыбельная пѣсня.

По горамъ, по горамъ
По высокіимъ,
По раздольицамъ
По широкіимъ,
Тутъ огни горятъ
Негасимые,
Злы татарове
Тутъ полонъ дѣлятъ.
Доставалася
Теща зятю въ плѣнъ,
Онъ отвезъ ее къ молодой женѣ:
Ахъ, и вотъ тебѣ,
Молода жена,
Полоняночка
Съ руси руская.
Ты заставь ее
Три дѣла дѣлать:
Что и первое
То дитя качать,
А другое-то
Тонкій кужель прясть,
Что и третіе
То цыплятъ пасти.
Ты, баю, баю,
Мое дитятко!
Ты по батюшкѣ

Злой татарченокъ,
Милъ внученочекъ:
Вѣдь твоя то мать
Мнѣ родная дочь;
Семи лѣтъ она
Въ полонъ взята,
На правой рукѣ
Нѣтъ мизинчика.
Ты, баю, баю,
Мое дитятко!
Какъ услышала
Тутъ татарочка,
Она бросилась
На бѣлы руки
Къ своей матушкѣ:
Ахъ, родимая
Моя матушка!
Выбирай себѣ
Коня лучшаго,
Мы бѣжимъ съ тобой
На святую русь,
На святую русь,
Нашу родину.

LXX.

Ой, ни чарочки по столику гремятъ,
Ни яндовочки походя говорятъ,
Свѣтъ Сашенька ходитъ по терему,
Ивановна ходитъ по высоку.
Она ходитъ убирается,
Во цвѣтно платье паряжается,
Убиравшись въ гости просится.

Ужъ ты миленькой,
Хорошенькой дружокъ,
Николай Андреевичъ!
Ты пусти меня въ гости побывать
Ко родимому батюшкѣ, ко родимой матушкѣ.
Я давно, сударь, въ гостяхъ не была,
Отъ весны, сударь, до осени,
Отъ утра, сударь, до вечера.
Ты, радость, умная, разумная моя,
Александра Ивановна!
Въ добрыхъ людяхъ такъ не водится,
Убравши въ гости не просятся.
Ты сама у меня гостья во дворѣ,
При бесѣдушкѣ хозяюшка въ дому,
При компаньи похвала мнѣ молодцу.
Еще ты у меня пивушка не пьешь,
Зеленова вина въ ротъ не берешь,
Только кушаешь сладкой медъ,
Сладкой медъ да сладку водочку,
Сладку водочку—анисовую,
Черезъ сахаръ перегопенную.

LXXI.

Александра матушка породила,
Гаврилыча родная на великъ день
Въ самую заутреню, во звоны колокольные,
Во звоны колокольные, во пѣнье церковное;
А сама приговаривала: будь, мое дитятко,
И бѣло и румяно, по торгу будь счасливо,
По невѣстамъ талантливо.

LXXII.

Во саду ли, въ огородѣ, во вишенью,
Ходитъ голубь, ходитъ сизый со голубошкою.
Что у голубя, что у сизого золотая голова,
Что у голубушки позолоченная.
Что голубь то сизый, то андрей государь,
Что голубь то сизый, то Андреевичъ,
Что голубушка то аннушка,
Что голубушка то Ивановна.
Приходилъ къ нему товарищъ,
Позавидовалъ ему:
Какъ бы этака жена у меня душа была,
Ябъ ни билъ бы, не бранилъ,
Порошку бъ румянъ ей купилъ;
Набѣлись, моя надежда,
Нарумянься, душа,
Поѣзжай, моя надежда,
Куда надобно тебя.
Конни кони вороные,
Извощики молодые,
Сани писанные,
Узды низанные,
Шлеи строченныя, позолоченныя,
Возжи лентовыя, позументовыя,
На извощичкахъ перчаточки
Алы серебренныя,
На хорошихъ, на пригожихъ не заглядывайся,
На веселыхъ на бесѣдахъ не засиживайся:
И того будетъ съ тебя, что и я у тебя,
И того будетъ съ меня, что и ты у меня.

LXXIII

Перевью тыномъ рѣку,
Я тыномъ тынинкою,
Въ третій рядъ крапивкою,
Загоню лебедя съ лебедкою.
Почему знать лебедя?
Почему знать лебедку?
У лебедя золота голова,
У лебедки серебренная.
Лебедь козьма сударь,
Лебедь да Антиповичъ,
Лебедка Анисья
Сударыня Васильевна.
Какъ просилась Анисьюшка
У Козьмы на улицу,
У Антипыча на широку.
Другъ ты мой, Анисья,
Радость моя, Васильевна,
Я тогда тебя пущу
Погулять на улицу,
Поиграть на широкую,
Когда родишь девять сыновъ,
Когда родишь десятую дочерь.
Я тогда сама не пойду,
Я тогда не подумаю,
Я тогда сына женю,
Я тогда сноху пущу
Погулять на улицу,
Поиграть на широкую.

LXXIV.

Звонко звонятъ въ Новѣгородѣ,
Звонче того во каменной Москвѣ.
Звонила звоны Алимпіадушка,
Звонила звоны Гавриловна,
Мимо ѣхалъ тутъ Лука господинъ,
Мимо ѣхалъ тутъ Львовичъ.
Звона ея онъ заслушался,
Красоты ея засмотрѣлся.
Пріѣхалъ домой, сталъ расказывать:
Видѣлъ я, матушка, свою сужепную,
Видѣлъ я, сударыня, свою ряженную;
Ростомъ она и топка и высока,
Лицомъ она и бѣла и румяна,
Бровью она почернѣе меня.

LXXV.

Ай, на Дубчику два голубчика сидятъ,
Промежъ себя рѣчи говорятъ
Про удалого молодца, про Александра.
Какъ нѣтъ такого молодца,
Что Александра Александровича:
Онъ съ рублика на рубликъ ступалъ,
По пяти рублей на улицу кидалъ,
Десятью вороты запиралъ,
Какъ и сотнею сиротъ обдѣлялъ;
Вы, сироты, помолите обо мнѣ,
Объ удаломъ молодцѣ Александрѣ.

LXXVI.

Кто у насъ холостъ ходитъ?
А кто жъ у насъ не женатъ?
Антипій сударь холостъ ходитъ,
Ивановичъ сударь не женатъ.
Пора ему жениться, на добрый конь садиться,
Пора ему ѣхати ко тестеву двору,
Ко тестеву двору, ко тещеву терему,
Ко тещеву терему, ко дѣвичьей комнатѣ.
Ты, дѣвица, отопри, красавица, отопри!
Я рада бы отперла, боюсь батюшки,
Боюсь батюшки, опасаюсь матушки.
Съѣзжаетъ Антипій со широкова двора,
Со широкого двора, со высокого терема.
Тутъ дѣвица отперлась, красавица отперлась:
Антипій сударь, воротись, Ивановичъ, воротись!
Я радъ бы воротился, мой добрый конь не стоитъ,
Мой добрый конь не стоитъ, буйный вѣтеръ шляпу [рветъ,
Буйный вѣтеръ шляпу рветъ, красно солнце въ лицо [сжетъ.

LXXVII.

Пелагея, матушка,
Васильевна, государыня,
Николаюшкѣ сынку говаривала,
Ивановичу милому наказывала:
Ты спи, мое дитятко,
Ты спи не засыпайся,
Поранѣе просыпайся,
Въ соборныя заутрени,

Во громкій ранній благовѣстъ,
По скорешеньку одѣвайся,
Бѣлешенько умывайся,
Частымъ гребешкомъ чешися,
Прилѣжно Богу молися,
Да дастъ онъ тебѣ суженую!
Чтобы твоя суженая-ряженая
Бѣла, хороша, пригожа,
Была бы умна да вѣжлива,
Къ добрымъ людямъ привѣтлива,
Свекру батюшкѣ покорлива,
Свекровѣ матушкѣ послушлива,
Деверьюшкамъ услужлива,
Заловьюшкамъ досужлива,
Тебѣ, милому другу, любовная.

LXXVIII.

Около шеста бѣлаго полотняного
Машенька садила цвѣточки,
Ивановна разсаживала алыя.
Въ томъ шатрѣ спалъ почивалъ,
Спалъ господинъ Иванъ,
Иванъ сударь Петровичъ;
Онъ кличетъ покликаетъ:
Машенька, подь ко мнѣ въ шатеръ,
Сердце мое Ивановна!
Я не иду, сударь, не слушаю:
Я слышала люди сказывали,
Люди сказывали: у тебя отецъ гордъ.
Душенька Машенька,
Будь сама добра!
Держи голову поклонную,

А сердце покорное.
Я не иду, сударь, не слушаю:
Люди сказывали, у тебя мать гордая.
Душа Машенька,
Будь сама добра!
Держи голову покорную,
А сердце покорное.
Я не иду, сударь, не слушаю.
Я еще слышала, люди сказывали,
Добрые говорили: у тебя братья лихи,
Братья лихи, сестры злы.
Душенька Машенька, будь сама добра!
Будь ласкова, привѣтлива,
Во всемъ догадлива да смѣтлива,
Въ чужихъ словахъ не замѣтлива,
А въ своихъ проста да умѣтлива.

LXXIX.

Какъ на Иванушкѣ кудри русыя
По плечамъ лежатъ,
Какъ на эти кудри дивоватися
Съѣзжалися купцы и бояре;
Ужъ они-ль дивовалися,
Ужъ они-ль у людей спрашивали:
Чье это дитятко,
Чье это милое?
Оно пѣжное и манежное,
Оно чистое и рѣчистое,
Оно ясное и прекрасное,
Сидитъ-ли—красуется,
Во пиру ли величается.
Это дитятко матушкино,

Натальи свѣтъ Иваповны,
Это дитятко батюшкино,
Ивапа свѣтъ Иваповича.

LXXX.

Александрушка господинъ,
Иваповичъ боярипъ,
Рубилъ яблонь подъ корень,
Тесалъ доски тонкія,
Дѣлалъ гусли звонкія.
Кому эти гусельцы?
Кому эти звонкія?
Аннушкѣ гусельцы,
Иваповнѣ звончаты.
Ей ли во гусли не сыграть?
Ее ли молодости не цвѣсть?

LXXXI.

Не бушуйте вы, вѣтры буйные,
Не раскачивайте звонка колокола,
Не пускайте вы звону по родной землѣ,
Не будите вы молоду жену
У Николая свѣтъ Алексѣевича,
Не будите вы Марью Андреяповну!
Какъ вечоръ ли она у матушки была,
Къ бѣлу свѣту сына породила,
Что сына-то Николая Николаевича.
Въ тѣ поры Николая дома не случилося,
Въ тѣ поры его государь царь жаловалъ
Тремя городами тремя стольными.

Какъ во первомъ городу вино курятъ,
Какъ во второмъ городу пиво варятъ,
Какъ во третьемъ городу его сына крестятъ.

LXXXII.

Бѣло каменна палата грановита!
Не дубовыя стулы застучали,
Бѣлы скатерти камчатны зашумѣли,
Что серебрены приборы загремѣли,
Идутъ мамки, идутъ няньки со свѣчами,
А бабушка идетъ со здоровьемъ,
Поздравляютъ Василья со дитею со малою:
Какъ жена тебѣ сына спородила,
Государю царю служивого,
А тебѣ, сударь, перемѣна.
Бѣла каменна палата грановита!
Не дубовыя столы застучали,
Бѣлы скатерти камчатны зашумѣли,
Что серебрены приборы загремѣли,
Идутъ мамки, идутъ няньки со свѣчами,
А бабушка идетъ со здоровьемъ,
Поздравляютъ Василья со дитею со малою:
Какъ жена тебѣ дочку спородила,
Государынѣ царицѣ золотошвейку,
А тебѣ, сударь, перепутье.

LXXXIII.

Ты, Иванъ сударь,
Ты, Иванъ Ивановичъ,
Какъ породила тебя матушка

Въ воскресенье, на великъ день,
Во самую заутренню,
Пеленала тебя матушка
Во пеленочки камчатныя,
Положила тебя матушка
Въ колыбельку багрецовую.
Раскачала тебя матушка
Отъ востока до запада,
А сама приговаривала:
Баю, баю, мое дитятко!
Баю, баю, мое милое!
Ты, Иванъ сударь,
Ты, Иванъ Ивановичъ.

LXXXIV.

Чтобы те свату по міру ходить,
По міру ходить, силу волочить!
Ужъ какъ сватъ по бережку похаживаетъ,
Въ чисту рѣченьку поглядываетъ,
Да вѣдь самъ себя похваливаетъ:
Ужъ и какъ же я хорошъ!
Ужъ и какъ же я пригожъ!
Самъ то шестомъ, голова пестомъ,
Рожа пряслицею, глаза раковицею.

LXXXV.

По городу, по городу звоны пошли,
По терему, по терему дары понесли.
Дарила дары, дарила дары душа дѣвица.

Прими, сударь, дары, прими, сударь, дары, добрый
На мои дары, на мои дары не погнѣвайся: [молодецъ!
Мои то дары, мои то дары непасенныя,
Моя то свадьба, моя то свадьба незнаемая.

LXXXVI.

При дѣвичьемъ было при вечерѣ,
При Марьиномъ то дѣвичникѣ;
Не трубушка трубила рано на зарѣ,
То плакала Марьюшка по русой косѣ:
Свѣтъ моя косынька, русая коса!
Разовьютъ тебя, косыньку, на шесть доль,
Заплетутъ тебя, косыньку, на двѣ косы.
Дотолѣ тя, косыньку, дѣвушки плели,
Теперыча косыньку свахѣ ужъ плести;
Укрутятъ тя, косыньку, вокругъ головы,
Повяжутъ по косынькѣ бабью красоту,
Бабья красота на печи въ углу,
Дѣвичья красота во полѣ на лугу.

LXXXVII.

Ладушка моя милая,
Анна Ивановна!
Надо жить во чужихъ людяхъ
Умѣючи,
Разумѣючи.
Чужи люди словно темный лѣсъ,
Словно туча грозная.
Безъ морозу сердце вызябнетъ,
Безъ бѣды глаза выхолятъ.

Въ чужихъ людяхъ будь
И покорна
И пословна.

LXXXVIII.

Какъ по саду, по садику,
Что ходила тутъ гуляла
Молодая боярыня,
Во рукахъ она носила
Двѣ серебряныя тарелочки,
Подходила ко яблонькѣ.
Ахъ, ты яблонька, яблонька,
Зелена и кудрявая!
Наклонись ко пониже мнѣ
Ко матушкѣ ко сырой землѣ,
Я сорву съ тебя два яблочка,
Положу на тарелочку,
Понесу во высокъ теремъ,
Во высокъ теремъ къ милу братцу
Алексѣю Ивановичу.
Ахъ, ты, братецъ голубчикъ мой,
Ясенъ соколъ,
Ты прими ко два яблочка,
Ты припявъ разрушай-ка,
Поразрушивши покушай ко,
Моего горя послушай ко,
Не оставь меня, милой братъ,
На чужой на сторонушкѣ,
У чужого отца матери,
У чужого рода племени.
Ты, сестра моя милая,
Ты носи платье не спашивай,

Терпи горе не сказывай.
Ахъ, ты братецъ, голубчикъ мой,
Нося платье, сносится,
Потерпя горе, скажешься.

LXXXIX.

Ахъ, вы, дѣвушки, дѣвушки,
Голубины гнѣздышки!
Много васъ посѣяно
Да не много выросло.
Одно поле Кіевско,
А другое Черниговско;
Промежъ тѣхъ двухъ полей
Не лебедь вскликала,
Не куна взыграла,
Да чтоль Анна всплакала
По своей русой косѣ,
Чтоль по красной то красотѣ:
Ты, коса ль, краса моя,
Коса безкручинная,
Коса безпечальная!
Какъ вчера русу косу
Въ парной бани парили,
А сегодня русу косу
Подъ вѣнецъ поставили,
Женою называли,
Женою Ивана князя,
Женою Ивановича.

LC.

Послѣ бани.

Спасибо тебѣ, родимый братецъ,
На дровцахъ сухихъ, перелетовыхъ!
Спасибо тебѣ, родная невѣстушка,
На пару на банькѣ,
На мягкомъ на вѣничкѣ.

LCI.

Отлелеяла, отлелеила волга
Быстра рѣченька съ крутымъ бережкомъ.
Отжилася, отнѣжилася свѣтъ
Прасковья душа у батюшки.
Какъ пошло мое дитятко
Съ высокаго терема
По частымъ по ступеничкамъ,
Впереди идетъ свѣчничекъ,
По бокамъ поѣзжаные гости,
Позади идетъ матушка.
Воротись, мое дитятко,
Позабыла ты, дитятко,
Трое ключики на шелковомъ поясочкѣ.
Не одни я позабыла ключи,
Позабыла я, матушка,
Волю батюшкину
Да и нѣгу матушкину,
Приголубки милыхъ братьевъ,
Да и ласки сестрицыни,
Я еще позабыла красу свою дѣвичью,
Я косу свою русую.

LCII.

Какъ по сѣнямъ, по сѣничкамъ,
По частымъ переходичкамъ,
Золотые были выходы,
Что по тѣмъ по выходамъ
Разостланы куни, соболи,
Что по тѣмъ куньямъ соболямъ
Все сидѣли красны дѣвушки,
Пелагеевны подруженьки,
Все Петровны голубушки.
Посидите, дѣвушки,
И вы съ утра день до вечера,
Съ вечера до бѣла свѣта,
Съ бѣла свѣта до суда Божья.
И вы сдайте, дѣвушки,
И вы съ рукъ, да на руки,
Къ Ивану на вѣки,
Къ Петровичу на вѣки.
Золотыя метелочки,
Что мѣли повымели?
Три горницы, три новыя,
Одну не вымели
Угловую нову горницу,
Гдѣ сидитъ лютой свекоръ
Со лютой со свекровушкой;
Ужъ умѣютъ судить, рядить,
Про чужое мило дѣтище,
Что недавно приведенное;
Что идетъ дремливое,
Много бѣдъ набѣдило,
Много искотъ наискотило.

LCIII.

Ахъ, ты, свѣтъ, моя свѣтлая свѣтлица!
Ахъ, ты, свѣтъ ли, моя столовая горница!
Во сыромъ то бору свѣтлица роняна,
По тихому дону свѣтлица плавлена,
На прекрасномъ мѣстѣ свѣтлица ставлена
Косящатыми окошками во зеленый садъ,
Крутымъ краснымъ крылечкомъ во широкой дворъ.
Какъ во той ли во свѣтлой во свѣтлицѣ,
Какъ во той ли во столовой новой горницѣ
Наставлены столы то все дубовые,
Разостланы скатерти бранныя;
А за тѣмъ ли столомъ бѣлодубовымъ
Сидѣлъ удалой, доброй молодецъ
Какъ по имени Василій сударь Григорьевичъ.
Онъ игралъ въ гусли звончатые,
Онъ наигривалъ волю, волю батюшкину,
Онъ наигривалъ нѣгу, нѣгу матушкину.
Приходила гусли слушать Ольга душа,
Приходила гусли слушать Афанасьевна.
Она слушала гусли, сама вонъ пошла,
Сама вонъ пошла горько заплакала.
Ахъ, ты, свѣтъ то воля, воля батюшкина,
Ахъ, ты, свѣтъ то нѣга, нѣга матушкина!
Отставать то будетъ отъ воли, воли батюшкиной,
Отставать то будетъ отъ нѣги, нѣги матушкиной,
Привыкать то будетъ къ праву свѣтъ Василія,
Привыкать то будетъ къ праву свѣтъ Григорьевича.

LCIV.

Шли прошли по околицѣ
Красны дѣвицы румяны,

Очи ясны заглядчеваты:
Ужъ и что дѣвицы завидятъ,
Все на ясны очи берутъ,
Все запримѣчаютъ.
А у нихъ ли мука озимовата,
Еще мѣлка овеяна,
Мѣлко вытолчена,
Въ решето высѣена.
Ужъ какъ если въ околицѣ
У вдовушкѣ салѳеѣ (?),
У вдовы дочка умна учена.
Она, вдовушка, учила
Свою дочку молоду
Въ рукахъ пялички держать,
Золоты ширинки вышивать.

LCV.

Веснянка.

Весна, весна красная!
Приди, весна, съ радостью,
Съ радостью, радостью,
Съ великою милостью,
Со льномъ высокіимъ,
Съ корнемъ глубокіимъ,
Съ хлѣбами обильными.

LCVI.

Уже что я сижу думаю,
Уже что я сижу гадаю
Ужъ своимъ я глупымъ разумомъ.

У меня ли горе не чутко,
У меня младой горя круты горы,
Уже слезъ рѣки быстрыя,
Всѣ поля горемъ насѣяны,
Всѣ сады горемъ изнасажены.
Не дали то мнѣ горькой,
Не дали мнѣ горемышной
Во дѣвушкахъ насидѣтися,
Со годами соверстатися,
Съ умомъ съ разумомъ собратися,
Лицо бѣлое понаполнити,
Русу косыньку повыростить,
Алу ленту доносити.

LCVII.

Болѣзный ты мой батюшка
И радѣльщица моя матушка!
Ты скажитко, мой батюшка,
Со пріятушкой со матушкой,
Что спалась ли вамъ темна ноченька?
А мнѣ-то горькой,
А мнѣ горемышной
Не спалася темна ноченька,
Не хорошъ мнѣ сонъ привидился:
Что вставали вѣтры бунные,
Со всѣхъ то съ четырехъ сторонъ,
Уносили то мою постелюшку
На чужую дальню сторонушку
Ко чужому отцу матери,
Ко незнаму роду племени.

LCVIII.

Изъ за бору бору
Изъ за зеленого
Протекала свѣтъ
Быстрая рѣчка,
Стучала гремѣла
По кремнямъ острымъ,
Обрастала быстра рѣчка
Калиной малиной.
На калиновомъ мосточкѣ
Сидѣла голубка,
Ноженьки мыла
Перемывала,
Свое сизо перышко
Перебирала,
Свою буйну голову
Чесала.
Перебравъ сизо перье,
Перечесавъ буйну голову,
Сама взворковала:
Завтра по утру
Батюшка будетъ,
Хоть онъ будетъ, аль не будетъ,
Тоски не убудетъ,
Въ двое, въ трое у голубки
Печали прибудетъ.

LCIX.

Сидитъ олень подъ сырымъ дубкомъ.
Тепло ли те, олень, студено ли те, олень?
Мнѣ во лѣтѣ тепло, во зимѣ холодно.

Пріодѣньте оленя, пріокутайте:
Что со дѣвушки вѣнокъ, со молодушки платокъ,
Со старыя бабы шелковой поясокъ.
Чей, чей это вѣнокъ толочу волочу,
Толочу волочу по подлавичью, по залавичью?
Я не дамъ вѣнка топтать, я не дамъ волочить,
Сама выскачу, сама выпляшу
Я своимъ станкомъ я коротенькимъ.
Я станомъ коротка, я плечами широка.
Хоть станъ коротокъ, назовутъ королемъ королеви-
А гдѣ утка шла, тутъ и пыль прошла, [чемъ.
А гдѣ я млада, тутъ и рожь густа,
Уколосиста, умолотиста,
Еще съ колосу маленька, съ зерна пирогъ.

С.

Заинька, поскачи,
Сѣринькой, поскачи,
Кружкомъ бочкомъ повернись,
Кружкомъ бочкомъ повернись!
Заинька, въ ладоши,
Сѣринькой, въ ладоши!
Сдѣсь города все немецкія,
Закрѣпочки желѣзныя,
Есть заицу куда выскочить,
Есть сѣрому куда выскочить.
Кружкомъ бочкомъ повернись,
Кружкомъ бочкомъ повернись.

CI.

Пряди, моя пряха,
Пряди не ленися.
И я рада-бъ пряла,
Меня въ гости звали,
Звали позывали
Къ сосѣду въ бесѣду,
На пиръ пировать.
Мой милъ хорошій,
Мой милъ пригожій,
Холостъ не женатый,
Бѣлый кудряватый.
Вотъ ѣдетъ мой милой
На ворономъ конѣ
Въ бѣломъ балахонѣ,
Шапочка съ углами,
Головка съ кудрями,
Къ двору подъѣзжаетъ,
Дѣвица встрѣчаетъ,
За ручки хватаетъ,
За столикъ сажаетъ.

CII.

Ахъ, подъ лѣсомъ, лѣсомъ, подъ зеленой дубравой
Сама протекала матка быстрая рѣка,
Урываючи круты, красны бережки,
Осыпаючи жолты пески сыпучи.
На томъ на крутомъ на красномъ бережкѣ
Само выростало свято дерево кипарисно,
На томъ на святомъ деревѣ кипарисномъ
Молодой соловей тепло гнѣздо свиваетъ,

Малыхъ дѣтушекъ выводитъ;
Онъ жалостно свищетъ, хорошо воспѣваетъ,
Вспоминаючи красное теплое лѣто;
Нѣгдѣ мнѣ, соловушкѣ, тепла гнѣзда свити,
Нѣгдѣ мнѣ малыхъ дѣтокъ выводити.
Какъ тутъ растужится, какъ расплачется
Удалой добрый молодецъ,
Сидючи онъ во темной темницѣ,
Вспоминаючи свою родимую сторонушку:
Ужъ нѣгдѣ мнѣ на своей сторонѣ побывать,
Съ отцомъ съ матерью повидаться,
Съ родомъ съ племенемъ не свыкаться,
Молодой женой не любоваться,
Малыхъ дѣтушекъ не вспоить.
Знать то мнѣ, добру молодцу,
Во темницѣ головушку положить.

CIII.

Ты безсчастный добрый молодецъ,
Бесталанная твоя головушка!
Что ни въ чемъ то мнѣ, братцы, талану нѣтъ,
Ни въ торгу, братцы, ни въ товарищахъ;
Что ссылаютъ меня съ корабля домой.
Отъ тебя ли, отъ безсчастнаго,
Сине море взволновалося,
Всѣ волны въ морѣ разыгралися.
Ужъ какъ возговоритъ безчастный молодецъ:
Мы пригрянемъ те всѣ въ веселочки,
Мы причалемте ко бережку,
Ко часту кусту ракитовому,
И мы срежемъ те по прутику,
И мы сдѣлаемъ те по жеребью;

Ужъ мы кинемте во сине море.
Ужъ какъ всѣ жеребьи поверхъ воды,
А Безсчастнова какъ ключъ ко дну.

CIV.

Ахъ, ты, ноченька,
Ночка темная!
Ты молодушка,
Ты молоденька!
Ты головушка,
Ты побѣдненька!
Съ кѣмъ ночь темную
Ночевать тебѣ?
Съ кѣмъ осеннюю
Коротать тебѣ?
Лягу спать одна
Безъ мила дружка,
Безъ мила дружка
Беретъ грусть тоска;
Беретъ грусть тоска,
Далеко милъ живетъ,
Далеко живетъ
Онъ за рѣченькой.
Ужъ я съ той со тоски
Погулять пойду,
Погулять пойду,
Повидаюсь съ нимъ.
Машетъ милой мнѣ
Ручкой правою,
Ручкой правою,
Шляпой чорною:
Перейди ко мнѣ
Ты за рѣченьку.

Перешла бы я:
Перехода нѣтъ;
Переходъ хоть есть,
Тонка жердочка.

CV.

Надъ рѣчкою надъ быстрою
Стоитъ ракитовъ кустъ,
Вкругъ ракитова кусточка
Лежитъ сиротинушка,
Сиротинушка горемышная.
Соловейка пѣсни пѣлъ,
Сиротинушка высвистывалъ:
Во пиру ли во бесѣдѣ
Много было гостей дорогихъ,
Не было только соловеюшки,
Соловеюшки голубушки.
А моя-то соловеюшка
Идетъ, будто пава плыветъ,
Рѣчи ведетъ, будто лебедь поетъ:
Мнѣ жаль тебя, сиротинушку,
А жалчей того батюшку,
А жалчей того матушку.
У батюшки со матушкой
Я одна въ дому всѣмъ ворочу;
У мила дружка во теремѣ
Я послушница свекровушки,
У тебя ли сиротинушки
Я лежу у сердечушка,
У чужихъ людей моихъ злодѣевъ
Я слыву гулёпушкой.

ЮЖНО-РУССКІЯ ПѢСНИ.

Южнорусскія пѣсни.

I. Свиты, зоре, на все поле.
II. Нема леду, нема леду.
III. Ой, бижыть, бижыть мила дивочка.
IV. Ой, завью винки да на вси святки.
V. Стояла тополя вкрай чистого поля.
VI. Ой, нестій вербо надъ водою.
VII. Наши подоляне церковь збудовалы.
VIII. Ой, чіежъ то жито пидъ гору стояло.
IX. Ой, чіежъ то поле зажовтило стоя.
X. Слала зоря до мисяца.
XI. Въ синечкахъ голубець гуде.
XII. Ой, колесомъ, колесомъ мисяцъ въ гору иде.
XIII. Выгукнули ангелы въ небѣ.
XIV. Выйду я до хаты, детыны нема.
XV. Говорила липонька до своего лыстонька.
XVI. Гныся не ломыся, малыновый мосте.
XVII. Дывовалися луги той червоній малыни.
XVIII. До бору, бояре, до бору.
XIX. Забула милесенького запытаты.
XX. Дума танець выводыть.
XXI. Журылася Евуненька.
XXII. Отрывки.
XXIII. Въ новыхъ синцяхъ огонь горыть.
XXIV. Въ Кіевѣ гримъ загрымивъ.

XXV. Ганнулька плыла до нового рода.
XXVI. За горою ни дзвинъ дзвоныть.
XXVII. За дворомъ за новенькимъ.
XXVIII. За дворомъ черешенька.
XXIX. Ой, зацвила калинонька въ лузи въ очерети.
XXX. Зеленая черешенька, чомъ ты не вродыла?
XXXI. Зоронька вечерняя.
XXXII. Зоронька вечерняя одсвитыла.
XXXIII. Идутъ мужики до млына.
XXXIV. Ишовъ милый за лисъ.
XXXV. Марусенька съ Ивасенькомъ стадо поле.
XXXVI. Коло млына креминина.
XXXVII. Коло млына калына.

I.

Свиты, зоре, на все поле,
Заколь мисяцъ зыиде,
За коль до мене миленькій
Вечеряты прыиде.
Ой, чи прыиде, чы не прыиде
На вечерю тую,
Я ему ранесенько
Снидаты зготую.
Цвилы лозы при дорози
Синесенькимъ цвитомъ;
Ишовъ казакъ изъ улыци
Билесенькимъ свитомъ.
Не жаль тому казаченьку
Поснидаты даты,
Що винъ иде изъ улыци,
Якъ стане свитаты.

II.

Нема леду, нема леду,
Нема й переходу.
Колы тоби люба мыла,
Прыды й черезъ воду.
Перебрела двѣ риченьки
И половину ставу,
Не вводь меня, козаченько,
Въ великую славу!
Ой, сама жъ ты, дивчинонько,
Себе въ славу вводишъ,
Що пизненько не раненько
Изъ улыци ходышъ.

Ой, якъ же мни, козаченьку,
Да раньше ходыты?
Якъ возьмешъ ты за рученьку,
Не мусишъ пустыты.

III.

Троицкая.

Ой, бижыть, бижыть мила дивчинка,
А за нею да русалочка:
Ты послушай мене, красна паночка,
Загадаю тоби тры загадочки;
Якъ угадаешь, до батька пущу,
Колыжъ не вгдаешь, до себѣ возьму.
Ой, що росте безъ корени,
А що бижыть безъ повода,
А що цвите безъ всякого цвиту?
Камень росте да безъ кореня,
Вода бижыть да безъ повода,
Папороть цвите да безъ всякого цвиту!
Панночка загадочки невгдадала,
Русалочка ее залоскотала.

IV.

Троицкая.

Ой, завью винки да на вси святки,
Ой, па вси святки, па вси праздныч ки,
Да рано рано на вси праздныч ки.
А въ бору сосна колыхалася;
Дочка батенька дожидалася.

Ой, мій батеньку, мій голубчику,
Ты прибудь ко мнѣ хоть на одно лито.
У меня въ тыни передъ воротами
Синее море разлывается,
Паны и Гетьманы избигалыся,
Вси сему дыву дывовалыся.

V.

Стояла туполя вкрай чистого поля.
Стій, тупольнько, стій не развывайся,
Буйному витроньку не потдавайся.
На наши туполя четыре сокола:
Первый соколко молодый Иванко,
А другій соколко молодый Ныколко,
А третій соколко молодый Мыхаило,
Четвертый соколко молодый Васылько.

VI.

Ой, не стій, вербо, надъ водою
Та не пускай зилья по дунаю,
Ой, дунай море розливае
И день и ничь прибувае,
Въ вирби корень пидмывае,
А сверхи вершокъ усыхае,
Коло вербы лыстья опадае.
Стань соби, вербо, на рыночку
У хрещатимъ барвиночку,
У запашнимъ васильку.

VII.

Наши подоляне церковь збудовалы,
Не такъ збудовалы, якъ намалевалы,
Та намалевалы три мисяца ясныхъ.
Ой, первый мисяцъ молодый Иванко,
А другій мисяцъ молодый Васылько,
А третій мисяцъ молодый Мыхалко.
Наши подоляне церковь збудовалы,
Не такъ збудовалы, якъ намалевалы,
Та намалевалы тры зирочки ясныхъ,
Тры дивочки красныхъ.
Ой, первая зирочка млада марочка,
А другая зирочка млада галочка,
А третья зирочка млада Варочка.

VIII.

Ой, чіе жъ то жито пидъ гору стояло?
Иванкове жито пидъ гору стояло,
Пидъ гору зеленепько, по мисяцю видненько,
Молода маричка, ходы жито жаты.
Молодый Иванко, невемію я жаты.
Ахъ, я тебе возьму житы, жаты начну,
Пидъ гору зеленепько, по мисицю видненько, сер-
[денько.

IX.

Ой, чіежъ то поле
Зажовтило стоя?
Иванове поле
Зажовтило стоя,

Женци молодые,
Серпы золотыи.
О, чіе жъ то поле
Задремало стоя?
То Грыцкове поле
Задремало стоя,
Женьци все старые,
Серпы все стальные,
Задремало стоя.
А мы свому пану
Изробыли славу,
Житечко пожалы,
Въ снопы повязали,
А копы поклали.
А мы свому пану
Изробыли славу!
Ой, паночку нашъ,
Обженочекъ часъ.

X.

Слала заря до мѣсяца:
Ой, мисяцю, мій товарищу,
Не заходь ты раній мене,
И зайдемо оба разомъ,
Освятимо небо и землю;
Зрадуется звирь у поли, гость у дорози.
Слала Марусечка да до Ивасечка:
Ой, Ивасе, мій суженый,
Не сидай на посаду раній мене,
Обсадимо обое разомъ,
Свеселимо два двора разомъ;

Ой, первый дворъ батька твово,
А другій дворъ батька мого.

XI.

Въ синечкахъ голубецъ гуде,
До свитлоньки голосокъ иде.
Не голубъ то гуде,
То Ивась говорыть.
Говорыть же винъ до свого батенька:
Ой, батеньку да голубоньку,
Збирай мини да дружиноньку,
Старосту статечного,
Дружбеньку сердечнаго,
И сванечку мищанечку,
И свашечку спивачку,
И мызыки кучерявые,
И скрыпочки малеваные,
И съ суботы на недилоньку
Поидемо до дивоньку.

XII.

Околесомъ колесомъ мисяцъ въ гору иде.
У нашей Марыси на столи рай ся вье.
Марысенько дивонько, кто жъ той рай давъ?
Ой, мни Господь Богъ и батенько ридненькій.
Липше Божее, нежъ батеньково;
Батенько дае ще и оставляе,
А Господь Богъ дае ще и прычыняе.

XIII.

Идучи подъ вѣнецъ.

Выгукнули ангелы въ неби,
Пробудылы батинка въ гроби:
Вставай, батенько, до суду,
Ведутъ твою детыну до нелюбу.

XIV.

Выйду я до хаты, детыны нема,
Гляжу на постелю, перыны нема.
Ой, выйду я до коморы, скрыни нема,
Гляжу я въ виконце, уже свитъ,
Выйду я за ворота, тилько слидъ.
Зелонои вербоньки поросльі,
Куды мою детыноньку повезлы;
Золотые колыця бренчалы,
Якъ мою дитину помчалы.

XV.

Говорыла лыпонька
До своего лыстонька:
Казавъ еси, да мій лыстоньку,
Що не будешъ да опадаты,
А теперь да опадаешь,
Чорну землю прикрываешь.
Казалась моя матинка,
Що не дасы дочки замужъ,
Теперь мене даешь,

Свитъ ми завязуешь
Билою да китайкою,
Чорною да нагайкою.

XVI.

Гныся, не ломыся, малыновый мосте,
Съ тонкой тросты
Хоть я и зигнуся,
Таки не зломлюся.
Тутъ буде ихаты пышне весилье,
Пышне весилье, статечны староста.
Гныся, не ломыся, малыновый мосте,
Съ тонкои тросты
Хоть я зигнуся,
Таки не зломлюся,
Таки переиде пышнее весилье,
Пышнее весилье статечны староста

XVII.

Дывовалыся луги той червоній малыны,
Де ты, малына, росла тонка, высока, листомъ ши-
Росла жъ бо я росла въ рици при крыныци, [рока?
При холодной водыци,
Тонкая, высокая, лыстомъ широкая.
Де жъ ты, Марыся, росла такая хороша?
Рослажбъ бо я росла у батенька въ свитлонци,
А у матери въ голодочку,
Въ рутвянимъ виночку.

XVIII.

До бору, Бояре, до бору,
Рубайте сосну здорову,
Щипайте ее на загнитъ,
Щобъ коровай славенъ бувъ на весь свитъ.
Тече риченька, тече;
Нехся нашъ коровай пече,
Мы дотиль не пiидемо,
Докиль его не выймемо.
Сичите сосну дрибненько,
Щобъ она горила ясненько,
Щобъ нашъ коровай гнитенъ бувъ,
Щобъ молодецъ красенъ бувъ.

XIX.

Забула миленького запытаты,
Чи позволить погуляты.
Гуляй, гуляй, моя мила, съ казаками,
А не гуляй съ мужиками,
Бо казаки писню поютъ веселеньку,
Розвеселятъ и дивоньку молоденьку,
Мужики поютъ писню жалобненьку,
Замутятъ дивку молоденьку.

XX.

Дума танець выводить,
Що выведе, той стане,
По дивонькахъ погляне,
Чи вси дивкы въ танку е.

Одной Рожи тутъ нема;
Маты рожу чесала,
А чешучи научала:
Донюжъ моя роженька,
Якъ пидешь въ таночекъ,
То не ставай край думы,
Бо та дума безъ ума,
Зведе тебе зъ разума,
За рученьку стискае,
Золотъ перстень сдымае.

XXI.

Журылася Евуненька
Где оришокъ посадыти,
А щобъ его расплодыты.
Посажужъ я оришекъ
У батька на подвирью.
Якъ наихалы гости
Изъ чужой маетности,
Двиръ киньми утопталы
И оришокъ обламалы,
Евуненьку намовлялы:
Сидай, Евуне, зъ нами,
Зъ нами боярами,
Бо у насъ горы не такые,
У насъ горы золотые,
И травоньки шелковые,
И риченьки медяные,
И садоньки виноградные.
Вечеронька на стилъ стала,
Зозуленька у окна пала,
Якъ упала, закувала.

Не слухай, Евуненько,
Не дайся на пидмову,
Бо я увесь свитъ злитала,
Золотыхъ горъ не выдала,
Шолковыхъ травъ не топтала,
Медяныхъ рикъ не пывала,
Въ виноградныхъ садахъ не бувала;
Всюды горы каменные,
Травоньки зеленые,
Рiченьки водяные,
Садоньки вышневые.

XXII.

Отрывки.

1.

Горила сосенка и корень;
Охъ, ты мини, серденько, не годенъ.
Ой, горила сосенка й лучина;
Любы мене, серденько, дивчына.
Ой, горила сосенка съ коринця;
Таки я дождала молодця.

2.

Ой, кинь бижытъ, земля дрожить,
Орелъ летыть, перо дзвынить.

3.

Коломiнче чернобрыви, не боишся Бога,
Ай, що покидаешъ мене коломiйку дома.

Коломіецъ чернобрывець волы запрягае,
Коломійка чернобрывка съ жалю умирае.

4.

Вы, голубы, не гудите по хати,
Не сбидите милого въ кимнати.

5.

Не хай мене не ховаютъ ни попы ни дяки,
Не хай мене поховаютъ раинскіе козаки;
Бо попы зъ дяками за похоронъ бьются,
Молодые казаченьки горилки напьются.

6.

Ой, у поли два маляри муруютъ крыныцю;
Отдай, отдай стана мене свою едыныцю.
Ой, вжежъ въ тій крыници водыци лелее,
А ще моя едыныця роботы не вміе.

7.

По дорози жучку,
По дорози черный,
Оглянься, дивчыноньку,
Якій я моторный.
Ой, выишовъ въ конецъ плота,
Взявся я пидъ боки,
Подывыся, дивчиноньку,
Якый я высокій.

8.

Снывси мини мельнычокъ темные ночи,
Сама я не знаю, чого винъ хоче,
Чи хлиба, чи воды, чи якой биды.

9.

Повій, витроньку, черезъ сины въ свитлоньку
На тесовые столы, на статечные жены,
Бо оныся потомыли, намъ теремки робыли.

10.

Якъ маты Ганцюню родыла,
Мисяцемъ обгородыла,
Зорею (сонцемъ) пидперезала,
Якъ до шлюбу выраджала.

11.

Чи я жъ тоби, доню, зъ весны не казала:
Не копай грядки, не сій рутки, не будешъ полывала;
Придешь, доню, пріидешъ, марусенько, пизными зоронькамн,
Пидильешъ дрибну рутоньку своими слизонькамн.

12.

Покатыли, повалыли смоляную бочку,
Выманыли, выдурыли у батька дочку;
Выпыли и выточилы меду и вина бочку,
Якъ схтилы, выдурыли у батька дочку.

13.

Зацвила калына у лузи та попустыла квиты;
Не единъ чумакъ покидае жинку и дребненькіе диты.
Добре було та чумоковаты, поки всюду було ривно,
А теперь черезъ тіи билеты той годыты невильно.
Гей, въ степу глыбока крыниця, только вода блыщиться;
Гей. пішовъ бы я до жинки, до дитей, не маю чимъ роспла-
[титься.

14.

И сюды гора и туды гора,
По надъ кременцемъ ясно;
Кого я люблю, кохаю,
Подывыться красно.

15.

Свиты мисяцю въ лису,
А ты зоронька на дорогу,
Щобъ було выдненько до дому,
Бо несемъ постилоньку молодому.

16.

Въ еднимъ садику медведь щебетавъ,
А въ другимъ садоньку сова ковала.
Ой, чи бисъ видавъ, щобъ медведь щебетавъ.
Говорила милому сваненька въ своимъ дому,
Завертився въ рядно та пустився на дно,
А тамъ на дни доставъ брехни.

17.

Котыться крышталъ по синожати,
Котыться кришталъ посувается;
Маты съ Ганусею напывается.

18.

Летыть воронъ съ чужихъ сторонъ, нижки пидобгавши;
Ой, бидажъ мини на чужиньки радоньку не мавши.

19.

Летила пава черезъ море упала;
Таки очи, таки брови, якъ у мого пана.

Летила птыця та зелена крыльця;
Таки брови, таки очи, якъ у мого грыця.

20.

На води човенъ выхытуется;
Козакъ дивчины выпытуетця:
Чи не ты, дивчино, греблею шила,
Чи не ты мою хусточку носила?
Моя хусточка знакомытая,
Шовкомъ червонымъ перемитенная.

21.

На гори ленъ ленъ,
На долыни зеленець;
По три гроша молодець,
По шелягу дивка,
Зъижте, хлопци, дидька!

22.

На гори гарбузы, на долыни дыни;
Полюбывъ чортъ бабу въ куцій кожушыни.
Не дывуитеся, люди, що я обидрався;
Любивъ батько гладку и я въ его вдався,
Бравъ батько гладку, беру и я гладку.

23.

На долыни дивчата шевця мыли,
Одна клочемъ, друга вихтемъ,
Таки шевць смердыть ихтемъ.

24.

Ой, чукъ, Марусыця,
Въ ней фартухъ ворушится.

25.

Ой, ляхъ, маты, ляхъ
Пытается куда шляхъ;
Пытается дороги
У дивчины небоги.

26.

Въ чимъ тебе маты купала,
Що ти таке счастье дала?
Щы въ любистку, чи въ шевліѣ,
Якъ згадаю, сердце мліе.

27.

На купайли була, сорочку забула,
Не пійду до дому, боюся сорому.
Увернуся въ солому, та пійду до дому.

XXIII.

Въ новыхъ синцяхъ огонь горыть,
Тамъ Андрійко коня сидлае,
Ему батенько присвичае.
Куды, сыночку, гадаешь,
Противъ нички коныка сидлаешь?

Гадаю, батенько, на подолье,
На тимъ подолѣ подворье,
А на тимъ подворью свитлонька,
А у тій свитлонци дивонька
Дрибные взороньки вышивае,
Хорошу и писеньку спивае.
Лучкомъ воротечка отчепывъ,
Стрилочкою кватырочку отсунувъ,
И дрибные взоронько помыливъ,
И хорошую писеньку перебывъ,
Молодую зосю полюбывъ.

XXIV.

Въ Кіеви гримъ загрымивъ,
А въ Сынявы стоятъ хмары,
А въ перемышли дожди взошли,
Тамъ Оксана красу сіе, розумъ садытъ,
Розумъ садыть и говорыть:
Якъ я пиду за нелюба,
Ой, ты, краса, не всходь красно,
Ты, розумоньку, не прыймася.
Въ Кіеви гримъ загримивъ,
А въ Синявы стоятъ хмары,
А въ Перемышли дожди взошлы,
Тамъ Оксана красу сіе, разумъ садыть,
Разумъ садыть и говорытъ:
Якъ я пиду за милого,
Ты, красо, всходь красно,
Разумоньку, попрыймайся.

XXV.

Гануlька плыла до нового роду.
Гануленько, Гануленько, моя ты переписочка!
Вставай ранесенько, умыйся билесенько,
Учеши головоньку якъ маковоньку,
Возьмыся пидъ боки,
Покажи свои скоки!

XXVI.

За горою ни дзвинъ дзвонытъ,
Мисяцъ всходыть,
А въ новой свитоньки огонь сіяе,
Тамъ Грыцуненко коня сидлае,
Ему матинка свичечка трымае,
Свищечки трымае, него пытае:
Куды жъ ты пiидешь, мій сыноньку,
Мій сыноньку Грысуненьку?
Пойду, матинко, на украиноньку
Соби по дивоньку,
Вамъ по невистоньку;
Тамъ дивонька богатая,
Въ будень ходыть у блавати,
А въ суботоньку въ оксамити,
А въ недилоньку въ щиромъ злотѣ.

XXVII.

За дворомъ за новенькимъ,
Тамъ брала дивчына ленъ дрибненькій,
Брала жъ она брала выбирала,

До своего лыченька прикладала:
Личко жъ мое вирненкое,
Кому жъ буде суженое?
Чи повови, чи дьякови,
Чи вражому мужикови?
Ни попови, ни дьякови,
Но вражому мужикову.

XXVIII.

За дворомъ черешенька,
Тамъ стояла Ганусенька,
Русу косу чесала,
Батенька дожадала:
Батеньку голубоньку,
Гладь мою головоньку
Билыми рученьками,
Дрибными слезонками.

XXIX.

Ой, зацвила калыпонька въ лузи въ очеретѣ.
Клыче маты Васыленка: ходы, сынку, вечеряты,
Якъ не прыидешъ вечеряты, приди обѣдаты,
Якъ не придешъ обидаты, приди сердце одвидати.
Ой, кинь бижитъ, земля дрожитъ, кинь дорогу чуе;
Ой, Богъ знае, Богъ видае, где Василь ночуе.
Ой, ночуе Васыленьку въ степу край дороги,
Принявъ коня вороного до зеленой лищины,
А самъ пишовъ видвидаты до молодой дивчыны.
Ой, Васылю, васыленьку, пригодонька буде,
Утонешъ при берези, где воды не буде.

Ой, утонувъ Васыленько на синему мори,
Ходытъ дивча по берези, билы руки ломыть.
Ой, не ломи, дивчинонко, мызинного пальця,
Знайдешь палицу, не найдешъ коханыця.
Ой, давъ я вамъ, рыбалочки, по пивъзолотого,
Вытягните Васыленька хотя не живого;
Ой, дамъ вамъ, рыбалочки, горилки напыться,
Ой, вытягнить Васыленька хоть на его подывиться.

XXX.

Зеленая черешенька, чомъ ты не вродыла?
Бо людая була зима, мене зморозыла.
Мололая дивчынонка, чемъ ты замужъ не шла?
Всю украйну исходыла, молодця не нашла.
Молодая дивчынонька, не слава па тебе:
Кажутъ люды, що ночуе Гильтаенко у тёбе.
Не хай кажуть, не хай говорять на свою животыну,
Поставилы стороженьку край моего тыну.
Стороженька стара була, звечера успула,
Молодго дивчинонька Гильтая крыкнула.
Стороженька статечная гораздъ дала знати;
Утикай, утикай, Гильтаенку, бо хотятъ тебя піймати.
Я Гильтай молоденькій и самъ догадався,
Схилься, схилься по пидъ тынци и въ бурьянъ сховався.

XXXI.

Зоронька вечерняя
Тожесь мни освитыла,
Изъ дома домивнынькой,
Изъ поля робитнынькой,

Где будешъ ничь ночеваты,
Вечерю вечеряты?
Маю я надію въ Бози,
Свекирка при дорози,
Тамъ буду ничь ночеваты
И вечеру вечеряты.

XXXII.

Зоронька вечерняя одсвѣтила,
А зъ дома домивнынкою,
А съ поля робитнынькою.
Чего жъ ты, батеньку, жалуешъ?
Не все жъ бо я съ собою заберу,
Зоставлю слидоньки по двору,
А дрибненькіе злезоньки по столу,
Золотые ключеньки у комори.

XXXIII.

Идутъ мужики до млына,
А паробки до ступки;
Мелютъ мужики пшеныцю,
А парубки мякину.
Сему тому решето,
Ивасеви повтора,
Загадався женыты,
Зъ мякинъ пиво робыты,
А глыною дрижджиты,
Кропивою хмилыты;
А ще пиво не укысло,

А вже старцивъ натисло;
А ще пива не пыли,
А вже старци ся побылы.

XXXIV.

Ишовъ милый за лисъ,
И чорни очеськи занисъ,
И слидоньки забравъ,
Сердцу туженьку задавъ.
Не шумите, луги,
Не задавайте сердцю туги,
Бо я и такъ тугу маю,
Що милого не видаю.
Ажъ мій милый иде,
Четыри коныки веде,
А на пятимъ їде;
Пріихавъ до Дунаю,
До широкого краю,
Ставъ кони наповаты,
Самъ молодъ потопаты.
Ратуй мене, мила,
Колысь вирно любила!
Ратуйте его, люды,
Бо не мій милый буде!
Рыбонька гуляе,
Бо свою пару мае,
А я не маю пары,
Бо седю въ тяжкой кари.

XXXV.

Марусенька съ Ивасенькомъ стадо поле,
Хустку шые вышивае,
До стадоньку промовляе:
Стадо жъ мое, стадо вороное,
Пасы траву зеленую,
А пій воду студеную.
Матыся иде, медъ вино несе,
Въ правой руци отруточку;
Злей, матуся, отруточку,
Слей, матуся, у купочку.
Напьемся мы отруточки,
Напьемся, матусю, отруточки,
Поховай, матусю, у купочку.
Маты сына не слухала,
Въ едній ямци не ховала,
Ивасенька на цвынтарю,
А марусеньку за цвынтаремъ;
На Ивоси явиръ росте,
На Маруси березонька,
Вершокъ съ вершкомъ зростается,
Листокъ съ листкомъ слипается:
Колы бъ же я була знала,
Була бъ въ купи поховала.

XXXVI.

Коло млына креминына,
Трава зелененька;
Отъ чего ся разгнивала
Та, моя мыленька?

Возьму я косу,
Та траву пидкошу;
Чи я мою мылу
За людьми перепрошу.
Просывъ отецъ, просывъ я,
Просыла родына,
Не хай ли перепросыть
Лихая годына.

XXXVII.

Коло млына калына,
Тамъ дивчына ходыла,
Въ ручкахъ ножикъ посила,
Романъ зилье копала,
Матеньки пытала,—
Кого, маты, чароваты?
Чаруй, доню, нелюба,
Щобъ съ тобою не стоявъ,
За рученьку не державъ,
Щобъ такъ нелюбъ съ тобою,
Якъ витеръ съ горою.
Коло млына калына,
Тамъ дивчына ходыла,
Въ ручкахъ ножикъ носила,
Руту зилье копала,
Матеньки пытала,—
Кого, маты, чароваты?
Чаруй, доню, мылого,
Щобъ съ тобою постоявъ,
Щирую правду сказавъ,

Щобъ такъ мылый съ тобою,
Якъ рыба съ водою.

XXXVIII.

Коло сипей, коло хаты,
Ходыть голубь сивый волохатый,
Ни загнаты, ни зазваты.
Выиды, моя мила, изъ кимнаты;
Ты на двори, я въ комори,
Поличимъ сердце ясныя зори;
Дивчино, сердце мое,
Сподобалось ми лычко твое,
Не такъ лычко, якъ ты сама,
На папири выпысана,
Писавъ три дни и три ночи,
Закиль выпысавъ чорни очи.

XXXIX.

Край береженька стояла,
Билые ноженьки умывала.
Ножички жъ вы мои билые,
Кому жъ будете милые?
Ой, якъ старому, борони боже,
Ой, якъ молодому, дай боже,
Бо молодый буде шановаты,
А старый буде вымовляты,
А все першую жинку спомынаты.

XL.

Крывого танцю,
Да не выведу коньцу,
Треба его выводыты,
Конець находыты.
Молодая ключница
Коло замку ходыла,
Ключами дзвонила,
Сторожи будыла:
Станьте, не лежите,
Щобъ не вылинувъ соколонько,
Щобъ не выпустивъ паробочей красы,
Паробочья краса
Слуховая крапива,
А дивичья краса
Трыястый барвинокъ;
Паробочья краса
Якъ зимняя роса,
Въ смоли потопае,
Въ дегтю вырыпае,
А дивочья краса,
Якъ литняя роса,
Якъ литняя роса
Въ меду потопае,
Въ винѣ вырыпае,

XLI.

Крути горы що видъ моря,
Той край нещасливый.
Ѣхавъ я видъ дивчины,

Летивъ голубъ сивый.
Сивый голубъ, сывый голубъ,
Голубка сывійша,
Милый отець, мила маты,
Дивчина милійша.
Съ отцемъ съ матерью сіндуся,
Хриха наберуся,
А съ милою якъ зійдуся,
Не наговорюся.

LXII.

Лытилы журавли,
Силы палы на роли,
Сталы соби гадаты,
Сталы соби думаты,
Которая роля ранняя,
Которая роля пиздняя.
Липшая роля ранняя,
Нижли тая пиздняя,
Бо на раннiи пшеныця,
А на пиздній метлыця;
Липше жинка першая,
Нижли тая другая,
Бо першая диты бье,
Якъ ластовка гниздо бье,
А другая голубытъ,
Трохи съ свита не сгубытъ.

XLIII.

Летила зозуленька
Изъ за гиръ идучи,
Плакала дивчинонька
Съ своего краю идучи:
Ой, краю, мій краю,
Якъ я тебе спогадаю,
Заплакаты маю.
Пошію я сорочичку,
Плоскинку додилку,
Породыла мене маты
Нещастну бездилку.
Колыбъ я робыла,
Ручки поломыла,
Моя роботонька
Никому не мыла.

XLIV.

Летыть орелъ по надъ моремъ
По высокой высокости.
Плаче козакъ старесенькій
По своей молодости:
Ой, литажъ мои молодые,
А де ся вы подилы?
Чы вы въ луги, чи въ буйраки,
Причь видъ мене полынулы?
Козачукая добыченька
Марно пропадае,
Тыждень козакъ здобувае,
За единъ день пропивае.

XLV.

Летае сокилъ по сонцю,
Що разъ припадая къ виконьцу:
Гдежъ тая дивчинонька, що тутъ була?
Сказавбымъ ей добрую вѣсть,
А вже ей парубокъ на двори есть,
Вже ей парубокъ за селомъ,
За годынку за два за столомъ
Сыдыть съ Варваркою соколомъ.

XXVI.

Литае пташина чечече,
Сила соби на столи щебече,
Спустыла крылочка до долу;
Часъ же намъ, бояре, до дому:
Уже витеръ воротечка отчинывъ,
Мисяцъ дороженьку освитывъ,
Топнули коныками па двори,
Брязнули колокольци на кони,
Та вже, дивчынонько, ѣдутъ по тебе.
Не дай мене, матынко, видъ себе.
Якже мени, доненьку, тебе не даты,
Було бъ не любоньку не браты.

XLVII.

Межи двума березами
Ни гримъ гримыть, ни дзвинъ дзвинитъ,
Тамъ староста теремъ рубыть,
Наспидъ кладе яворину,

Поверхъ яворыны все терныну,
Поверхъ терныны яблоныну.
Пислы пишлы до сванечки,
Щобъ дала сребра злата,
Щобъ було кресты звесты
И верхи знесты.
Межи двумя берегами
Ни гримъ гримыть, ни дзвинъ дзвинить,
Тамъ молодый Василько теремъ рубыть,
На спидъ кладе яворыну,
Поверхъ яворыни все терныну,
Поверхъ терныны яблоныну.
Пислы пошлы до марыси,
Щобъ дала сребра злота,
Щобъ було кресты звесты
И верхи знесты.

XLVIII.

И шумыть и гуде,
Дрибенъ дощикъ иде,
А хто мене молоду
До домоньку заведе?
Обизвався козакъ
На солодкимъ меду:
Гуляй, гуляй, чернявая,
Я до дому заведу.
Прошу я тебе,
Не выдыжъ ты мене,
Бо лыхого маю мужа,
Буде биты тебе.
На бикъ хлопци, на бикъ хлопци,
Бо чортъ мужа несе,

Якъ побачыть мене съ вами,
Его трясця затрясе.
Не хай трясе хылыться,
Якъ витеръ вербами,
Такижъ бо я, сердце мое,
Хоть постою зъ вами.

XLIX.

Надъ моремъ глубокимъ
Стоить теремъ высокій,
Ой, тамъ стоить лыпа,
Золотомъ обвыта,
А шелкомъ перевыта,
А въ тимъ теремі
Марысенька росу косу чеше.
Прыишовъ до еи
Батенько ии:
Отчины, доненьку;
Бигъ, не отчиню,
Буйного витра ся бою,
Бо витеръ косу розмете,
А сонце лыченько спече.

L.

На Ивана на купала
Що Иванъ дѣ? гречку сіе.
У нашои гречки чорни вершечки,
Буложъ тоби Иванку не купатыся,
Було бъ тоби Иванку знами гратыся.
Що Иванъ діе? пшеныцю сіе.

У нашой пшеныци жолтые косыци,
Було бъ тоби Иванку не купатыся,
Було бъ тоби Иванку зъ нами гратыся.

LII.

На тесовомъ столи
Красный коровай стоить,
Якъ зъ воску вылыванный,
Золотомъ осыпанный.
Тажъ тоби, марысенько,
Вирная заслуга
Отъ милого Бога,
Отъ родненького батенька
За тихіе походоньки,
За низкіе уклопоньки.

LIII.

Наша пичь торкочеть,
Чогось она хочеть?
Хоче она раю,
Красного короваю.
У нашой печи
Золотые плечи,
А срибныя крыла,
Що бъ коровай гнитыла.

LIV.

Нашъ красный коровай,
Я тебе убираю
Въ рожовые цвиты,
Щобъ ся любыты.
Никто не вгадае,
Що въ тимъ короваю
Съ трехъ крыниць водыця,
Съ семи стоговъ пшеныця,
Семь копь яецъ,
Дрожджей гарнецъ.

LV.

Не знала мене маты
За кого за мужъ даты,
Дала жъ мене за старого дида,
Бо не знала, що то бида.
Пусты мене, диду,
Я до церквы пиду,
Богу помолюся.
Не пущу, небого,
Тамъ дьяченькивъ много,
Дасись на пидмову.
Пустыжъ мене, диду,
Я до корчмы пиду,
Не хай же я погуляю.
Не пущу, небого,
Тамъ челяди много,
Дасись на пидмову.
Пусты жъ мене, диду,

Я по воду пиду
До тихого дунаю.
Взяла коповочку,
Пишла по водочку
До тыхого дунаю,
Воды не набрала,
Въ тыхій дунай упала,
Ажъ ся вода разляла.
Нехай мои руки
Пощипають щуки,
Нехай нелюбъ не стискае,
Не хай мое лице
Пощыпае птыця,
Не хай не любъ не целуе,
Не хай мои очи
Жёлтый писокъ точитъ,
Нехай не любъ не ласкочеть,
Нехай мои косы
Тыхій дунай носыть,
Не хай не любъ не кондосыть.

LVI.

Отрывки.

1.

Не съ желиза, не съ жилиза, а съ самой крыци
Справывъ коваль ковалыси замокъ до свитлыци.

2.

Не шумы, лыпо,
Бо мини и такъ лыхо

Безъ моего милого,
Безъ порадку его.
Не шумы, яворе,
Бо мини и такъ горе
Безъ милои моей,
Безъ порадки моей.

3.

Сорока рака носыла,
Тещенька зятя просыла,
Выперу тоби штаны и сорочку,
Тилько полюби мою дочку.

4.

Ой, въ саду вишня съ пидъ кореня вышла.
Выглядае мій миленькій, видкиль мила вышла.
Вышла мыла, вышла, билу ручку дала,
Витай, витай, сердце мое, давнымъ тя выдала.
И свичка горила, и я сама млила,
До для того, сердце мое, що тебе не взрила.

5.

Ой, у поли крынычепька рублемъ рубленная,
Тамъ стоитъ дивчинонька якъ малеванная.
Малеваная, вражій сыну, а но не для тебе,
Яки були мяспычеиьки не бувъ же ты у мене.

6.

Хмелю жъ, ты мій хмелю, ты топкій и высокій,
Съ тобою, хмелю, треба съ разумомъ житы,

Не по полный чари медъ горилку пыти,
А по повній пывши, то разумоньку звивши.
Не журися, милая, я хлиба розгадаю,
Стари шаровары на продажъ я маю.

7.

Не теперь, не теперь по грыбы ходыти,
На весни, на весни, якъ станутъ родыты.
Не з мишкомъ, не з мишкомъ, тилько съ коробками,
Ходятъ дивки до корчмы, а все съ парубками.

8.

Пидъ чимъ Черчикъ, пидъ Нечуй вітромъ,
Не чулы хлопци зузили литомъ,
Якъ почулы, полякалыся,
Въ глуху кропиву поховалыся.

9.

Казавъ еси берестяку, що не пустышъ съ себѣ лысточку,
Теперь пускаешь, сиру землю прикрываешъ.
Казавъ еси, мій батеньку, не дамъ тебе за мужъ, моя доненьку,
Теперь мене даешь, доли ми неугадаешъ.

10.

Ты дороженька широкая, чомъ ты ся курышъ?
Ты дивчинонько молодая, чомъ ты ся журышъ?
Колы бъ мини дощу съ годыну, тобъ я ся некурыла,
Ой, колыбъ у мене матусенька була, тобъ я ся не журыла.

11.

Чи вси тіи сады цвитутъ, що съ весни развиваются?
Чи вси тіи звинчаются, що въ осени заручаются?
Половина саду цвите, половина развывается,
Половина звинчаются, половина разлучаются.

12.

Ой, отъ вислы до Кіева пробытые шляхи,
Ой, завладили та несправедливо краемъ нашимъ ляхи.

13.

Ой, часъ маты жито жаты, колосъ похылився,
Ой, часъ мене за мужъ даты, голосъ изминився;
Ой, часъ маты жито жаты крый дороженьки,
Ой, часъ мене замужъ даты, бо судять вороженьки.

14.

Ой, ты грыбе, ягода, о, ты старый, я молода,
Научиламся пыты, не хочу робыты,
Всявши мужа за чупрыну и хотила быты.
Лежи, мужу, тута, закиль знаиду прута,
Закиль знаишла прута, пересердылыся,
А на своего миленького змылосердылася.

15.

На городи воркунъ зилье по плоту вьется,
Гдесь моя лыха доля шляхомъ волочется?
Волочися, лиха доля, иди утопыся,
До мене молодого викъ не вырныся.

16.

Ой, сербине, сербине, покынь сербоваты,
Возьми серпъ, иды въ степь пшепыченьки жаты.
Бодай же ты, дивчыноньку, того недиждала,
Щобъ моя била рученька пшеныченку жала.

17.

Докиль ходыли по украини козаки зъ рогами,
Стоялы степы поля облогами.
Якъ явились на украини ляхи и паны въ ладивныцяхъ,
Сталы у мужикивъ пироги на полыцяхъ.

18.

Ой, сонъ, матинко, та головоньку клоныть.
Тожъ тоби, сыноньку, своеволенька робыть.
Есть у мене садъ виноградъ, та не хоче родыты,
Есть у мепе моя мила, та не хоче любыты.

19.

Стоить въ полѣ на подоли крыныченька,
Ой, вжежъ въ тій крыпычиньки водыця сочытся.
Отдай, отдай, старо нене, робыты научиться.
Нехай въ тои крынычинци вода прибывае,
Нехай моя доня хоть зъ рикъ погуляе.

20.

Умеръ батько, байдуже, умерла маты, байдуже,
Умеръ милый чернобрывый, жаль мине его дуже.

21.

А горилки зятю горилки,
А не браты було бъ у насъ дивки,
А ни чорной куныци,
Бо полетятъ горшки съ полыци.

22.

А встань, диду, просо товчи,
А нашъ дидъ разстогнався;
А встань, диду, кашу исты,
А нашъ дидъ разболився;
А встань, диду, на бабу пiиду,
Ажъ нашъ дидъ розскакався.

23.

Ой, зналы, зналы вдовине весилье,
Не роспустыли косы якъ совоньки крылье,
Павонька хвистъ роспустыть,
А вдова косы не распустыть.

24.

Ой, за Бугомъ, за Бугомъ
Ходыдь Дзюнзя за плугомъ,
И чепыки крывые,
И погоньци нимые.

25.

Сорока рака носыла,
Тещенька зятя просыла,
Выперу тоби штаны и сорочку,
Тилько полюби мою дочку.

26.

Кукурузы, кукурузы дайте,
Кукуруза не поможе, козака шукайте.
А где тая колыточка, що висили раки,
Чотыре куски солонынки и рижокъ табаки.

27.

Сорока скрекоче,
Дидъ бабы не хоче.
Чортъ мини раду давъ,
Що я тую бабу сподобавъ.

28.

Мини батько не ридъ, мини маты не ридъ,
Мини теща родына, мини жинку вродыла.

LVII.

Ой, въ выни, въ вини да въ виногради,
Тамъ красна панна да наряжалася,
Наряжалася да убиралася,
Скидала съ себе все кришнее,
Надивала на себе золотее,
Шла до церкви ясною зорею,
А съ церкви шла красною панною.
У воротця иде, якъ сонце всходыть,
Въ синечки иде, синечки сіяютъ,
Въ свитлоньку иде, паны встричаютъ,
Шапки здымаютъ, еи пытаютъ:
Чи ты царевна, чи ты кролевна?

Яжъ не царевна, не королевна,
Степанова дочка,
Якъ ягодочка.

LVIII.

Нашъ хорунжій хорошій,
Короговцею махае,
Дружочокъ зачепае.
Дружочки голубочки,
Идите танціоваты,
Молодого оглядаты:
Чи уміе танціоваты,
Чи высоки пороги,
Щобъ не крывые ноги.

LIX.

Напхалы сваты волынци
Та у мишку, та у рядныпци.
Межъ ными дружко якъ панъ;
А на ему соломенный кафтанъ,
Гонтами голова збыта,
А снопками борода сшита,
Перевесломъ пидперезався,
Якъ весальи прибирався.

LX.

Не куй, староста, золотого ножа,
Да пидкуй вороного коня,

Будемъ ихаты боромъ каменнымъ,
А биръ буде шумиты,
Камень буде дзвиниты.
Акъ учуютъ люды,
Намъ слава буде,
Якъ учуютъ мищане,
То намъ слава стане.

LXI.

Перепылеченька,
Да невылыченька,
По свиту литае,
Траву пригортае,
Голуба шукае.
Гляне на гороньку,
Голубъ на дубоньку,
Склонивъ головоньку
Въ чужую сторононьку.
Туманъ долиною,
А морозъ лищиною,
А козакъ съ дивчиною.
Дѣвчино сирото,
Не стели широко,
Постели узенько,
Присунься близенько.

LXII.

Ой, въ лиску, въ лиску на килку,
Тамъ высила колысонька на шелку.
А хто въ тій колысонци колышется?

Иванъ, товаришство мое любое,
Колыши жъ мене высоко,
Щобъ мини було видно далеко.
А где моя тещенька?
Медъ вино пье.
А где моя миленькая?
Винки вье.

LXIII.

Ой, у поли дви тополи.
Шкода мини, диду, молодои;
Посывіешъ, старый диду, посывіешъ,
Докиль мини молодои постель не нагріешь.
Ой, нагрію, моя милая, нагрію,
И купами и соболями накрыю;
Куны и соболи помнутся,
Молоди мои лѣта минутся.
Заковала зозуля въ лузи;
Чого сь моя головочка въ тузи?
Наступила чорна хмара зъ загиръ,
А пріѣхавъ мій миленькій сподилъ,
А привязавъ своего конычепька до чистокилья.
А маруся зачула
И вынесла чашу меда и вина дви.
Ой, пій, милый, не упыйся,
На вороному конычеиьку не схылися.
Буду пыти и не упьюся,
На вороному конычеиьку не схылюся.
Ой, стыхесенька говоры,
Щобъ не почувъ старый мужъ съ коморы.
А съ кимъ мила говорила?
Съ кухарками, нелюбочко, съ кухарками,

Посылала по воду съ конивками.
На що тоби мила такъ рано вода?
Умытыся, нелюбочко, бо я молода,
Е у мене пшенычное пыво;
Піиды уточи, тай умыйся,
Возьми соби китаечку, тай утрыся,
Возьми щуку рыбу, тай потавися,
Ой, ляжъ же соби на лижечку, проспыся,
Пиды соби до скрыночки уберыся
И до саду винограду проходыся.
Ой, то мини, нелюбочко, ня за що,
Колы мое мишканье ледащо.
Ой, не будешъ, моя мила, каяты,
Якъ возьму нагайкой краяты.
Ой, не буду, мій милепькій, не буду,
Кого жъ бо я вирпу люблю, не забуду;
Я думала, що нагайка съ паперу,
Ажъ вона съ чентового ременю.
А ей матусенька зачула.
Ой, до коня, челядочка, до коня,
Бижи за марусей въ погоню,
Бижы за марысенкой до бору:
Вернысь, марусенько, до дому.
Ой, на тее челядочка вырывалася,
Щобъ я до дому верталася.
Ѣ монхъ два виночка въ темныци,
Возьмите повисте на килочку въ свитлыци,
Щобъ моя пенька якъ погляне,
Мене молодую спомяне:
А гдесь моя маруся детына,
Що въ тыхъ виночкахъ ходыла?

LXIV.

Ой, у поли крыныця безо дна,
Тече зъ неи вода холодна,
Ни якъ тей воды напытыся,
Не можно дивки добытыся.
Ей въ поли кленъ дерево ризно;
Ходыть козакъ до дивчыны пиздно.
Не ходы, козаче, до мене,
Бо не слава на тебе и на мене.
Я той неславы не боюся,
Кого люблю, то съ тымъ обіймуся.

LXV.

Ой, давно, давно въ роду була,
А вжежъ тая дороженька терномъ заросла,
Терномъ заросла, листомъ припала,
Червоною калыною понависала.
Якъ я схочу, теренъ высѣчу,
А червоную калыну въ пучечки повяжу,
Тони я свою родыпоньку хоть въ рпкъ обачу.

LXVI.

Ой, дубъ на дубонька похилывся.
Ой, козакъ нецци отклонывся:
Ой, часъ мини, ненько, оженытыся,
Бо якъ прыиде ничка осенняя,
Ни съ кимъ мини спаты розмовляты.
До коныку, сынку, вороненького,
До сиделка червоненького.

Кинь, нене, рже не говорыть,
Винъ мене молодаго въ миста уводыть.
Ой, коню жъ мій, коню вороненькій!
Ой, пане жъ мій, пане молоденькій!
Чи яжъ тоби, коню, тяжкій та важкій,
Чи моя козацкая збруя?
Ты жъ мини, пане, не тяжкій не важкый,
А ни твоя козацкая сбруя.
Она мини тяжка корчма шляховая,
Бо у тій корчемци маешъ исты, пыты,
Мни вороному кажешь сыру землю биты.
Дай же тому коню сина по колина, оброну по очи,
Затынай того коня хоть бы о пивъ ночи.

LXVII.

Дубъ на дуба похылився;
Козакъ на козака засмутився.
«Ой, коню мій, коню смутный невеселый,
Чомъ ты до мене коню не говоришъ?
Чи ты докучило сидло мое,
Чи ти докучила збруя моя?
Чи я ти докучивъ, козакъ молоденькій?
Ни мя докучило сидло твое,
Ни мя докучила збруя твоя,
Ни ты ми докучивъ, козакъ молоденькій,
Но ми докучила корчма твоя.
Ой, куда ѣдешъ, корчмы не минаешъ,
А куда ходышъ, ѣшь, пьешь, гуляешъ,
А о мени, ворономъ кони, тай не дбаешъ;
А до горы идешъ, пидтымаешъ,
А якъ съ горы идешъ, не стрымаешъ;

Черезъ луги ѣдешъ, не попасаешъ,
Черезъ дунай плывешъ, не наповаешъ.

LXVIII.

По загумени синіе терны цвитутъ;
Ой, синіи сыніе дрибненьки,
Тамъ Ивасенько сивыми киньми грае,
Ой, грае, грае, на тестивъ двиръ поглядае.
Чого ты, зятю, на мій двиръ поглядаешъ?
На моимъ двори ни якои диввыни не маешъ,
Нема у мене ни тура, ни еленя,
Тыльки марысенька, та и тая молоденька.

LXIX.

Ой, звыслы синіе хмароньки звыслы;
А не зійдешъ мни дивчынонька зъ мысли.
Чи мини що дала, чи що учинила,
Я еще не спавъ, а она мини прысныла.
Якъ я згадаю, кого вирно любила;
Кобъ мни не душа, то бымъ ся згубыла.
Якъ я гадаю торичные золотенки,
Ни ми спанья, ни мини работоньки.

LXX.

Ой, сборъ сборъ въ суботу,
Була соби сборныця аптося,
Збирала сбиръ у панотця въ двиръ,
Выбирала дружечки на выбиръ,

А садыла ихъ по за стилъ,
Гадала гадочекъ билше всихъ:
А едная гадочка свекорко,
Винъ мини батинкомъ не буде,
Оно моему серденьку жаль буде;
А другая гадочка свекруха,
Она мини матинкой не буде,
Оно моему серденьку жаль буде.

LXXI.

А чый то коникъ изъ гиръ выбигае,
Изъ за гиръ выбигае, камень розбываe?
Старостивъ то коникъ изъ за гиръ выбигае,
Изъ за гиръ выбигае, камень разбывае,
А гривонькою все поле укрывае,
А хвостыченькомъ дороги уметае,
Оченьками дороги оглядае,
А ушеньками радоньки слухае.

LXXII.

Батенько мій ридненькій,
Снывся ми сонъ дивненькій,
Що на нашихъ воротечкахъ
Сивый соколонько сыдитъ,
Все ся съ пылненька дывытся
Съ подъ правого крылечка,
Съ пидъ золотого пырьячка.
Доненьку Оксюненьку,
Не есть то соколонько,
Бо то есть Васыленько;
На посади сыдыть

Все ся съ пылненька дывыть,
Съ пидъ правой рученьки,
Съ пидъ вышитой кустоньки.

LXXIII.

Быите, дивчины, въ падковы,
Що у козака чорни бровы,
Чорны бровы, чорны очи,
Чорни бровы якъ шнурочокъ,
Кучерявы якъ терночокъ.
Его маты въ ночи уродыла,
Щобъ дивчына полюбила.

LXXIV.

Боровая пчелонька, чого такъ гудешь?
Чи до бороньку идешь?
Якъ же мини не густы,
Осмеркла я у бороньку,
Освела пидъ бортѣю.
Молодая марыся, чого такъ плачешъ?
Якъ же мини не плакаты,
Осмеркла у батенька,
А освела у свекорка
Пидъ билымъ завываньемъ,
Пидъ вичнымъ накрываньемъ.

LXXV.

Ой, ты, старый диду, чому ся не женышъ?
Старои не хочу, молода не пиде,

Хоть она пиде, то не ляже спаты,
А хоть ляже спаты, то не оберпется,
А хоть обернется, то не поцелуе,
А хоть поцелуе, то все и сплюе.
Ой, у тебе, диду, борода козяча,
Борода козяча, губа собача,
Очи совиные, медвежи похидки.
Пишовъ Дидыще на тое торжище,
А купивъ крутое наганище,
А ставъ жинку быты та ще й волочиты:
Знай, суко, якъ и зъ старымъ житы.
Ой, у тебѣ, диду, борода шелкова,
Борода шелкова, а губа терновa.

LXXVI.

Ой, ходжужъ бо я блужу темнонькой почи,
Самъ не знаю, чомъ не сплять мои очи.
Не сплять чорни очи ни въ день, ни въ почи,
За тобою, моя мила, тужачи.
А у поли былына, ею витеръ хитае;
Що на меньша пташина соби пару мае.
Ой, я бидный въ свити гадаю,
Що я соби пары не маю.
Щобъ соболеви очи, а орлови крыла,
Полынувъ бы я где дивчина мыла,
Полынувъ бы я, та упавъ на двори,
Чи не выйде мила поскорій.
Ажъ мила выходить съ чорными бровями,
Промовляя до мене слягидными словами.
Ой, сывый голубоньку, сядь коло мене,
Пригорни мя до себе,

Возьми свою ручку пригорни,
Бо твое тило и чорные очи
Не даютъ спокою ни въ день, ни въ ночи.

LXXVII.

Ой, ходыла павонька на щирымъ бору,
Погубила перьячко въ шелкову траву;
Не такъ мини жаль павоньки и перья ей,
Якъ мни жаль детыноньки въ чужій сторони,
Бо чужая сторононька безъ витра шумыть,
Бо не ридный батенько не бье, та болыть.

LXXVIII.

Ой, у лузи калына
Билымъ цвитомъ зацвила,
Тамъ дивчина ходила,
Цвитъ калыну ломыла,
До батынька посыла.
Батенько голубоньку,
Чи буду я такая,
Якъ цвитъ калына тая?
Будешъ, доню, будешъ,
Поки у мене будешъ,
А якъ пидешь видъ мене,
Спаде красенька съ тебе,
Якъ зъ ранняго вивса роса,
Такъ съ твого лыченька краса.
Обизвалася доля
Стоячи надъ водою:

Ой, стелы, дивче, лыжко,
Не будешь на немъ спаты.
Сболила моя нижка
Стоючи коло лижка,
Зболила моя друга
Стоячи коло луга.
Учула тое маты,
Стала дочку жаловаты:
Иды, доню, до дому,
Не годы не любому.
Якъ мни не годыты,
Обсилы мене диты,
Якъ ту калыноньку квиты,
Такъ мене молодую диты.
Ой, маты моя, маты,
Колысь хотила жаловаты,
Було замужъ не даваты,
Було мене поховаты
Малою детыною,
Було мене насыпаты
Высокою могилою;
То бысь була забула,
Же у тебе дочка була,
А теперь не забудешь,
Поки на свити будешъ.

LXXIX.

Ой, у поли на выгони стоитъ береза росистая,
А на ней росонька золотыстая.
Где ся взялы райскія птахи,
Тую русу постряхалы.
Где ся взяла красная панна,

Красная панна марысенька,
Тую росу позбирала,
Понесла еи до злотнычка.
Ой, злотнычку ремеснычку,
Зроби хрестъ до церковци,
А перстенець до нелюбоньки.

LXXX.

Ой, ишовъ дощикъ кропнистый,
Ой, уродывся червчикъ зернистый.
Не умила Ульяна краситы,
Мусила Мирона проситы,
А нашъ Миронъ молодець,
Рубавъ березу пидъ коренець,
Рубавъ же еи и не зрубавъ,
Гнувъ же еи и не зигнувъ,
Вылизъ на вершокъ да расчехнувъ.
Ой, ѣдь, родыньку, не бійся,
Въ червоные чобитки узыйся,
Топчи вороги пидъ ноги.
Заробыла Оксеня пироги,
Загоряла малына загоряла,
Пидъ нею Оксеня стояла,
Шолкомъ ноги звязала,
Для Мирона тримала,
Даите намъ ручоньки съ торочками,
А мы дадемъ сорочку съ квиточками.

LXXXI.

Повій витроньку съ зеленого дуба,

Не маю нигде порады видъ свого нелюба,
А пришовъ нелюбъ съ синей до хаты, не хоче говорити.
Бидпая жъ моя головонька, що маю чынити?
Ой, пиду жъ я церковку Богу помолюся,
Я зъ нелюбомъ житы не піймуся, пійду утоплюся.
Стій, донеиьку, не топыся, марне душу загубышъ,
Скажи жъ мини, доненьку, кого вирне ты любишъ.
Щежъ, моя матенька, никого не любила,
Не хай бы я хоть рикъ, хоть два дивкой погодыла,
Утопыла жъ мене, матенько, якъ конопельку у воду,
Незважилась на худобоньку, ни на мою уроду,
Ой, якъ тяжко тій конопельци у болотоньку гныты,
То такъ, моя матинько, зъ нелюбонькомъ жигы.

LXXXII.

По гори гори не огонь то горыть,
Не огонь горыть, марысенька ходить.
Яспая зоронька,
Не сгасай раненько,
Марысенько ходытъ,
Перстенцями свитыть,
Ясне биле ложе стелеть,
До ложа говорыть:
Ложе жъ, мое ложе,
Хтожъ на тебе ляже?
Ляжежъ на тоби молодый, козаченко,
Положетъ рученьку на моемъ серденьку,
А его ручепька легче отъ пиренька.
Яспая зоронько,
Не сгасай раненько:

LXXXIII.

По гори, по гори руга и барвинокъ,
А по долынамъ пахучій васылекъ,
А въ тимъ васыленьку перепелонька свыще.
Кому жъ ихаты перепелоньки иматы?
Дружбонько мовыть: якъ не пиду,
Бо мій конычепько па камень не ступить,
А мій хортыченько съ рытязя не пійдетъ,
А мій соколопенько съ ручекъ не полынеть.

LXXXIV.

По гори гори,
Тамъ ганнуся ходыла,
Перстенцями дзвоныла.
Дзвените, перстенци,
Зъ дорогими каминци,
Не хай батенько чуе,
Не хай мене пожалуе,
Що молоду за мужъ дае,
Разуму не научивши
И роскоши не наживши,
Научать мене люды,
Жаль батенькови буде.

LXXXV.

Черезъ синечки, черезъ свитлоньку шелковые шпуры,
У нашей Федоры молоденькой молодые разумные,
У ней лыченько, якъ яблоченько, якъ на рожепци квиты,
На ней батенько, на ней ридненькій, не можеся наглядиты:

Ой, теперь же мни моя Федоронька, теперь же мни мила,
Сыдишъ за столомъ, съ яснымъ соколомъ, якъ червона малына.

LXXXVI.

Погубыла диты орлянечка,
По дорозѣ бьется.
Ой, знаты по тому козака,
Що винъ зъ мене сміется.
Ой, смійся, хоть не смійся,
Нихто не буде знаты,
Есть у меня два братика
И ридненька маты,
Покрыютъ не славу,
Якъ пожаръ отову,
Никто не буде знаты,
Росты коса до пояса,
Я про то буду гуляты.

LXXXVII.

По пидъ лисомъ битая дорога,
Середъ лиса рубленная крыниця,
Тамъ староста коника напувавъ,
Ему Иванечко водыци пидлывае.
Ступай, Иванечко, па билый каменечко,
Съ билого камени
На золотое стремени,
Съ золотого стремени
На вороного кони,
Зъ вороного коня,
Уже ты, ганнусенька, моя.

LXXXVIII.

Посію я яру руту падъ водою,
Уродытся яра рута зъ лободою;
А хто жъ мене яру руту да прополе,
А хто жъ мене молоденьку да пригорне?
Обизвався старый дидъ съ бородою:
Я тебе яру руту да прополю,
Ой, я тебе молодую да пригорну.

LXXXIX.

О, на ставу, ставочку, дрибные дивчата,
А у нашимъ Межибожи пышные дивчата.
Чи пышные, чи дурные, чи такъ у нихъ ведется,
Якъ выйде на улыцю, якъ жаба надметься,
Що улиця, то вдовиця, дивчатъ не выдати.
Пишли суки до прилуки ляшкивъ выглядати;
Ходимо, пане брате, дубивъ оправляты,
Бо не можно въ Межи-божи дивчатъ защепаты.
Ой, на ставу, ставочку, дрибненькая ряспа,
Ой, чи чула ты, дивчинонку, якъ я въ кобзу брязкавъ?
Ой, чи чула, чи не чула, въ виконци сыдпла,
Жебъ я крыльце мала, то була бъ полетила.

LXXXX.

Ой, не тужи, дивчинонько, по мни.
Покынуты три колосы въ гумни,
Еденъ колосъ дитей годоваты,
А другій колосъ челядь зодигаты,
Третій колосъ горилку курыты

И за мое здоровье пыты,
Щобъ тоби тяжко на копя всидаты,
Якъ мини тяжко диты годоваты,
Щобъ тоби тяжко съ копя зсидаты,
Якъ мини тяжко челядь зодигаты,
Щобъ тоби дорога курыла,
Якъ мини горилка не мыла.

LCI.

Пиду я берегомъ по надъ ставомъ,
Сама я не знаю кому ся достану,
Чи тому диду съ сивою бородою,
Що онъ не годенъ говорити зо мною,
Его борода припечокъ замитаты,
Мое лыченько свитлоньку взвеселяты,
Его борода якъ солома въ стриси,
Мое лыченько якъ малына въ лиси.

LCII.

По садочку хожу,
Барвиночокъ сажу.
Чомъ я у тебе, маты,
Неженатый хожу?
Росты барвиночку,
Росты зелененькій,
Гуляй, гуляй, мій сыночку,
Бо ещесь молоденькій.
Росты, росты, барвиночку,
Ище постелыся.
Гуляй, гуляй, мій сыночку,

Та вже ожениься.
Ожениься, сынку,
Возьми вдовы дочку,
Що ходыть въ недилю
Въ рутвянимъ виночку.
Ой, матусю́, матусю,
Тожъ не моя ривна,
Ходыть соби по рыночку,
Якъ та короливна,
Ходыть соби по рыночку,
Хусточку выймае,
А молодый козакъ
Съ жалю омливае.
Ожениься, сынку,
Возьми сыротынку,
А не бери вдовоньки,
Не дасть Богъ доленьки,
Бо вдовоньки сердце,
Якъ зимою сонце,
Хотя оно ясногрiе,
Таки зимнiи витеръ вiе,
А у дивчины сердце,
Якъ у лити сонце,
Хотя оно хмуренькое,
Таки тепленькое.

LCIII.

Пидъ березою пидметено,
Барвиночкомъ оплетено,
Василечкомъ обстелено,
Ой, тильки систы поихаты,
На Кривци дивку видвидаты.

На Кривци дивка убогая,
Крае ручники съ китаечки,
А торочечки шелковые.
Пидъ березою пидметено,
Барвиночкомъ оплетено,
Василечкомъ обстелено,
Ой, тильки систы поихаты,
На киселяхъ дивку видвидаты.
На Киселяхъ дивка богатая,
Крое ручники съ рядниночки,
А торочечки зъ онучечки.

LCIV.

Пала роса въ конецъ проса при билой дорози.
Кому дати на добраничь дивчыни небози,
Та добраночь дае и коныковъ зиртае,
За рученьку стискае, тяженько вздыхае.
Ой, мій милый чернобрывый, чого ся ты кванышъ?
Чи до отця, чи до матки, чи до иной глядишъ?
Ой, мій милый чорнобрывый, до свитлоньки прошу,
А я съ твого коныченька сидельце сношу,
Кажу твойго коныченька до стаеньки взяти,
А тебе молоденького прошу до кимнаты,
Кажу твому коныченьку оброку даты,
А тоби молоденькому билу постиль слаты,
И сама ляжу, тяжку жаль розвяжу,
Всадыжъ ручку за пазушку.

LCV.

Ой, пане господару, на твоемъ двору

Стоить дерево тонке высоко,
Тонке высоке, листомъ широке,
Лыстомъ широке, верхомъ кудряве.
На тіи кудри сивъ сокилъ сыдыть,
Сивъ сокилъ сыдыть, далеко видыть,
Далеко видитъ въ чистое поле,
Въ чистое поле где Господь оре,
Пресвятая дива исты носыла,
Исты носыла, Бога просыла,
Орите, сынки, другіе пывки,
Другіе нывки, горы, долынки,
Будемъ сіяти жито пшеницю,
Жито пшеныцу и вшеляку пашныцю.
Ой, уродылся сриблое сриблo,
Жемчужный колосъ, золотое зерно,
Зберемо хлопцивъ а все молодцивъ,
Вяжите, сынки, тугіе снопки,
Накладемо кипъ якъ на неби звиздъ,
Зберемо возы на три обозы.
Будемъ возыти до пана Павла,
Тай у его токи,
А его токи частоколови,
Кладить, сынки, широкіе стижки,
Завершимо сивымъ соколомъ,
За симъ словомъ будай здорови.

LCVI.

Марьина матинка предъ Богомъ стояла,
Господа Бога просыла и троицу свичку держала:
Господи милосердный, спусты мене съ неба,
Съ неба на землю до моей детыноньки,
Не хай ся я подивлю на свою вирну детыну,

Чи она хорошо изряжена,
И въ часъ на посаги насажена.

LCVII.

По пидъ гаемъ зелененькимъ сдавняя стеженька,
Тамъ Марысенька ходыла, Господа Бога просыла,
До горы рученьки взносила:
Господе милосердный, спусти мене
Дрибнымъ дощемъ на землю,
Не хай ся подывлю на свою вирну дытыну,
Чи она израджена на посади посажена.
Благанная душа, тамъ тебе не потребно,
А вже я такъ зраджена на посади посажена.

LCVIII.

Крыкнулы лебеди на води,
Брязнулы цимбалы на двори,
То уже, Оксеню, идутъ по тебе.
Не дай мене, маты, отъ себе,
Чи я тоби, матинко, доила,
Що я въ твоей свитлонци сидила,
Русунькую косу чесала
И румяне лычепько умывала,
Ясного сонца въ виконце,
Темнои ничи при свичи.

LCIX.

Ой, посію въ поли нывку лёнку,

Межи тымъ ленкомъ одна конопелька,
На конопельци все райскіе пташки,
Поютъ писеньку а все различную,
А разлучимо Ганнусю отъ матинки,
А прылучимо молодаго Ивасенька,
А у Ивасенька дротяная ногаечка,
Буде онъ твое тилочко укрываты,
Не буде кому Ганнуси жаловаты.

C.

Ой, пущу стрилу по всему селу,
Ой, и я въ лелю по всему селу,
Ой, пишла стрила на конецъ села,
Охъ, и я въ лелю на конецъ села,
Та убила стрила билого молодца,
Охъ, и я въ лелю билого молодца.
А никто къ тилу не прыступытся,
Охъ, и въ лелю не приступиться,
Приступила стара бабушка,
Охъ, и я въ лелю его матушка,
Ой, сами дзвоны задзвонылися,
И сама церковь отченылася,
Ой, сами книжки росчиталися,
И сама земля отворилася,
И само тило схоронылося.

CI.

Ой, рано рано андроньки пили,
Ой, еще раньше Марыся встала,

Дворы уметала,
Дворы уметала,
Столы устылала,
Сподиволася трое гостенькивъ,
Еденъ гостынько ясный солненько,
Другій гостенько ясный мисяченько,
Третій гостенько дрибенъ дощикъ.
Чымъ ся похвалышъ, ясное солненько?
Ой, якъ взіиду въ недилю рано,
Освичу я церкви и костелы,
Ой, возрадуется весь міръ на свити.
Чимъ ся похвалышъ, ясный мисяченько?
Ой, якъ взіиду пизно пизненько,
Освичу жъ я горы и долыны,
Ой, возрадуется весь звирь въ лиси,
Весь звирь въ лиси, гость при дорозѣ.
Чемъ ся похвалышъ, дрибенъ дошчикъ?
Ой, якъ я спаду три раза въ маю,
Ой, взрдуется жито и пшеница,
И вшелякая пашныни.
А за тымъ словомъ бувай же здорова,
Красная панна не сама зъ собою,
Зъ отцемъ и съ маткою,
Зъ отцемъ и зъ маткою,
И съ родыною.

CII.

Въ саду роса висыть,
Хорошая коровай мисыть
И съ билыми ручеиьками,
А съ черными очепьками,
Билая муку сіетъ,

Хижая воду носыть,
А дюжая коровай мясыть.

CIII.

Плавае по води золотый човнокъ,
А въ тимъ човныку красный молодець
Струже стрилоньки зъ малыноньки,
Струже, малюе, на Дунай пускае:
Плывите, стрилоньки, до моей дивоньки,
Не хай готуе тонки подарки,
Моему батинку тонку кошулю,
А моей мати тонкій рубочокъ,
Сестрыци зъ рута виночокъ,
А братику шолкову хустку,
А мни молодому сама молодая,
Скрыня повая и постиль билая.

CIV.

Плугъ не оре,
Чепики кривые,
Желѣза тупыя,
Бычки молодые,
Твердая новина,
Ой, не матерына,
Дайте батога
Погопяты бугая,
Нехай пре.
Забывайте желизця,
Закладайте колисця,
Поидымо ораты,

Новины добуваты,
Хто повину добуде,
Той господаремъ буде

CV.

Прыихалы баре съ Семи гиръ,
Вывезли соби скрыпки на выбиръ,
Казали соби по Семигирски заграты,
Пиде дружба и съ дружечкой гуляты,
А на дружби красная шуба съ бобрами,
На іомъ шапка съ струсыными перами,
А на дружци тихъ трое съ перлами.

CVI.

Пріихавъ зятенько на тестя на подвиръ,
Заточивъ подвирье кованными возами,
Заставивъ стайню воронымн конями,
Засадивъ свитлоньку молодыми боярами,
А зависывъ комнату красными суknами,
Заставивъ тесовый стилъ гостемъ короваемъ,
На тимъ короваю три яблочки зъ раю,
Тожъ тоби, Марысенька, вирная твоя выслуженька,
Щось соби выслужила у милого Бога,
У милого Бога и матинки ридней.

CVII.

Рыстью коныки рыстью,
Ѣдемо съ корыстью,
Съ квиткою съ млиткою,

Съ молодою невисткою,
Витчины маты лиску,
Веземъ тоби невистку,
До коморы ключницю,
До поля рабитныцю,
Корови не выдаеть,
Бо ся хвоста боить,
Обидаты не сварыть,
Бо ся зъ горшками сварыть,
Хлиба не спече,
Бо у неи съ носа тече.

CVIII.

Сама я сама пшеныченьку жала,
Ой, приду жъ я до домоньку, не ма мого пана,
Челядонька въ дому, щожъ мини въ тому,
Далежбы я билу ручку, да нема кому.
Пиду до кимнаты, билу постиль слаты,
Стина нима, постиль била, ни съ кимъ розмовляты,
Стина нименька, постель биленька,
Сжалься, милый Боже, ще я молоденька.
Ой, выиду, я выиду на крутую гору,
Ой, гляну я, ой, гляну на быстреньку воду,
Щука рыба въ води до воли гуляе,
А я стою тай думаю, що пары не маю.

CIX.

Ой, звонке деревцо калына,
Якъ рубалы, то дзвинила,
Якъ везлы, то шумило,

Якъ на столи стояло,
До Боярывъ промовляло:
Загадавъ Ивасенька
Загадку липши всѣхъ,
Сивъ соби вишше всихъ.

CX.

Сыдыть сокилъ на тополи,
Спива писню по неволи.
Ой, соколе соколоньку,
Не журь мою головоньку,
Бо я сама сжурылася,
Що отъ роду отбылася,
Отъ роду, отъ родыны,
Отъ вирной дружины.
Чины, Боже, мою волю,
Зоставъ мене удовою,
А вдовою молодою,
Не хай же я погуляю
Якъ та рыба по Дунаю,
Якъ та рыба зъ окунцями,
Я молода зъ молодцями,
Якъ рыбка зъ плотыцями,
Я молода зъ молодыцями.

CXI.

Самъ Богъ коровай мисыть,
Пречистая свитыть,
Ангелы воду носятъ,
Святые Бога просятъ.

Трыиця по церкви ходыть,
Спаса за ручку водыть,
Ой, ты спасе нашъ,
Ходы ты до насъ,
Бо теперь у насъ гаражъ.

CXII.

Сивая зозуленька,
Не вилитай раненько
Въ чистое поленько,
Важить на тебе сивый соколонько,
Нижечками тя угомыть,
Крылоньками тя зловить,
Занесе бо винъ тебе до своего гнизденька,
До дрибненькихъ дитенькивъ.
Молодая марысенько,
Не выходы раненько,
До города по зиленько,
Важыть па тебе молодый Ивасенько,
Нижеиьками тя угомыть,
Ручеиьками тя зловить,
Завезе винъ тебе въ чужую стороноиьку,
На людскую обмовоиьку,
Будутъ обмовляты,
Що ничемъ дароваты.

CXIII.

Сивъ зажурывся,
Що зъ малого ожепывся.
Не журыся, мій соболю,

Я пидросту скоро,
Не журыся, мій паночку,
Пидросту я въ серпаночку,
Пидростешь ты злого духа,
Таки будешь коротуха,
А до хлопцивъ реготуха,
Не давномъ ся ожепывъ,
Пошламъ я рукою,
Пошла жинка зъ борщомъ,
А я за мукою.

CXIV.

Стояла тополя край чужого поля,
А на тій тополи четыря сокола,
Першій соколъ полынувъ въ виноградъ,
А другій соколъ полынувъ на Дунай,
А третій соколъ полынувъ на чистое поле,
А четвертый соколъ полынувъ подъ небеса,
Зъ винограду летыть, курапатву несе,
Съ Дунаю лыпе, сребрный перстень несе,
Съ чистого поля лыпе, стаднаго коня жене,
Съ пидъ небесивъ лыпе, красную панну веде.

CXV.

Суха верба, мокра калюжа,
Розгнивалася жинка на мужа,
Взлизла на пичь будто не дужа.
Да прынысы жъ, мила, меду,
А она каже, головы незведу.

Да прынеси, мила, пива,
Дай мини попій, ледви я жива.
Да прынеси, мила, горилки,
Дай мини попій, шукай соби жинки.
Да прынеси, мила, дубину,
На твои сукни, на твою спину.
Встала мила якъ не лежала,
Обняла милого тай поцеловала:
Дай, Боже, здоровья изъ неба,
Що ты догадався чого мини треба,
Щобъ тая годыпа повикъ родыла,
Що мене молоду уздоровила.

CXVI.

Семенъ пивня продае,
А Семеныха не дае,
Ой, Семене, Семене,
Порадеяжъ ты и мене,
А я пивня не продамъ,
Въ мене пивень господарь,
И хаточку замете,
И смитычко винесе,
И по смитьи ходыть,
И куречку водыть,
Курочка сопоче,
Бо пивпыка хоче,
А пивпычокъ краче,
На курочку скаче.

CXVII.

Стоить явиръ надъ водою,
Та вжежъ похылывся,
Еще козакъ молоденькій,
Та вже й зажурывся.
Зелененькій яворопьку,
Чогось похылывся?
Молоденькій козаченьку,
Чого жъ зажурывся?
Ой, якъ мни нехылытися,
Вода корень мые,
Ой, якъ мини не журытыся,
Колы сердце мліѣ?
Ой, поихавъ въ Московщину
Козакъ молоденькій,
Орихове сиделечко
И кинь воропенькій,
Ой, поихавъ въ Московщину,
Да тамъ и загинувъ,
Казавъ соби выкопати
Высоку могилу,
Казавъ соби посадыты
Въ головоньку калыну:
Будутъ пташки прилитати,
Калыноньку исти,
Будутъ мини приноситы
Отъ родоньку висты.

CXVIII.

Та надъ риченькою та надъ быстренькою,
Стоить голубъ сивый съ голубонькою,

Та голубъ гуде, а голубка не знае,
Ой, що голубъ голубку кидае.
Та не кидай мене, голубъ, при лихой годыни,
Буду тоби годыти якъ малой дытыни,
Ѣстоньки варыты изъ ярой пшеныци,
А питы носити съ холодной крыныци.

Отрывки. (Смѣсь).

1.

Дубовое корыто полное воды налыто,
Тамъ дивоньки ходыли, били нижки помыли,
А парубки пришли, помыи выпили.

2.

Добре тую кохати, що въ червонимъ кобяжи,
А которая въ синю, не хай тая свынямъ.

3.

Вы, голуби, не ходите по хати,
Не збудите милого въ кимнати.

4.

Заглядалы сваты съ синей до хаты,
Чи тлуста капуста, чи съ масломъ лемишка,
Чи велыка верешка, чи на истся имъ свашка.
Казалы, що свашка велыка, дидька она велыка!
Въ черевички ся взула, якъ жаба ся надула.

5.

Зажену я квочку въ бочку, а курчатами звершу,
Скажи мени, Оксеночку, хто тебе шморгнувъ спершу.

6.

Пидъ сосною росла,
А недобрая до насъ пришла,
Ничого дивоваты,
Бо такая була й маты,
Напишите и въ реестри,
Бо такіе булы й сестры.

7.

На Петра хлибъ пекла, а на Ивана выбирала,
Посію я рожу, поставлю сторожу,
Стороною, дожщикъ, стороною,
Надъ моею рожею повною!

8.

Не ма наикрашчаго на взроду,
Якъ ясная зоря въ погоду,
А якъ мисяць взінде, заря похмуріе,
Нема миленького, ажъ сердце мліе,
Ой, мліе, мліе, омливае,
Що вирного друга не мае.

9.

Приди, приди, сама буду,
Скину фартухъ, напну буду,

А зъ запаски зроблю двери,
Сама ляжу на постели.
Приди, приди самъ самъ,
Чогось тоби дамъ дамъ,
Зеленого чесноку,
Припаде тоби до смаку.

10.

Ой, ты, дпду бородаю, чи ты знаешь, що я маю,
Маю гроши съ панчишкою,
Пидъ колиномъ, пидъ мышкою.
Эй, старый, за волами, старый разстогнався,
Эй, старый, ходы спаты, старый разсмѣявся.

11.

Ой, шасть, кума дасть,
Почереви клецкомъ,
Якъ зробимо куми сына,
Назвемо стецькомъ.

12.

Сыдыть козакъ на могили, сорочку латае,
На украйну поглядае, раздобычь уграе,
Сыдыть пугачъ на убочу на витеръ надувся,
Идс казакъ зъ украины, на лыхо здобувся.

13.

Гостецо Гостыце, щось у тебе блыщыться,
Якъ бо того хотила, що бъ у мене блыстило.

14.

Развивайся, зеленый дубе, на четыре лысты,
Полюбивъ я дивчиноньку, не маю корысти,
А ни ласкивъ, ни корысти, ни пожалованья,
Чорнымъ очкамъ не ма спанья, нижкамъ спочиванья.

15.

Ой, въ саду, въ саду, зацвилы волошки,
Тымъ я тебе полюбила, що чарнявый трошки,
Ой, въ саду, въ саду, зацвили ягидки,
Тымъ я тебе полюбила, що чортъ знае, съ виткпль.

16.

За моремъ гуска летила,
Съ перцемъ капуста кипила,
Чи съ перцемъ, чи не съ перцемъ.
А бы съ щирымъ сердцемъ.

17.

Прогнявався мій милый на мене,
Не говорить три дни до мене,
Пущу я два лебеди на ставъ,
Чи не буде мій милый до мене ласкавъ.
Поплынули лебеди зъ водою,
Не говорить мій милый зо мною.

18.

Ой, пасутся сиви волы, траву вымынаютъ,
А вжежъ мою дивчиноньку иншій одлюбляютъ.

Ой, паситесь сиви волы, не бійтеся вовка,
А якъ пиду до дивчины, болитъ ми головка.

19.

Мои пидкивоньки, чомъ не крешете,
Мои ворожеськи, чомъ не брешете?
Вже вороженьки набрехалыся,
А пидкивоньки накресалися.

20.

Развивайся, сухій дубе, на нич морозъ буде,
Куды идешь, козаченько, бида тоби буде.
Ой, ни едну дивчиноньку биду бидоваты,
Пидвазавши халявоньку въ село вандроваты.

21.

Свитыса, зоренько вечеровая,
Наша дивчина хлопчину очаровала,
Чи зильечкомъ, чи кориньечкомъ,
Чи билымъ лычкомъ, чи чорнымъ очкомъ.

22.

А скынь, милый чорнобривый, сиву епанчу,
А прикрый тую бесидоньку, не пусты дощу,
Ой, счаслива та годынонька, где ридъ съ родомъ пье,
А на тую бесидоньку гримъ и туча не бье.

23.

Чого ты за мужъ ишла,

Колы у тебе не обросла,
Я знаю такое зилье,
Що обросте за весилье.

24.

Та не тешетеся, вороги,
Везе зять тещи пироги,
Хоть непшенычни та ячни,
А бы булы вдячни.

25.

Постелю я коберець,
Посыплю я червець,
Червець червоніе,
Нашъ ридъ веселіе.

26.

Доброй маты дытына хоть по почи ходыла,
При соби цноточки носыла,
Просыли ей хлопци, не дала,
Гарнымъ шелкомъ виженьки звязала.

27.

У нашего роду нема переводу,
Якъ маты, такъ дочка, якъ червона малыночка.

28.

Хоть ѣдь родоньку, хоть неѣдь.
Раздерь Ивасю по гуску якъ медвѣдь.

29.

Упала зоря съ неба, никому свитыти,
Нема мого миленького, ни съ кимъ говорити,
Нема мого миленького, нема мого пана,
А вжежъ тая постилонька порохомъ припала,
Нема мого миленького, не ма моей душки,
На щожъ придадутся пухови пудушки.

30.

Ой, казала дивчинонька, що кабакъ не дорисъ,
Онажъ ему кабакъ дала, що винъ ледви донисъ

31.

Уполи дви тополи, третья конопелька.
Плаче дивчина, що дытына умерла.
Не плачь, дивчиноньку, не вдавайся въ тугу,
Склычь хлопцивъ на толоку, зроблять тоби другу.

32.

Не була я въ доми на своихъ заручинахъ,
За Дунаемъ була, полотенце билила,
Голосъ мене загодыть, лыбонь батенько клыче:
Иди, доню, до дому, маешь гостеньки въ дому,
Сами ихъ выряджайте и по хустонци дайте.

33.

Ходыла Ганцюня по вересу,
Загубила свою красу ище до часу,
Поихала маты дочки оглядаты,

Привезла клубокъ нытокъ дочци зашиваты,
И клубокъ згубила и дочци не зашила,
Роди, донынъку, щось робила,
поки будешь жива.

34.

Хвалю Бога, оженыла сына,
Теперь мини прибула сила,
Не буду воды носити,
Не буду дижи мисыти,
Не буду хаты мести,
Тилько буду порядокъ весты.

35.

Шумыть зелена дубро́ва, самъ князь їде по дрова,
Ой, не шумите, луги, не задавайте туги,
Бо я и такъ тугу маю, бо милого не маю.

36.

Шумыть вода, гуде вода, колесо облызае.

37.

Ой, въ полп два явора, третья сосна,
Не для тебе, вражій сыну, я молода взросла,
Сгупай, коню воренькій, ризвою стопою,
Любя мини розмовонька вдовонька съ тобою.

38.

Хоть бы пришло погибати по самы уха,

Таки пиду до дивчины хотя й завирюха,
Хоть бы пришло погибаты по самыя очи,
Таки пиду до дивчины темненькои ночи.

39.

Ой, коню мій сывый, будь ми счасливый,
Занеси мя, занеси до моей дивчины,
Ой, вдари копытами передъ воротами,
Щобы вишла дивчинонька съ чорными бровями.

40.

На гори керниця,
Коло неи пшеныця,
Жалы сю женци,
Та сами молодци,
Хлопци усаты,
И дивки косаты.

41.

Та не дымъ то ся курыть, панъ панъ то ся журыть,
Якъ пива наварити, горивки накурити.

42.

Добра нивка була, сто кипъ изродила,
Що копа, то колода, панови нагорода,
Запрягайте волы, ѣдте по пидпоры,
Стиртоньку пидпираты, вязальницкивъ поспрашати.

43.

У нашого пана золотая брама,
Золотая присна сило вязальницкивъ триста,

Добру доленьку мае, рано съ поля сбирае,
Тильки доганочки, що жинки не мае.

44.

Горишокъ зеленепькій, пашъ панъ молоденькій,
Лищина зеленѣйша, наша панна молодійша,
Щастье доленьку мае, за вшесу ся обжинае.

CXX.

Тече вада риченька, ой, тече вопа зъ тыха,
Который не бувъ въ Варшави, той не знае биды лыха.
Стоитъ сосна высокая, тай отъ*витру хитается,
Идутъ чумаки у варшаву, тай дороги пытаются,
По тимъ боци Устилуга все жолтые писки,
Туды гпалы все по чотыри, а видтиль назадъ пишки.
Потимъ боци казимира туды все камени горы,
Вандровали вси туда въ жупанахъ, а видтиль пазадъ голи.
Ой, дежъ бо вы, чумачеиьки, ой, дежъ свои волы подилы?
У Варшави надъ выслою тамъ ихъ собаки поплы.
Ходыть чумакъ по табори, хусточку свою мае,
Що погляне до колышки тай копіечки не мае.
О, ну, хлопци, ну, чумаки, ой, ну, волы продаваты,
Далекая дороженька памъ до дому вандроваты,
Ходыть чумакъ по рыночку и хусточку свою мае.
Ой, ну, хлопци, ну, чумаки, ой, ну, гроши заробляты!
Научитесь, пашп жинки, сами дома бидоваты.

CXXI.

Темная ничка петривочка,
Не выспалася невисточка.

Встань, невисточка, бодай не встала,
Подій коровы, що отъ батька нагпала,
Сукала шнуры шелковые,
Путалы кони вороные.
Ой, скакавъ коникъ по пидъ гречкой,
А за нимъ хлопецъ съ гнуздечкой:
Постій, коню, загнуздаю,
Поидемо до Дунаю,
До дунаю воду пыты,
А до Логвипа дивки любиты.
А въ Логвипи дивки богати,
Краютъ ручныки зъ ряднипочки,
Торочать торочки съ кропивочки.

CXXII.

Татаронько иде,
И волыноньку веде,
У волыноньки коса
До самого пояса,
За нею батенько ридненькій
У погоню иде:
Верныся, моя доненьку,
До свого домоньку.
Верныся, батеньку,
Мене не догонышъ
И самъ себе утомышъ.

CXXIII.

Тамъ стояло ризпо два дубочки,
Исхылылися верхи до купочки,

Прилетило да два голубочки,
Силы воны въ поли на раздоли,
Сидячи говорили:
Бида тому да неженатому,
А еще гирше що оженывся,
Взявъ жинку да нелюбовную,
Не биле лыченько да не чорныя брови.

CXXIV.

Теперь же намъ три радости:
Пичь бычка прививъ,
А бовдуръ телушечку,
Прыпичокъ ягнушечку,
Коцюба яйца знесла,
Помело кудкудахтало,
Ступа на яицяхъ сидила,
А макогинъ оженывся,
Качалочка грала,
Макитра скакала,
На двое ся роспала;
Та клищъ бубныть,
Та комошка гуде,
Гпида замужъ иде,
А вошь радуется,
Що невистка буде.

CXXV.

Терешева жона,
Та нема ей дома:
Сила на човпычокъ,

Поихала на ставпычокъ,
Тамъ дытя коханое,
Кашею годованое,
Кашею молочною,
Сытною и солочною;
Тамъ ся я забарыла,
Хустоньку зоставила,
Боюся до дому иты,
Бо буде мій мужъ биты,
Щиткою гребинкою,
Веретеномъ кужилкою.

CXXVI.

Тожъ пидлитае сивый соколъ пидъ вишневый садъ,
Тожъ пидмовляя гапнусеньку изъ садоньку,
Тожъ не хочется гапнусеньци изъ садонька,
Тожъ не хочется галонци изъ вишневого.
Тожъ пидъѣзжае Грыцуне пидъ тещивъ двиръ,
Тожъ пидмовляя гапусю видъ батенька.
Тожъ не хочется гапнуси видъ батенька,
Тожъ не хочется гапуси видъ ридного:
У мого батенька раннее спидапье, частое гулянье,
Часты таночки, а рутвяни виночки,
У мого батеньку всюды горы та гулятоньки до воли,
А въ свекорка всюду ривно та и гуляты не вильно.

CXXVII.

Тихо, тихо Дунай воду несе,
А еще наптыхше молода косу чеше,
А що начеше на Дунай несе:

Плыви, косо, тыхою водою,
А я вслидъ за разъ за тобою;
Встань, косо, послухай, що татонько говорыть,
Татонько говорыть, жалобненько плаче:
Годовавъ дытя не рикъ, не четыри,
А отдавъ дытя не дня, не годыны,
А людямъ послуга,
А мни на сердцю туга.

CXXVIII.

Тече ричка не велычка,
Поставлю я ятиръ,
А хто мене не полюбыть,
Трясця его батька й матирь.
Тече ричка не велычка,
Схочу перескочу,
Витдай мене, моя маты,
За кого я схочу.
Дала мене моя маты
За кого я схтила,
Шумыть, шумить нагаечка
Коло мого тила.

CXXIX.

Ходыть блудыть козакъ по дуброви,
Выблудывся зъ дубровы на поле,
Ажъ тамъ дивчина зеленый макъ поле.
Ой, дивчина, переночуй мене.
Козаче, боюся не славы,
Буде на тебе и на мене.

Дивчина, не бійся ничего,
Збудышъ мене завтра рано,
Такъ рано, щобъ ище не свитало,
Щобъ козаки у походъ не вставалы,
Щобъ козаки коней не сидлали.
А дивчинонько тверденько заснула,
Нечула, якъ ничка минула.
А крыкнулы голубы сывеньки,
Пробудився козакъ молоденькій.
Гдесь козака невынне любила,
Що такъ рано не збудыла.
Горами, козаче, горами,
Перелета дорога горами,
Е у мене кони вороные,
Перескочуть гороньки лихіе;
Низомъ, козаченько, нызомъ,
Перетята дороженька хмызомъ,
Е й у мене конык воропенькій,
То видопче той хмызъ зелененькій.

CXXX.

Лебедю, лебедоньку,
Чи бувже ты на Дунаеньку?
Чи бачивъ же ты свою лебидоньку?
Ой, бувъ же я на Дунаю,
Бачивъ же я лебидоньку свою,
Скоро я на Дунай влынувъ,
Лебедонька въ ракитъ пошла,
Тильки почувъ, якъ водонькою зашумила,
Якъ крылочками задзвинила.

CXXXI.

Хылилася береза своей зеленой дуброви;
Дьякуюжъ тоби, зелепая дуброва, за мое постоянье!
Кильки я у тебе стояла, буйного витра не знала,
Тильки я знала дождинко дрибненькій
На свій лыстъ зеленепькій,
Тильки жъ бо я зеленое витьячко годовала.
Дьяковала марыся ридненькому батеньковп:
Дьякою жъ тоби, мій батенько, за твое годованье,
Кильки жъ я у тебя бувала, лихого словця не знала,
Тильки жъ знала, що суботоньку русу косу чесала.

CXXXII.

Хвалылася береза своими вихами
Передъ дубами.
Хвалысь, не хвалысь, не ты ихъ кохала;
Кохали вихи буйные витры,
Буиные витри, дрибные дощи.
Хвалылася Олена своими косами
Передъ молодцями.
Хвалысь, не хвалысь, не ты ихъ кохала;
Кохала косу пенька старепька
Темной ничи при ясной свищи,
Ясного сонця коло виконця.

CXXXIII.

Частые да густые
На небѣ зпрочки,

Частнѣйшіе да густѣишіе
На короваѣ шишечки.
Ой, пичь наша регоче,
Короваю хоче,
А припичокъ усмихается,
Короваю сподивается.
Ой, пытався коровай перечи,
Чи далека дориженька до печи.
Дайте пирога попыраться,
Пиду до печи женыхаться.

CXXXIV.

Черезъ тыхій дунай сухіе кладочки,
Я молоденька перешла стыхенька,
Несла я ключи не побрязкающи,
А своего миленькаго не пробужаючи,
Бо пробудывши тяжко приспаты,
Не пускае мене молодой на улыцю гуляты,
А хоть и пустыть, то не забавляйся,
За годыноньку до дому вертайся,
А я молода була, та загулялася,
Вже годына минула, до дому не верталася,
А якъ заря взошла, до дому пришла.

CXXXV.

Щедрый вечеръ, добрый вечеръ!
На загуменку плуженько оре;
Щедрый вечеръ, добрый вечеръ!
А Божая мати истоньки несе,
А святый петро погоняе,

И принесла до нихъ исты,
И каже: орте, дитоньки, горы,
Горы, долыны и широкіе нывы,
Будемъ сіяты жито пшеницю
И вшеляку пашницу.
Будутъ броны бороновать,
Будутъ копоньки якъ зоронькы,
А женщики якъ овечечки.

CXXXVI.

Породыла червчаточка семеро дитей,
Евдосю, Хведосю, Варварыны,
Елыну и Гапію, Апастасію, Ганнусю мою.
Ой, тожъ породыла, погодовала,
Ой, погодовавши за мужъ повитдавала
Евдосю за Дацька, Хведосю за Грыцька,
Варварыню за Івана, а Елыню за Романа,
А Ганнусю за Демида, Апасію за Давида,
А Ганнусю за Самійла.
А звиль, червчаточка, твои зяти?
Съ Переяслава панъ Дацько, съ Цвитина панъ Грыцко,
Съ Стародуба панъ Иванъ, а съ Кіева панъ Романъ,
А зъ Варшавы панъ Демидъ,
А за Львова панъ Давидъ,
А съ Кракова панъ Самійлъ.
Ой, тамъ ходывъ духъ святый спасъ,
Спасы, Боже, той усихъ пасъ,
Напередъ Червчатку, а за нею охоту,
И пана Ивана, и зятей, и дитей,
Прысичныхъ гостей.
Що строино, то гоино, паны ѣжджалы
На вороныхъ копыкахъ,

А въ червонихъ чобиткахъ,
А въ оксамитныхъ жупанкахъ,
Въ золотыхъ пояскахъ,
Въ соболевыхъ шапочкахъ.
Тамъ же була вся ревисія,
Тамъ же булы попы и вдовици,
Тамъ же булы и молодци,
Медъ вино пидпывалы,
Съ виномъ ся подхмелялы горилыцею;
Спомяни, Боже, всѣхъ моихъ дитокъ,
Спомяни, Боже, всихъ моихъ дочокъ,
Евдосю, Хведосю, Варварыню и Елыню,
Гапію, Анастасію и Гашусю мою.

CXXXVII.

Я жита не сіяла,
Само жито родыть,
Я козака не чаровала,
Самъ до мене ходыть.
Не сіявши да не оравши
Не буде родыты,
Козаченька да не чаровавши
Да не буде любиты.
Я козака не чаровала,
Хиба моя маты
Брала писокъ
Съ пидъ билыхъ ножокъ
Да въ печи палыла,
Щобъ его душа и тило
До мене горило.

CXXXVIII.

Ой, лугомъ, лугомъ вода иде,
А по пидъ лугомъ стеничка,
Ой, туды Гелена ходыла,
Зъ луговою водою говорыла,
На море китапку стелила,
Въ дуброви кильчужку садыла,
Во Львови судно золотыла.
Якъ я буду иты за нелюба,
Не билися, китайко, на мори,
Не брыни, кольчужка, въ дуброви,
Не сіяй ты, судно, въ Львови.
Ой, лугомъ, лугомъ вода иде,
А по пидъ лугомъ стеничка,
Якъ я буду итти за милого,
Билыся, китайко, на мори,
Забрыни, кольчужка, въ Дуброви,
Засіяй ты, судно, въ Львови.

CXXXIX.

Ой, маты, чумакъ иде,
Ой, маты, рибу везе,
А вся рыба судачина
Посыпила пидъ очима.
Ой, маты, волы пропивъ,
За корову жупанъ купывъ,
А все жупанъ патягаю
Да корову вспоминаю.
Ой, маты, маты моя,
Докучила роскишь твоя,

Треба матку покидаты,
Роскишь твою забуваты.

CXL.

Ой, на гори нывка,
Сама матерынка,
Тамъ дивчина жито жала,
Сама чернобрывка.
Иде козакъ дорогою:
Помогай Богъ, жинче!
Она стала, витказала,
Бодай здоровъ, сердце.
Иде козакъ дорогою,
Пидкивками креше,
За нимъ, за нимъ дивчинонька,
Русу косу чеше.
Роса коса до пояса,
За поясомъ квитка;
Не зачепай, вражій сыну,
Бо засватана дивка.

CLXI.

Ой, розишлысь мои роскоши якъ листь поводи,
Ой, утишились мои вороженьки въ моей пригоди.
Моя пригодонька, моя пригодонька якъ литня роса,
Где вигеръ повіе, сонце пригріе, опаде вся.
Перестань, милый, голубоньку сивый, до иншой ходыты,
Буду съ тобою подъ присягою по щирой правди жити.
Ой, не по правди, ой, ты мій миленькій, та зо мною жи-
Минаешъ хату, минаешъ ворота, до иншои идешъ; [вешь,

До иншои вдучи та писеньку спиваешъ,
Мини молоденькой тяжкій жаль задаешъ.
Ой, моя миленька, голубонька сивенька, обсади вишнями [двиръ,
Щобъ не заходивъ пизде, незаносивъ витеръ голосъ мій.
Ой, садъ садила, я садъ пидлывала, не примався винъ;
Кого я любила и ридъ его знала, не судивъ мини бигъ.

CLXII.

Пишлы вивци въ полынку сами биленькіе,
А за ними вивчарики сами биленькіе.
Ой, чому вы, вивчарики, та не спиваете,
Ой, де свои спиваночки та подиваете?
Ой, мы свои спиваночки подинемъ, подинемъ,
Въ полононци зъ овечками на швару посіемъ;
Мы посіемъ спиваночки довгими нывами,
Будемо ся умывати дрибными слезами;
А мутъ туда вивчарики съ вивцями ходыти,
Будутъ наши спиваночки люди находыти,
Мутъ за ными овчарики тай овечки пасты,
Будутъ наши спиваночки за капелюхъ класты.

CLXIII.

Гей, заржи, заржи, сывый кониченьку,
По пидъ воротонька вдучи!
Гей, чы учуе жъ моя дивчинонька
Вечероньку готуючи?
Дивчина учула, тяженько зитхнула,
Тай ревненько заплакала.
Гей, гей, о міи мочный Боже,

Тожежь го вирно кохала,
Буду постыти симъ понедилкивъ,
А осьмую недилоньку;
Принеси, Боже, кого вирно люблю,
Та до моего домоньку.

CLXIV.

Ой, ты дивчино заручeнная,
Що ты ходышъ засмученная?
Ой, якъ я маю весела буты,
Кого я люблю, тяжко забуты.
Ой, ты дивчино чорные очи,
И въ день ся журишъ и не спишъ въ ночи.
Чорные очи принаду дали,
Душу й тило вразъ зъ житьемъ взяли.
Ой, ты дивчино, мыслями блудышъ,
Сама не знаешъ, кого ты любишь.
Ой, знаю, кого кохаю,
Їено не знаю, съ кимъ житы маю.

CLXV.

Ой, знати, знати кто кого любытъ,
Близько сидае и прыголубить.
Ой, знати, знати кто съ кого кныться,
Здалека сидае, вскосомъ дывиться.
Ой, знати, знати кто не женатый,
Личенько ривное, самъ якъ панято.
Ой, знаты, знаты кто оженився,
Личенько змарнило, самъ зажурився.
Ой, горе тому кто мае жону,

Втоптана стеничка до его дому.
Ой, гирше тому, кто ей не мае,
По ночи ходыть, тай ся розшибае.
Ой, бида тому тай не жонатому,
Якъ тому горшкови тай щербатому,
Съ исподу кипить, зверху сбигае,
Куда ся оберне, щастья не мае.

CLXVI.

Болить моя головонька,
Оченьками мружу,
Самъ не знаю, не видаю,
За кимъ сердцемъ тужу.
Ой, лебонто ты дивчина,
Тай туги причина,
Що отъ тебе не доходыть
Жадная новина.
Тамъ то дивча, тамъ то брови,
Тамъ то очи чорни,
Тамъ то лычко румяное
И слова выборни.
Ой, дивчино, дивчинонько,
Не задавай туги,
Не давайся на пидмову,
Якъ тя схоче другій.
Не журися, мій миленькій,
Жа тя не здражаю,
Ино только Бога прошу
И тебе жадаю.

CLXVII.

Гей, на гори дубина,
Край дубины долына,
Край долыны ставочокъ,
Край ставочка млыночокъ,
А въ млиночку мельнычка,
А въ мельнычки дви дочки,
Една звеся Ганпуся,
А другая Маруся,
Една пишла за пана,
А другая за Ивана;
Що за паномъ бидуе,
За Иваномъ папуе.

CLXVIII.

Не шуми, луже, въ дубровонци дуже,
Не задавай сердцю жалю, що я въ чужимъ краю;
Бо я въ чужимъ краю якъ былина въ поли,
А никому порадити биднои головы.
Ой, вниду, я вниду, на гору крутую,
Ой, погляну, погляну, на воду быструю.
Быстрая риченька, я на ню дывлюся,
Таки мини мысли прпшли: пиду утоплюся.
Ой, цыть, не топися, бо душу загубышь,
Хоць мене вирне любишъ але жити мусишъ.

CLXIX.

Панъ пшеныченьку вie,
А пани видмитае;

Панъ папю обіймае:
Омитай пшениченьку,
Купью ти спидныченьку.
А яку? золотую,
На паню молодую.

CLXX.

Гей, вниду я, вниду на гору высоку,
Тамъ я подывлюся, тамъ я подывлюся,
Та въ скалу глубоку.
Соколы литають, сумненько гукають,
Гей, ено мини, мини молоденькой,
Тяжкій жаль задають.
Кто бы хтивъ звидаты, якій я жаль маю?
Ото выпустыламъ свого соколонька,
Вже го не спіймаю,
А хотя й спіймаю, то вже не такого;
Ой, що бы такъ приставъ щипенько вирненько
До сердепька мого.
Гей, въ поли могила зъ витромъ говорила:
Гей, повій, витре, гей, повій буйненькій,
Що бымъ ся зминила.
И витеръ не віе, сонце допікае,
Гей, та ено мене дивча якъ калына
Квитомъ прикрывае,
Квитомъ прикрывае и росить слезами:
Милый въ той могили, квитъ на могили,
Тай я буду звами.

CLXXI.

Мисяцю рароженьку,
Свиты намъ дороженьку,
Шоби ми сблудыли,
Виночка не сгубили.
Точетъ ся винець точить,
Панови передъ очи,
А чего винъ ся точить?
Бо горилоньки хочеть.
Нашъ Егомосць дозорца
Вижавъ пшеницу за сонца.
Печигоривскіе лѣнивы,
Стоить жита дви ныви.
Съ стрихи горишки летилы,
Бо женци горивки хтилы,
Випочокъ на килочокъ,
Горивка на стилочокъ;
Не дайте намъ съ жбанка,
Не добра та горивка,
Дайте намъ зъ барылочки
Доброи горилочки.
Не ма пана дома,
Поихавъ до Львова
Медъ вино куповати,
Женщикивъ частоваты.
А наша Имосць пышна,
За воротенька вийшла,
Ключиками подзвонила
И Богу ся помолила,
Що вже въ полю обробыла.
На двиръ, женчики, на двиръ,
Топкати зеленый моригъ

Гострыми гостронькамн,
Чорными чобитками.
Нива ся хвалыла,
Що добре зродыла,
Еще ся хвалила,
Липше була родыла.
Казала намъ нивка,
Що е въ пана горилка,
Въ свитлыци на полыци,
Въ зеленій скляпици.
Намъ горивка не мыла,
Насъ ныва потомыла.

CLXXII.

Сивый коню, сивый коню,
Що ты задумався?
Не мажъ моій дивчиноньки,
Що я въ ни кохався.
Сивый коню, сивый коню,
Наижься оброку,
Пожепемся за дивчиной
У землю глубоку.
Сивый коню, сивый коню,
Тяжко на тя буде,
Поидемо разомъ зъ витромъ,
Попасу не буде.
Бигай коню, бигай коню,
Бо вже вечеріе,
Ой, тамъ сыдыть моя мила,
Где зъ лиса зоріе.
Виджу милу, вижу любку,
Дывиться въ виконце,

Хоть такъ темно, хоть не видно,
Свитыться якъ солнце.

CLXXIII.

Шумыть, дымить по долинѣ;
Широкій лыстъ на калыни,
Еще ширшій на явори.
Стоить мила на розмови;
Тече вода риченьками,
Плаче мила слезоньками.
Тихо, мила, не журися!
Я молодый не женывся.
Гдежъ ты, мила, пребуваешъ,
Що у меня не буваешъ?
Пребуваю край Дунаю,
Тебе, сердце, вспоминаю.
Що бы човно и весельце,
Ночовавбымъ въ тебе, сердце.
Ни я човна, ни порона,
Мушу ночоваты въ дома.
Приди, мила, подывися,
Якъ я буду женытися;
Кажу милу запросити,
Въ конець стола посадыти,
Кажу пива наварити
И горивки накуриты;
Кажу милій наливати
И жалосно заспивати;
Та горивка мини гирка,
А то пиво мини дивно;
Ще дивнійши твои слова,
Що ты не мій, я не твоя.

Твои сестры говорили,
Шо бы мы ся не любили,
Та и люди такъ гадали,
Шо бы мы ся не кохали.
Твоя маты чаровница,
Великая розлучница,
Розлучила насъ съ собою,
Не дала жити съ тобою.

CLXXIV.

Бодай ты ся когутыку на сидали скрутывъ,
Шо ты менс молодую такъ раненько збудывъ.
Ой, знаю когутыку, якъ рапо вставаты,
Якъ сопечко въ викопечко, а мылый до хаты;
А я того мамо люблю, що раненько встае,
Биленькими онучками ноги обвивае.

CLXXV.

За горою високою голуби литаютъ;
Я роскоши не знала, лита ся минаютъ,
Я роскоши не знала и не буду знати;
Лита якъ мои, почимъ же васъ маю памятати?
Литажъ мои молодые, тожъ ми жаль за вами,
Що я соби не гуляла та у своей мамы.
Лита жъ мои молоденьки, тожъ ми жаль за вами,
Ой, такъ ми завше здоіе шомъ не була зъ вами.
Литажъ мои молодые, лита молоденьки,
Якъ васъ здыбле лыха доля, будте коротеньки,
Якъ дасть Богъ лыху долю, то покориться,
А якъ буде добра доля, ой, то продовжиться.

Стоитъ верба въ конци гребни, що я ю садыла,
Не машь того, тай не буде кого я любила;
Кого жъ бо я вирно люблю, то той за плечима,
А кого я ненавижу, той передъ очима.
Гудыть голубъ коло хаты, сивый и чубатый,
Якъ загудыть жалобненько, жаль мому серденьку.
Ой, хочь гуды, хочь не гуды, голубе небоже,
Кого жъ бы я вирно люблю, не судивъ мини боже.

CLXXVI.

Котылыся возы зъ горы,
Поламали спыци;
А вжежъ мини не ходыти
На ти вечерници?
А вжежъ мини не ходити
Куды я ходила?
А вжежъ мини не любити
Кого я любила?
Котылися возы съ горы,
На долыни сталы;
Кохалыся, любилися,
Теперь перестали;
Когалыся, любилися,
Якъ голубивъ пара,
Ой, а теперь розишлыся,
Якъ чорная хмара.
Чорна хмара розійдеся,
Дрибный дожщикъ буде,
А зъ нашого за кохання
Рано ничь не буде.
Два голуби воду пили,

А два колотили;
Бодай тіи посчезали,
Що насъ разлучили.
Ой, дежъ тая керниченька,
Що голубъ купався?
Ой, дежъ тая дивчинонько,
Що я въ ни кохався?
Ой, дежъ тая керниченька,
Що голубка пыла?
Ой, дежь тая дивчинонька,
Що мене любила?
Сивый голубъ, сивый голубъ,
Голубка сивійша;
Милый отецъ, мила маты,
Дивчина милійша.

CLXXVII.

Биду соби купила та за свои гроши;
Кажуть биду любити, бида не хорошій,
И крывый, и слиный, ще до того горбатый,
Якъ ся стане трипотаты, треба зъ хаты утикати.
Я въ недилю пьяна була, въ понедилокъ спала,
А въ вивторокъ снопивъ сорокъ пшеницп нажала;
Въ середу сушила, въ четвергъ молотыла,
А въ пятницю продавала, въ суботу пропыла.
За щожъ мене мужу быть, за яки вчинки?
Чи я тоби не напряла за рикъ два починки?
Не сама жъ я пряла, кума помогала,
То за масло, то сыръ, то за кусокъ сала;
Не сама я пряла, прялы помощпыци,
То за муку, то за тисто, то за паляныни.
Чи я тоби не жена, чы не господыня?

Три дни хаты не мела, смитья по колина.
Хоть я буду месты, то не буду пести,
Купи, мужу, визочокъ, будемъ смитья везти;
Купи, мужу, визочокъ и сиву кобылу,
Вывеземо смитьячко на попову ниву.
А попова нына симъ литъ не родыла,
Якъ вывезлы смитья, пшеныцю вродыла.

CLXXVIII.

Черезъ садъ стеженька, иде дожчикъ сдрибненька;
Ой, отвори, мужу, врота, бо иду ньяненька.
Мужъ ворота отчиняе, свою жинку лае:
Що ты, мила, та гадаешъ, що о дому ницъ не дбаешъ?
Все то черезъ хлопци та черезъ коханци,
Що якъ иду та зъ вечера, то прiиду ажъ въ ранци.
Ой, взявся за рученьку тай повивъ до хаты.
Цытьте, хлопци, не крпчить, пай ся выспытъ маты;
Ой, идбыжъ ты, мужу, добрый та взявъ батигъ довгiй,
А взявъ меня биты, не ходи до корчмы пыти,
Ко бымъ тя не любивъ, заразбымъ тебе бывъ,
Але но тя дуже люблю, биты тя не буду.
Ой, ты не поповичъ, а я не попивна,
Ко бысь мене хоть разъ выбывъ, не була бъ звавильна.

CLXXIX.

Посiяламъ руту круту межи берегами;
Ой, якъ тяжко мини житы межи ворогами.
Щожъ я маю тай бидненька зъ ними учинити?
Кого жъ бо я вирно люблю, съ тымъ не даютъ жити.
А вжежъ моя рута крута береженьки поре;

А вжежь моій вороженьци по пидъ боки коле.
Ой, пидужъ я руты круты верхи позрываю;
Вороженьки спати ляжуть, я ся погуляю.
Ой, мисяцю, мисяченьку, заиды за комору:
Не хай я си зъ моимъ милымъ трохи поговорю.
На щожъ тобі, моя мила, собаки тримати,
Маемо мы сосидоньки що вміють брехати.
Коломъ коломъ по надъ водомъ та стежыньки вьются,
Часомъ душа невинная, люди набрешутся.
Не хай брешуть, не хай брешуть, добрешуться лиха,
А ти собі идьма піймо и любимся зъ тыха.
Скрыплые воротенька не могу заперти,
Кого люблю, не забуду до самой смерти.

CLXXX.

Глянь, матинко, на мій посагъ,
Всихъ дружочокъ плетена коса,
А на мене така падтала,
Що я свою росчесала,
Кисками плечи окрыла,
Слизками лычко умыла.

CLXXXI.

Ой, гай, маты, о, гай, маты, ой, гай зелененькій!
Ой, поихавъ на украйну козакъ молоденькій,
Ой, поихавъ, ой, поихавъ, низенько склопився
Та на быту дороженьку съ коня похилився.
Ой, дай, мила, ой, дай, мила, съ видра воду пыти,
Та щей же я перестану за тобой тужити.
Не дамъ я ти зъ видра воды, не казала маты,

Приди, пріиды самъ зъ вечера, буду чароваты.
Чаруй, чаруй, дивчыпонько, на четыре чверты,
Шо бъ ся долго не мучити, щобъ заразъ умерти.
Обчарую руки, ноги, обчарую очи,
Шо бъ до мене не ходили темненькой ночи.
Першесь мене голубила, самась ми мовила,
Теперь хочешь шоби сь мене больше невидила;
И я тебе надъ свитъ кохавъ, булась мини мила,
Бо мя дуже прижадила, самась ми мовила:
Я иншого не кохаю, лышень тебе знаю,
Якъ не буду зъ тобой житы, съ жалю умираю.
Якъ узяли бильши люди къ тоби прибувати,
А ты мене молодого взяла чароваты.

CLXXXII.

Летивъ, летивъ соколонько высоко зъ орлами,
Ударився въ оболопо сивыми крылами.
Ударився въ оболопо сивыми крылами;
Выиди, выйди, сердце мое, съ чорпыми бровями!
Выиди, выйди, сердце мое, хоть съ видромъ по воду,
Не хай же я подывлюся на твою уроду.
Ой, выдиться, що хмурытця, дощикъ покрапляе;
Ой, выдиться, що сердытця, зъ взскоса поглядае,
Ой, выдиться, що сердыться миленька на мене;
Ой, якъ взгляне, сердце вяне въ нея и въ мене.
Плыне човенъ, воды повенъ, а за нимъ весельце;
Чомъ ты мене такъ не любишъ, якъ я тебе, сердце?
Плыне човенъ, воды повенъ, кобы не звернувся;
Щобъ мій милый чорнобрывый похутко вернувся.

CLXXXIII.

Рутку сію, рутку сію, рутку пидлываю,
Рости, рутко, зеленепька, на зиму сховаю.
Молодая дивчинонька рутку пидливала,
Молодому козакови конпка тримала.
Ой, перестань, дивчинонько, рутку пидлываты,
Ой, щежь я перестамъ тяженько вздыхати;
Возьму коня до дунаю заведу доставу.
Завинжесь мя, козаченьку, въ велыку неславу.
Сама ты ся, дивчинонька, въ неславу водыла,
Що пизненько не раненько зъ корчмы выходила.
Якъ я мала изъ корчмоньки ранепько ходыти?
Возьмешъ мене за рученьку, не хочешъ пустыти.
Ой, мала ты добрый разумъ въ своей головонци,
Було бъ мене не слухати въ моей розмовонци.
Ой, мала я добрый разумъ та пустыла въ воду,
Дывуючися, козаченько, на твою уроду.

CLXXXIV.

Половынный мисяченько на неби
Половину земли освитывъ,
Прыйшовъ надъ море не спочивъ.
Ой, мій милый Боже, коби цилый
Шобымъ земленьку освитывъ,
Прыйшовъ надъ море тай спочивъ.
Ой, единъ Ивасенько у батенька
Половину роботоньки зробивъ,
Пришла собота, не спочивъ.
Ой, милый Боже, кобы насъ двое,

Шоби ми роботоньку зробили,
Приде субота, спочили.

CLXXXV.

Ой, зійдымось, подруженьки,
Заспиваймо петривочки.
Ой, сынесенькій пролисочку,
Чи гараздъ тоби у лисочку?
Ой, такъ же мини у лисочки,
Якъ тіи певисти у свекрухи:
Що пизно ляже, рано встане,
Рано встане, пиздно ляже, дило робыть;
Ужежъ вона дило поробыла,
Своей свекруси певгодыла.
Ой, сынесенькій пролисочку,
Чи добре тоби у лисочку?
Ои, добре мини у лисочки,
Якъ тій дивоцци у матери,
Що рано ляже, пизно встане,
А пизно встане, дила не робыть,
А вжежъ вона своіи метенци угодыла,
Ще жъ вона дила не дилала,
А вже молодая поснидала.

CLXXXVI.

Ой, пидъ гаемъ, гаемъ, гаемъ зелененькимъ,
Плыне Дунай чистый да быстренькій;
А надъ тимъ Дунаемъ яворь зелененькій,
Пидъ яворомъ, пидъ яворомъ коникъ вороненькій;
На коніку сыдыть козакъ молоденькій,

Сыдыть, сыдыть на копику, а въ кобзоньку грае,
Струна въ струны промовляе, дивчины пытае:
Дивчинонько моя, чи ты любишъ мене?
Скажи правду, чи пидешь за мене?
Я и сама не знаю, що чипыти маю.
Маю жъ я отця и матку, пиду запытаю,
А ты, козаченьку, также не спишыся,
Маешь ты родыноньку, пиди порядися.
Тильки у мене и родоньки, що кинь вороненькій,
Якъ усяду тай поиду козакъ молоденькій

CLXXXVII

Мала пичка петривочка,
Да не выспалася наша дивочка,
Не выспалася, не нагулялася,
Пришла до дому, батенька боялася.
Ой, дубровна зозуленька, не куй рано у дуб-
Не сбуды жъ мене молодои, [рови,
Избудятъ мене раннiй тебе.
Устань, невѣхно неработнице,
У моемъ доми не кукольнице!
Уже корови у дуброви,
Уже овечечки у чистомъ поли,
Уже и плугатари у толоци,
Уже и твiй миленькiй по тимъ боци,
Да ни переплысты, ни перебресты,
Ни рученьку даты утопаты.
А ты, доненько, знай отгадати,
Що я неутонька упоринати,
Съ ледомъ воды доставати.

CLXXXVIII.

Смѣсь.

1.

Ой, ты, горо каменная, чомъ ся не лупаешъ?
Ой, скажи ми, дивча, правду въ кимъ ты ся кохаешъ?
Хиба бы я зъ писку була, шобы ся лупала,
Хиба бы я дурна була, шобы ся признала.

2.

Ой, я жита не сіяла, само жито сходыть;
Я козака не червала, самъ до мене ходыть,
Я не вмила черовати, ани моя маты,
Не учила то я сосидонька изъ третеи хаты.

3.

Колы жъ мене, сердце, любишъ, не кажи никому,
Бо то люди порозносятъ, якъ витеръ солому.

4.

Бида жъ мини молодому, бидажъ мини, бида!
Не кажутъ ми та любити дивчину въ сосида.
Якъ въ сусида не любити, колы сусидъ близкій,
Та въ сусида гарна дивка, тай перелазъ низкій?

5.

Ой, у поли дви дорози, третья поперечна;
Чи будешъ ми, дивчинонька, на осень беспечна?

6.

Рубай, сыну, яворину, роби, сыну, клынья;
Возьми соби сыроточку, буде господыня.
Не съ каждои яворины буде, ненько, клынья;
Не съ каждой сыроточки буде господына.

7.

Стоить дивка коло танцю, голова биліе,
Якъ погляне на парубка, якъ мало не мліе.

8.

Повій, повій, витре, по высокой гори,
Та росчеши кучерики по моей голови.
Хоть я буду та по гори высокій віяти,
Таки треба кучерики гребенемъ чесати.

9.

Шумить мини, якъ во млыни, въ моей головоньци,
Не могу я привикнуты въ чужій сторононци.

10.

Ой, мисяцю, переградься на дви половины,
Одной свиты мыленькому, а другою мини!

11.

Ой, хлопчину, хлопчинонку, такесь ми миленькій,
Яко въ лити при дорози явиръ зеленькій.

12.

Кобымъ була така красна якъ зора ясна,
Свитыла бымъ знаю кому, николы не згасла.

13.

Кобы знала моя мыла, якесь ми милая,
Яко въ лити при дорози вода студенная.

14.

А якій ты гидкій брядкій, я тя прекрасила,
Билымъ лычкомъ, якъ сопечкомъ, чорными очима.

15.

Повій, витре буйнесенькій, виткиль я тя прошу,
Розвій тугу, розвій тугу, що на сердци ношу.
Повій, витре, изъ за горы, виткиль тя жадаю,
А то зъ тоей стороненьки де милого маю.

16.

Ой, не ходи коло воды билыми погами,
Не урывай сердця мого чорными бровями.

17.

Ой, вже мини не ходыты зеленымъ потокомъ,
Ой, вже мини не любяти, та мужъ пидъ бокомъ.

18.

Ой, хлопець хлопціоватый тай не волоцюга,
Где хороше дивча чую, тамъ ничку почую.
Одну ничку на запичку, а другую въ кутку;
Обицявъ я черевички, гирепькіи міи смутку.

19.

По тимъ боци Днистра воды Гильтай сино косыть,
По симъ боци днистра воды дивчина голосыть;
Бодай сино огнемъ сило, коса зломилася,
Що бы моя дивчинонька тай не журилася.

20.

У которой дивчинонькы брови надъ очима,
То тажъ мене дивчинонька тай розволочила,
То тажъ мене дивчинонька той розволочила,
Та чого я въ свити не знавъ, того научила.

21.

А не кури, Війку, люльку въ моей хатычини,
А не викури очи чорни молодой дивчини.

22.

Пишла бы я на кладочку, кобы не упала,
Пишла бы я за наимыта, кобы не пропала,
Бо въ наимыта воливъ не ма, сорочка не шита,
За наймитомъ дивчиночка симъ разъ на день бита.

23.

Ой, засвити, мисяченьку, тыми долинами,
Куды иде мій миленькій на нич и зъ волами.

24.

А якъ идешъ, любко, на нич, заграйже въ сопилку,
А я выиду послухаю, чи ты тамъ, сокилку;
А якъ идешь, любко, на нич, заграйже въ листочокъ,
А я выйду послухаю, чи твій голосочокъ.

25.

Пане брате, товарищу, мы товарищймо,
А возьмимъ си по дивчини та господаруймо.
Ой, я возьму тай дивчину за билу ручицу,
Переведу тихій дунай тай быстру ричицу,
Переведу, переведу тай ся не замочу,
Шо бы люди не казали, що я ся волочу.

26.

Гей, гицу, мати, гицу за дивчицу катерицу!
Гей, сыну, не загинешь, бо ты ей самъ покинешь.
Выдишъ, маты, що загицу за дивчицу катерицу,
Гей, зъ горы на долыцу тяцуть мене за чуприцу.
Нащо мене, маты, маешъ проклинаты?
Видай Касю за мене, будешъ наша маты.

27.

Гей, далека дороженька видъ вислы до дистру,
Пустывемъ ся тай безъ весла на риченьку быстру,

Ни для того бымъ свитъ звидавъ, ни для того краю,
Ино для той вышеньки, що надъ Днистромъ маю.

28.

Ои, дивчина красна, де ты волы пасла?
Пидъ дубками съ парубками, де травиця красна.

29.

Продай, мама, дви коровы, купи мини чорни брови:
На колодци стояти та на хлопцивъ моргати.
Продай, мати, дви телыци, купи мини шнуровици:
Въ мене цыци трясуться, зъ мене хлопци сміються.

30.

Ой, иду я до керници по студенну воду,
А мій милый чорнобривый кругляе колоду;
А ему не казала: помогай Бигъ, любку.
А винъ другу обіймае, якъ голубъ голубку.
Та най же ю обіймае, якъ самъ соби знае:
Е у мене липшій красшій, що мене кохае.

31.

Не такъ болыть, якъ укусытъ лютая гадина,
Ой, якъ болыть, якъ счаруе любая дивчина.
Якъ укусить гадинонька, знайдешь въ зилу лики;
Якъ счаруе дивчинонька, пропадешь на вѣки.

32.

Коби мини зранку горлочки въ дзбанку

И до того люлька, дивчина ганнулька,
Горилочку пивбемъ, тютюнецъ курывбымъ,
Дивчину ганнульку до себе тулывбымъ.
Кобы мини зъ ранку ковы филижанку,
Сухарця до того, хлопця молодого,
Кафонкубымъ пила, сухарець бимъ ила,
Хлопця молодого до себе тулила.

33.

Ой, тамъ за ричкою сидить молоденька,
Черезъ ричку подай ручку, дивчина мыленька.
Рада бы я рада и оби подати,
Седыть въ хати пидъ виконцемъ ридненькая маты.

34.

Ой, пидъ лисомъ, лисомъ дубиною,
Косивъ ячминь сокирою,
А дивчина громадила,
Козаченька принадила.
Ой, козаче черноусый,
Чомъ у тебе жупанъ кусый?
Мене дивки пидпопли,
Жупанъ мини пидкроили.

35.

По пидъ садъ виноградъ по воду ходыла,
Ой, не давъ же мини бигъ кого я любила,
Але давъ мини бигъ кого я не знала,
Тото за мій перебиръ, що перебирала.

36.

Кобымъ не пывъ, мене не бывъ, то бымъ тя любила,
То бымъ тоби що педили головоньку змыла,
Головоньку змыла, сороченьку дала,
Росчесала кучерики, тай поцеловала.

37.

А на синожати твердо лежати,
А на копыци краше гузыци.

39.

Да встань, Хомко, да бижи швидко,
Да скинь штанину да покажи новину,
Ажъ тая новина по сами коляна.

40.

Ходыть садовникъ по саду, грушки черешни личить.
Ой, вси грушки, вси черешни тилько едную спято.
Ходыть батенько по новой свитлонци, всю челядь личитъ.
Вся чалядонька вся биленькая, тилько ганцю взято.

41.

Чи такъ у васъ якъ у насъ на тій коломыи,
Любивъ козакъ дивчиноньку, а она впала въ помыи.
Чи такъ у васъ якъ у насъ по полю кроппвка,
По шелягу молодецъ, по три копы дивка.

42.

Чистая водыця на писку,
Хорошая пшеница въ колоску,
А высокіе стоги на гумни,
Высши жъ нашъ коровай на столи.

43.

Въ мене полы зашитые, стоятъ ложки не мытые
И смитьячко въ купци; наихали купци
Смитья куповаты.
Що жъ тоби, щебетухо, за смитьячко дати?
Сюды хипъ, туды хипъ, за смитьячко девять кипъ,
А десята кипка, що выбрала титка.

42.

Не ходы по леду, позавалишься.
Чи ты мене вирно любишъ, чи ты званышься?
Въ огороди бузина коренистая,
Чортова дивчина норовистая;
Въ огороди бузына пересаженная,
Чортова дивчина переряженная.

43.

Стукнули ангели въ неби,
Збудили батенька въ гроби.
Вставай, Батенько, до суду,
Ѣде твое дытятко до слюбу.

44.

Покирися, домашенько, покорыся,
Своей ненци поклонися,
Оглянься назадъ себе,
Стоитъ родынонька коло тебе,
Склони ся дома.

45.

Мылила вада мылила,
Маты до дому велила:
До дому, суки, до дому,
Мишайте свиньямъ полову.
А вы, хлощи, за нами,
Ѣжте полову зъ свинями.

46.

Ой, выидите, безштаньки, заспиваймо веснянки,
Зимовали, клочья пряли, не спивали.
О, выидите зъ штанами, заспиваимо зъ вами,
Зимовали, клочья пряли, не спивалы.

47.

Черезъ улыцю метелюха струже;
Ой, видчины, милый, бо пьяна дуже,
Ой, видчины, милый, та своей кохапци,
Я пійшла зъ вечера та пишла у ранци.

48.

Не жаль мини дороженьки що закурилася,

Жаль мини дивчиноньки що зажурилася;
Не жаль мини дороженьки що пыломъ припала,
Жаль мини дивчиноньки що зъ лыченька спала.

49.

Сбиралася громада,
Жинка мужа продала
За три деньги безъ шага,
Накупила пашеньки,
Наробила браженьки,
Закликала симъ панивъ,
А въ тихъ панивъ симъ хохливъ,
И браженьку попыли,
И бражняку побыли.

50.

Десь у тебе, козаченьку, не ридная маты,
Що якъ станешъ на камени, той пидкивки знати.

51.

Ой, козаче гарный, не ходи до Ганны,
А ходы до марушки на билы подушки,
А въ марушки душки четыри подушки,
А пьята маленька, сама молоденька.

52.

Ой, дивчина кумына, тутъ була та нема,
Тутъ вертилася та не знаты де дилася.
Ой, козаче сердыня, возьми мене на коня.
Ой, дивчино машко, на коника важко.

53.

Выпди, ой, выпди, ясная зирка,
Нехъ тя забачу хоть черезъ кватырку.
Взыйди, взыйди, ясное сонце,
Нехъ тя забачу хоть чрезъ виконце.

60.

Ой, лисомъ иду, соби гуду,
Чорни лисы розлягаются,
Ой, хожу я до дивчины,
Вороженьки посміваются.

61.

Стану я на бервено, бервено перехылится,
Иде мій милый коло воритъ и на мене не подывется;
Стану я на бервено, бервено перевернется,
Стоптъ милый съ иншою, видъ мене отвернется.

62.

Ой, чого ты поскрыпуешъ ты, ядпова хата?
Нема добра въ нашемъ сели, бо панпвъ богато.

63.

Повій, повій, бупный вптре, по высокій гори,
Да росчеши кучерики по моей голови.
Хочь я буду да по гори высокій віяти,
Таки треба кучерыки гребенемъ чесаты.

64.

Якъ пдите, хлопци, въ танець, берить рукавыци,
Маты стоять якъ коровы, дочки якъ тельыци.

65.

Ой, пиду я на ярмарокъ й тото упьюся,
Покажу вамъ тіи штуки що перевернуся.

66.

Ходыть волыкъ по надъ дунай, сумненько борыче:
Выпди, выйди, дивчыпонько, бо тя хлопецъ клыче.
Ой, не вишла дивчыпопька, епо еи маты:
Кому треба моей допька, пап иде до хаты.

67.

Ой, не куры, Вуйку, люльку въ моей хатчыпы,
Не выкури очи чорни молодій дивчини.

68.

Ой, ишовъ я черезъ село та ми було стыдно,
Несу курку подъ полою, а ін хвостыкъ видно.

69.

А въ папа папа,
Собака пьяна
Лежыть на саняхъ
Въ червоныхъ штаняхъ.

70.

Апанасъ волы пасъ, катерина бычки;
Пострывай, невтикай, куплю черевички.
Ой, пійшовъ Апанасъ по горилку для пасъ,
Зачепывся за пень дай стоявъ цилый день;
Пійшла жинка отчепыла, дай по шій набыла:
Иду, дурню, до дому — плачутъ диты за тобою.

71.

Чого жъ вража кудла бреше?
Ажъ до мене мылый чеше;
Выйдужъ зъ хаты подывыться,
Щобъ въ годыну незмелыця.

72.

Не буду ся женыты, бо мини ницъ зъ того,
Не стае ми десять грошей до пивзолотого.
Гобъ чукъ кумудра чумудрыха молода.
Недавномъ ся оженывъ буде рикъ въ петривку,
Ой, заберу диты въ торбу, пиду на вандривку.
Гопъ чукъ чумудра чумудрыха молода.
Тай выиду я на село, стано ся на горби,
Огляпуся за себе, чы суть диты въ торби.
Гопъ чукъ чумудра чуму дрыха молода.

CLXXXIX.

Вербовая кладка, гныся не ломыся,
Мене мати, да не ридная,
Шлетъ мене да поводицю

Зъ велыкими да видерци,
Велыть повни браты,
Да не отдыхаты,
Да не велыть отдыхати,
Зъ миленькимъ розмовляти.
Вербовая кладка, гнися да уломися,
Мене мати, да ридненькая,
Шлетъ мене да по водицю
Зъ маленькими да видерци,
Да велыть полни браты,
Да велыть отдыхати,
Да велыть отдыхаты,
Зъ нелюбомъ розмовляты.

CXC.

Взійди, мисяцю, не вечерпся;
Идь же, Ивасю, не становися,
Не пасы коня у чистого поля,
Попасешь коня у теста на двори,
У теста на двори, на шелковой трави.
Ой, идъ, сыночку, въ счастливу годыночку,
Часъ привизъ любую дружиночку.
Съ князева двора сивъ кинь выступае,
Не самъ же винъ выступае,
Староста выѣзжае.
А у нашего Ивася чорненькіе очи,
Не боигеся ни видъ темной ночи,
Ѣде до милой хоть о пивночи.
Чого жъ я маю ночки бояться?
Сивъ кинь пидо мною, милъ Бигъ надо мною,
Моя сванечка поручь за мною.
Засвити, мисяцю, съ ясною зорою

Надъ моею головою,
Повій же, витроньку, стиха по маленьку,
Та повій же ты межи гороньками,
Занеси вистечки до моей тещеньки,
Не хай застилае тисовые столы,
Не хай застилае кружчатые убрусы,
Не хай наповняе повны повныци,
Не хай засвитыть восковые свички,
Не хай ся сподивае жадного гостя,
Жадного гостя, молодаго Ивася.

CXCI.

Ой, на риченци на Іордани,—
Шедрый вечеръ, добрый вечеръ,
Добрымъ людямъ на весь вечеръ!
Тамъ пречиста рызи прала,
Шедрый вечеръ, добрый вечеръ и пр.
А выправши повисыла на ялыни.
Прилетилы два янгелы
Та взялы ризы на крылечка,
Понеслы ризу на небеса;
Вси небеса растворилися,
Вси янгелы поклонилися.
Шедрый вечеръ, добрый вечеръ,
Добрымъ людямъ на весь вечеръ!

CXCII.

Ой, петривная зозуленька,
Та не куй рано въ дуброви,
Не сбуди мене молодои:

У мене свскоръ, не батенько,
У мене свекруха, не матенька,
У мени диверки, не братики,
У мене вдовици не сестрици,
Та сбудятъ мене раньше,
Ранній росы оббывати
И капусту полывати;
Та встань, невистко не робитныця,
Своему добру не кукубниця.
Встала невистка, послухала,
Взяла видерце, постукала,
Опять голову укутала.

CXCIII.

Ой, чомъ не прыйшовъ, якъ я тоби велпла?
Всю ниченьку, серденько, свичка горила.
Ой, чомъ не прыйшовъ, якъ я тоби казала?
Всю ниченьку, серденько, скраю лежала.
Я за тимъ не прыйшовъ, що щобитъ не напшовъ,
А въ батькивскихъ не допшовъ, що чортъ мае подопшовъ,
А сестра не дала, що соби добула,
А въ своихъ стыдно, що устички видно.

CXCIV.

Ни Ивася у виночку,
Ни Ивася у таночку,
Поихавъ на ловы,
На коростявымъ кони,
Мышечокъ ловыты,
На Вечерю варыты.

Що мышка пыспе,
То винъ зубами стысне,
Що мышка квякне,
То винъ ее кулакомъ гракне,
Що мышка пидъ мистъ,
То винъ ее зубами за хвистъ,
Не пару я ходакивъ зтоптавъ,
Поки тебе, мышко, злапавъ,
Постый, мышку, постый,
Зробу съ тебѣ постилъ,
Зроблю съ тебѣ шубу,
Марусю до нелюбу.

CXCV.

Ой, я ракъ не боракъ,
Запорожскій козакъ,
Якъ вощыпну буде такъ,
А я коза бедра,
А пидъ бока ведра,
Стуку пуку нижками,
Сколю тебѣ рижками,
Хвостыкомъ пидмету,
Рижками вынесу.
Кукурику кудкудакъ,
Забывъ рыбу хвостомъ ракъ,
Колы бъ рыба не дурна,
Тобъ ся раку не дала.

CXCVI.

Пріѣхала молодая маты,

Где мы ее положимо спаты?
Положимо на печи, та на печи душно,
На прыпичку важко, а на земли блохи;
Выведемо ей до коморы трохи,
Щожъ тутъ слыхать, чорные кунци выдать,
Кунко голубко, шатайся, мотайся, не дайся.
Якъ мини шататься, мотаться, не дасться,
Колы мини батько веливъ, колы мыни казала маты
Сивому голубу дати чорную кунку мотаты.

CXCVII.

Ой, засвичу я ясную свичу,
Пущужъ ей ажъ до Бога,
Щобъ моему миленькому
Счасливая дорога.
Засвичужъ я ясную свичку,
Пущужъ ее по надъ ричку,
Щобъ моему миленькому
Було видно на всю ничку.
Романъ зилье, Романъ зилье,
На дороженьку похыляется,
Гдесь мій милый чорнобрывый
Черезъ люди поклоняется.
Ой, щожъ мини по Роману,
На роману ягодокъ не ма,
Ой, щожъ мини по поклону,
Колы его самого нема.
Вытоптала черевички
Пидъ гору пидхождаючи,
Выплакала чорни очи
Тебе, сердце, выглядаючи.

CXCVIII.

Сонъ головонько клонытъ,
До комороньки гонытъ,
На билы подушечки,
Тамъ спаты не дужечки.
Встае зъ ложа,
А за нею Маты Божа,
Взложила корононьку
На еи головоньку.
Посадыли квитоньку
Коло винограду,
Дай, Боже, тымъ дытонкамъ
На многіе лита.

CXCIX.

Росточено поволочено по синяхъ,
Разстелено чинны скатерти по столу.
Куда мы пшла красна Касуненька на посагъ?
Питается довидуется видъ Батенька,
А видъ кого мій батенько посагъ ставъ?
Видъ Бога, видъ добрыхъ людей, дитятко,
Посягуется самъ Господь Богъ съ ангелами,
Посагуется, мое детатко, съ другами.

CC.

Сыну мій дударыку,
Тыжъ було селомъ идешъ,
Тыжъ було въ дуду гудешъ,

Якъ ударишъ у дуду,
То все лыхо забуду,
А теперь тебе не мае,
Дуда твоя гуляе.
Ой, пiйду я у комору по муку, по муку,
Тай ударю дудочку по боку, по боку,
А дудочка тыныны, тыныны,
А я въ скоки та у боки,
На въ присидки у долони,
Разсыпала кившъ муки по комори;
Ой, пiиду я по току да по копаному,
Выплакала кари очи да по коханному;
Ой, пiиду я по току дай по гладенькому,
Выплакала кари очи по мыленькому.

CCI.

Та булажъ въ мене жинка, та була жъ въ мене зирка,
Да послала мене въ лисъ—дай у лисъ по дрова,
Та дала жъ мини сокыру, та далажъ мини тупую,
Щобъ я утомывся, въ лиси забарывся.
А Богъ мини погодывъ, я сокырю изломывъ,
Такъ я й не втомывся — въ лиси не барывся.
Та була жъ въ мене жинка, та була жъ въ мене зирка,
Та послала мене у лисъ — да й у лисъ по дрова,
Та дала жъ мини хлiба, та дала жъ мини сухого,
Щобъ я подавився, зъ лису не вырнувся.
А Богъ мини погодывъ, собака хлiбъ ухопывъ,
Такъ я й не вдавывся, въ лиси не барывся.
Та була жъ въ мене жинка, та була жъ въ мене зирка,
Да послала мене у лисъ, да й у лисъ по дрова,
Та дала жъ мени шкапу, та дала жъ мини линыву,
Зъ нею бъ повозывся бъ, въ лиси опызнывся.

А Богъ мини погодывъ, кобылу вовкъ задушивъ,
Такъ я не пизнывся, въ лиси не барывся.

CCII.

Ой, у поли дви тополи,
Одна другу перехылюе,
А въ козака да дви дивчыноньки,
Одна другу перепытуе:
Ой, сестрычко, ты, подружко,
Чи була жъ ты да на улыци?
Ой, хочь и була да щей чи бачила
Козаченка того на игрици?
Ой, якъ же мни дай не бачыть,
Колы я зъ нымъ да й постояла?
Тяжко вздыхае — тебе вспоминае
Да все зъ тебѣ насмѣхается...

CCIII.

Гей, маты, да негай мене,
Въ далеку дорогу выряжай мене,
Бо темна жъ ничка да не выдная;
Голивонька жъ моя бидная,
Кинь вороный спотыкаецця,
Козаченьку да дримается,
Пущу коня на долыну,
А самъ ляжу да й спочыну.
Шатлывая та годынонька,
Деся взялась да дивчинонька,
И варвала да травыченку
Да вдарыла да по лыченьку:

Вставай, козакъ, годи спаты,
Твого коня хочуть турки взяты,
Коня возьмутъ, другiи буде,
Тебе зарубаютъ, мини жаль буде.
Десь ты мене да дивча любишъ,
Що ты мене рано такъ будышъ?
Якъ бижъ тебе я да не любыла,
За тобою въ степу и не бродыла,
А тожъ тебе здавна я кохаю,
Добрю славу я зневажаю.

CCIV.

Сонце нызенько, вечеръ блызенько,
Засмутылося мое серденько,
Засмутылося не веселытця,
Десь мое серденько довго барытця.
Ой, прiйды, прiйды, не буде крывды,
Якъ буде кривда, я буду винна!
Ой, прiиди, прыйди, не забарыся,
Вечеръ блызенько, не опизныся.

CCVI.

Загадки.

1.

Прiйшовъ хтось,
Взявъ щось,
Ябъ пишовъ за нимъ
Та не знаю за кимъ (огонь).

2.

Крыкнувъ вилъ на сто гинъ
На тысячу городивъ (Громъ).

3.

Бижать кони булани,
На ихъ узды порвани,
Узлыки знать
Да не развязать (звѣзды).

4.

Пришла пани
Въ зеленомъ жупани,
Добрыдень дала,
Та й у порога лягла (вѣникъ).

6.

Якъ бы не дидивъ чунчукъ,
То бабина бъ чупурда
По пупа заросла.

7.

Высить бовтается,
Всякъ за его хапается (замокъ).

8.

Маты гладуха,
Дочка красуха,
Сынъ кучерявый.

9.

Сыдить баба наганку,
Довбается въ поганку.

10.

Костьянъ, деревьянъ,
Черезъ гору свини гнавъ.

11.

Лысый вилъ скризъ ворота дывится.

11.

Сыдить дидъ надъ кручею,
Заткнувъ сраку онучею.

12.

Лежыть Гася,
Простяглася,
Якъ бы встала,
Той неба достала.

13.

За лисомъ за пролисомъ талалай плеще.

14.

Прилитивъ птахъ на шестыхъ ногахъ,
Сивъ на могили: Боже мій милый,
Надъ всимъ мини волю ты давъ,
Надъ царями, надъ панами,
Тильки не давъ мини воли,
Що рыба въ мори (комарь).

15.

Гувъ, гувъ,
Дидъ бабу нагнувъ,
Мохнате протнувъ,
Солоденьке выкусивъ (орѣхъ).

16.

Маненькій погрибець
Повенъ яецъ (зубы).

CCVII.

Кобы я была такъ красна,
Якъ та зора ясна,
Свитыла бы мыленькому,
Николы не згасла.
Свитыла бымъ въ день и въ почи,
Разбываламъ мару,
Якъ бы ишеу до другой,
Зашла бымъ за хмару.
Та становши за хмароньку,
И темности цилой,
Сказала бымъ заплакавши:
Покинувъ мя милый.
Ой, скрыпливы воротеньки,
Тяжко ихъ заперты,
Кого люблю, не забуду
До самой смерти.
Кого люблю не забуду,
Ажъ буду вмираты;
Тильки его чорни очи
Буду вспоминати.
За вше о то Бога прошу,
Бысь ты былъ счасливый
Не за мною, то съ другою,
Бось ты серду милый.

CCVIII.

Якъ пишла Ганна въ дунай по воду
И ступила Ганна на хитку кладку,
Ганна моя панна,
Ягода моя червоная!
Кладка схитнулась, Ганна втонула,
Якъ потопала, трычи зрынала,
Ганна моя панна,
Ягода моя червоная!
Ганнына маты громаду збирала,
Громаду збирала, усимъ заказала:
Не берите, люды, у Дунаи воды:
Въ Дунаи вода Ганнына слиза.
Не ловите, люды, у Дунаи щуки:
Въ Дунаи щуки Ганныни руки.
Не ловите, люды, у Дунаи сомивъ:
Въ Дунаи сомы Ганныни ноги.
Не ламайте, люди, по лугамъ калыны:
По лугамъ калына Ганнына краса.
Не рвите, люды, по лугамъ терну,
У лузи теренъ — Ганнины очи.
Не косите, люды, по лугамъ травы,
По лугамъ трава Ганнина коса.
Ганна моя панна,
Моя ягода червоная!

CCIX.

Посію я рожу, поставлю сторожу,
Стороною дощикъ иде стороною,
Надъ моей рожой червоною.

Не певна сторожа, выломана рожа,
Стороною дощикъ иде стороною,
Надъ моею рожою червоною.
Выйшло на рожи три мисяца ясныхъ,
Три мисяца ясныхъ, три молодця красныхъ.
Перший молодчикъ молодый Василько,
Другій молодчикъ молодый Иванко,
Третій молодчикъ молодый Павличко.
Посію я рожу, поставлю сторожу,
Стороною дощикъ иде стороною,
Надъ моею рожою червоною.
Не певна сторожа, выломана рожа,
Выишло на рожи три зирочки ясныхъ,
Три зирочки ясныхъ, три дивочки красныхъ.
Перша дивочка — молода Одарка,
Другая дивочка — молода Оксанка,
Третья дивочка молода Оленка,
Стороною дощикъ иде стороною,
Надъ моею рожею червоною.

CCX.

У кіевѣ на рынку
Пьютъ козаки горилку.
Шинкарочка молода,
Повирь меду и вына.
Яжъ на виру не продамъ,
Бо на тоби жупанъ дранъ.
Хоть на мини жупанъ дранъ,
Есть у мене грошей джбанъ.
Колы кажешъ грошей джбанъ,
Я за тебе дочку дамъ,
Ой, хоть дочку не дочку,

Вирнесеньку наймычку.
Въ Суботоньку змовлялы,
Въ недилоньку звинчали.
Ой, у ранци винчались,
А въ вечерѣ пыталысь:
Ивасеньку молодый,
Видкиля ты родонькомъ?
— Я зъ Кіева Иваненко,
По прозвищу Війтенко!
Марусенька молода,
Видкиля ты родонькомъ?
Я зъ Кіева Иванивна,
По прозвыщу Війтивна.
Якій теперь свитъ наставъ,
Що братъ сестры не пизнавъ,
Дурни й попы насталы,
Сестру съ братомъ звинчали.
Ходимъ, сестро, въ темный лисъ,
Не хай же насъ звиръ изъисть!
Ходимъ, брате, горою,
Розъсіймося травою!
Ой, ты станешъ сынiй цвитъ,
А я стану жовтый цвитъ,
Буде слава на весь свитъ,
Будутъ люды цвиты рвать,
Изъ насъ грихы избирать;
Будутъ люды косыты,
За насъ Бога просыты,
Ой, сей жъ травыця,
Що съ братикомъ сестрыця [1]).

---

1) Иванъ да Марья. Melampyrum съ желтыми цвѣтами и синими процвѣтниками. Ростетъ въ лѣсахъ.

CCXI.

Я сегодня тута, а завтра поѣду,
Будешъ, мила, припадаты ажъ до мого слиду,
Будешь припадати, мене вспоминаты,
Чому съ миленькою довго не видати.
Ой, не буду, мылый, далыби не буду,
Горювала за тобою, той и безъ тебе буду!
Ой, на гори ячминь, пидъ горою жыто,
Пришла звистка до милои, що милого вбыто,
Ой, убыто, убыто, затягненно въ жито,
Червоною китайкою лыченько прыкрыто.
Прилытила пава (жена), на лыченько впала,
Кытаечку пиднимае, къ ему промовляе:
Чы ты, мылый, упывся, чи зъ копыка убывся,
Чы за мною молодою сильно зажурывся?
Ни я, мыла, упывся, ни съ коныка убився,
Пришла туга до серденька, тымъ я искончився.
Прилетѣла пташка (душа), бѣля его упала,
Таки очи, таки брови, якъ у мого пана.
Прилетѣла пташка малевани крыльця,
Таки очи, таки брови, якъ у мого грыця.

CCXII.

Жена мужа выряжала,
Выряжаючи проклинала:
Бодай ихавъ не доѣхавъ,
Щобъ кинь ему горою ставъ,
А шабелька дорогою,
А шапочка купиною,
Сини сукни чистымъ полемъ,
А самъ молодъ яворонькомъ!
Пишла мила въ поле жаты,

Стала хмарка набигаты,
Дай ставъ дожчикъ накрапаты.
Пишла мыла пидъ явора:
Яворoньку зелененькій,
Прикрый диты сыротеньки!
Ой, и яжъ не яворонько,
Я жъ тымъ дитямъ да батынько,
Знаешъ, мыла, що казала,
Якъ ты мене выряжала,
Выряжаючи проклинала.

ЮЖНО-РУССКІЯ ПѢСНИ.

1.

По огородци ходыла, лебедочку гоныла;
Чи я тоби, мій миленькій, за наймичку робыла?
Якъ я тоби за наймичку робыла, то ты мини заплаты,
А якъ за хозяйку робыла, такъ мене босою не воды.
Чего сидишъ надулася, чому въ кожухъ не вдяглася?
Ой, якъ мини не дутыся, що ни во що обутыся.
Ои, якъ гляну я пидъ стôлъ, лежить чобитъ якъ постôлъ.
Обулася, тай пишла, слава Богу, що найшла,
Черезъ гребельку иду, якъ голубка гуду,
Не журися, мій родоньку, бо не боса я иду.

2.

Чи я плыла, чи я брела, чи мене пидлыто,
Чи той козакъ не ставъ любиты, чи ёго отбито;
Отбивала щука рыба отъ берега ряску,
Потеряла дивчинонька отъ козака ласку;
А я тую дрибну ряску беру па запаску,
Таки тому козакови пôдойду пôдъ ласку.
Враждують вражи люды,
Що вдовинъ сынъ дома не ночуе.
Божилась вдивонька, передъ паномъ стоя,
Далиби добродію, сынъ дома ночуе.
А зъ вечера постиль стеле, а въ свити лягае,
Не разъ, не два, у дивчины чобитъ отбигае.
Забувъ чобитъ, забувъ юпку у дивчины любки,
Забувъ люльку, забувъ шапку у дивчины Гапки.

3.

По пидъ мостомъ трава росла, ривняется зъ мостомъ,
Кращій парень отъ дивчины, станочкомъ и зростомъ.
Чи не будешь по мини тужиты,
Якъ пиду я въ чужу землю, государю служиты?

Ой, не буду, козаченько, дали би не буду,
Горювала я зъ тобою, то й безъ тебе буду.
Ты за гору, за круту, я тебе забуду.
Не выихавъ козаченько за нови ворота,
Не взялася дивчинонька ни ижа, ни роботы,
Не выихавъ козаченько за жолты пѣски,
Бижить за нымъ дивчинонька пишка:
Вернись, козаченько, матуся умирае.
Не вернуся, забаруся, війска остаюся.
Не выихавъ козаченько за жолты палаты,
Бижить его стара маты:
Ой, верныся, мій сыночку, дивчина умира́е.
Буду, маты, коня гнаты, щобъ живу застаты,
Не застану я живою, застану на лави,
Не застану на лави, застану въ ями.
Дубовая домовина, мурована яма,
Лежить моя дивчина, якъ рыба вьяла.

4.

Въ суботу родителей упоминала,
Въ нидилю на висильячку погуляла;
Въ понидилокъ на похмильечку лежала,
Въ вивторокъ развивъ сорокъ похмиляла.
Встану я въ середу ранесенько,
Да выведу три ниточки тонесенько;
Якъ набижать пухирчики,
Якъ побаче мій миленькій, дай заплаче:
Не пряды, моя мила, не неволься,
Дождемся лита, красной весны, зеленой, лопуховой,
Да пошіемъ сарахфанчикъ,
Застуденчикъ, застибончикъ, лупоховій,
Да пидемъ по пидъ лисомъ,
По пидъ гаемъ, по пидъ садыкомъ, по пидъ зеленымъ.
Десь узялыся козы зъ лозы, все поповы,

Да й объилы сарахфанчикъ,
Застуденчикъ, застыбончикъ, лопуховій.
Якъ поидемъ по за лисомъ,
По за гаемъ, по за садыкомъ, по за зеленымъ,
Щобъ насъ люды не бачили, и не назвали ледачими.

5.

Ой, давно, давно я у батька була,
Стежка, дорожка тереномъ заросла,
Тереномъ заросла, ще й шепшиною,
Ой, якъ була я у батенька, ще й дивчиною.
А я якъ схочу, теренъ потопчу,
Ой, та до свого батинька у гости полечу.
Ой, сяду упаду у батенька у саду,
Ой, у батинька саду на винограду.
Ой, що мій батенько по двору ходыть,
Ой, вороного коня за поводы водыть.
А найстаршій братъ коня сидлае,
Ой, середушій братъ дрова рубае,
А найменьшій братъ лукъ заряжае,
Ой, на тую зузулю та поглядае.
Выходыть зъ хаты старая жена,
Ой, старая жена, матуся моя.
Ой, не стреляй, сыне, въ тои зузули,
Ой, якъ тои зузули на садовини,
Ой, то такъ вашей сестри на чужини.

6.

Ой, у поли озеречко, тамъ плавало ведеречко,
Соснове ведерце, дубовее денце;
Покумаемося, мое сердце.
Ой, нащожъ намъ кумоватыся, гриха набиратыся.

Сидлай, хлопче, коня, та выизжай зъ двора,
Ой, щобъ же намъ не знатыся.
Ой, у поли трава шамъ, шамъ,
Винъ до мене ходыть самъ, самъ;
Черевички въ билыхъ ручкахъ несе,
Винъ до мене босый чеше;
Щобъ подкивки не брянчалы,
Щобъ собаки не гаргалы, щобъ вороженьки мовчалы.
Ой, пиду у лисочокъ, да вырву я листочокъ;
Буду пристылаты, буду прикрываты свого милого слидочокъ.
Ой, щобъ тая ранняя пташка по слидочку не ходыла,
Ой, щобъ тая стыдка, щобъ тая брыдка, зъ милымъ не говорила.
Та вжежъ тая ранняя пташка по слѣдочку походыла,
Та вжежъ тая стыдка, та вжежъ тая брыдка зъ моимъ милымъ поговорила.

Варіантъ той же (старинная).

Ой, у поли озеречко, та плавало ведеречко,
Сосновое ведерце, дубовое денце.
Ой, не цураемся, сердце, а хоть покумаемся:
Де найбильше стоить челядоньки, родыной называемся.
Яжъ не хочу куматься и славоньки набираться,
Сидлаю коня, пойду изъ села, щобъ и въ вичи не видаться.
Ои, пуду я пиду по пидъ темнесенькимъ лугомъ,
Ои, чи не встрипуся, чи не побачуся зъ милесенькимъ другомъ.
Ни гдѣ ни встричалася и ни гдѣ не бачилася,
Тилько слидочокъ зъ пидъ билый снижочокъ,
Ой, де мій милый походывъ.
А я лыстонько рвала, да слиды прикрывала,
Ой, де мій милый походывъ.

7.

Ожевывся молодъ, тай не поволи!
Тай взявъ жинку, не до любови,
Не биле лычко, не чорни брови.
Тай пишовъ молодъ въ Китай городъ,
Тай продавъ молодъ та жупанъ синій,
Та купивъ молодъ корабель новый,
Давъ за корабель семдесять рублей,
Семдесять рублей и зъ полтыною,
Тай пустывъ корабель на сине море,
Тай взійшовъ молодъ на круту гору,
Тай глянувъ молодъ по синему морю:
Корабель плыве, ажъ море ревѣ;
А мила сыдыть, якъ свича горыть,
А дитыночка, якъ рожиночка.
Ой, вернысь, мила, голубко сыва.
Не вернусь заразъ, не любивъ гораздъ,
Не вернусь муже, бо ты бьешь дуже.
Що було тило, якъ папиръ било,
А теперь тило то почернило.

8.

Ой, отъ моря, та до моря, битая дорога,
Туды жъ моя поихала любая розмова.
Ой, прикропи дробепъ дощикъ битую дорогу,
Та заверпи, милый Боже, любую розмову.
Ой, не буду прикропляты, нехай засыхае,
Ой, не буду завертаты, нехай заизжае.
Ой, куды жъ ты отъизжаешь, сизокрылый орле,
Ой, хто мене, та безъ тебе, сей вечеръ прегорне?
Пригортайся, дивчинонька, къ другому такому,
Тай не кажи тіи правды, що мини самому.

Ой, якъ мини, козаченько, правды не казаты,
Буде стыдкій, препоганый, тобою докоряты.
Ишли коровы изъ дубровы, а овечки зъ поля,
Плаче, плаче дивчинонька, край козака стоя.
Не плачь, не плачь, дивчинонька, така твоя доля,
Полюбила козаченька, при мисяцю стоя.
Ой, поплыви, щука рыба, противъ воды тыхо,
Нейды, дивко, за вдивця, буде тоби лыхо,
Ой, вдовець, не молодець, вси норовы знае,
Ой, винъ тебе молоду побье и полае,
Ой, винъ твое било личко до свого зровняе.

9.

Била жинка мужика, била жинка дурака,
Пишла позываты, й пишла позываты.
Присудыли мужику, присудыли дураку,
Щей жинку прохаты, щей жинку прохаты.
Сыдыть мила на покути, сыдыть мила на покути,
Нижки подобгавши, й нижки подобгавши.
Стоить милый у порога, стоить милый у порога,
И шапочку знявши, ей и шапочку знявши.
Просты мене, моя мила, прости мене, моя мила,
Що ты мене била, ей що ты мене била.
Куплю тоби цеберъ меду, куплю тоби цеберъ меду,
И коновочку пива, ей и коновочку пива.
Ой, отъ пива болыть спина, а отъ пива болыть спина,
А отъ меду голова, эй а отъ меду голова.
Купы, милый, горилочки, купи, милый, горилочки,
Щобъ я весела була, эй щобъ я весела була.
Нельзя копю воды пыть, нельзя копю воды пыть,
Вода студяная, эй вода студяная.
Нельзя мужу жены бить, нельзя мужу жены бить,
Жена молодая, эй жена молодая.

10.

Ой, пила, пила неумириха на меду,
Тай пропила свою дочку молоду.
Ой, пила жъ, пила неумириха на рынку,
Тай пропила свою дочку Маринку.
Хто дасть мини цеберъ меду и вина,
То тому жъ буде моя дочка молода.
Озовеся шенкаренько молодый:
Яжъ дамъ тоби цеберъ меду и вина,
То нехай мини твоя дочка молода.
Ой, у недилоньку рано пораненьку, до схода солнця,
Ой, плакала Неумиривна у виконця.
Ой, зачиню, моя матинько, зачиню,
Ой, не люблю шенкаренка, покину.
Та пишла, пишла Неумиривна, пишла прочь,
А за нею шенкаренко на всю ночь.
То що ни жене, Немиривну той не бье,
Та все ёи хорошенько питае.
Та чого жъ, чого, Неумиривна, сама идешь,
Чи ты у мене служебочокъ не маешь?
На що жъ мини и служебочки твои,
Що ты самъ молодъ, не до мыслоньки моей.
Пишла жъ, пишла Неумиривна шляхами,
А за нею шенкаренко зъ ляхами.
Та що ни жене, Неумиривну той не бье,
Та все ёи хорошенько питае.
Чого жъ, чого, Неумиривна, пишки идешь,
Чи ты жъ у мене вороныхъ коней не маешь?
На щожъ мини ворони кони твои,
Що ты самъ молодъ, не до мысленьки мини.
Пишла жъ, пишла Неумиривна пожаремъ,
А за нею шинкаренко вже й конемъ.
Та пожаръ ноги Неумиривны поджега,

Горяча кровь еи слидоко залыва.
То що не жене, Неумировну той не бье,
Та все еи хорошенько пытае.
Чого жъ, чого Неумировна боса идешь,
Чи ты у мене черевичкивъ не маешь?
На щожъ мини и черевички твои,
Що ты самъ молодъ, не до мысленьки мини.
Ой, дай мини, шенкаренко, ножика,
Уризаты тоненького полотеньця,
Завязаты биленькую нижечку;
Та не улучила Неумировна у полотенце,
Та улучила Неумиривна у сердце.
О, теперь же, шенкаренку, я твоя,
Бери мое биле тило на коня,
Тай повези до матуси до двора,
Та не хай мене моя матуся похова.

11.

Ой, здорова дивчина попова
Въ огороди морковцу полола.
Ой, сполола морковцу и пустернакъ,
Поколола ниженьку на будякъ.
Болыть моя ниженька зъ будякомъ,
Болыть мое серденько за дьякомъ:
Ой, подите по Семена по дьяка,
Чи не выйме изъ ниженьки будяка.
Добри вечеръ, дивчиненько, куды идешъ?
Кажи мини всю правдонько; де живешь?
Ой, живу я, козаченько, край воды,
Збудувала свитлоньку зъ лободы,
А синечки, присинечки зъ кроковци,
Зъ хорошого дерева зъ морковци.
Не выросте бильшая лобода,

Та не буде кращая попадья;
Старый пипъ, широкая борода,
Не хай его грецъ любе, а не я.
Ой, не ходы, батюшка, ты служить,
Бо уже матушка забижить.
Ой, не ходы, батюшка, винчаты,
Бо матушка пиде гуляты.
Пипъ въ церкви винчае, годае:
Ой, чи дома моя мила попадья?
Повинчавъ, та до дому прибижавъ,
Винъ своеи попаденьки не заставъ.
По улыци патлями мотае,
Кого встрине, попаденьки питае.
Пытавъ, пытавъ, пападеньки не напавъ,
Зачепывъ рукавами, тай упавъ.
Бодай тебе, попаденько, грецъ узявъ,
За тобою увесь рукавъ обирвавъ;
Набигавши, пиду ляжу спаты,
Годи мини попадьи шукаты.
Прибигае попаденька й у ночи,
А пипъ гарчить якъ скаженый на печи.
Устань, пипъ, я на тебе подывлюсь,
Сама соби подумаю, засміюсь.
Ой, ты думавъ, я у табаци гуляла,
Ты винчавъ, а я зъ заду стояла.

12.

Щой у тебе, ты мій мужъ, а личина борода,
Сивъ, сивъ, думавъ, думавъ, а личина борода.
А личина борода и собача хода,
Сивъ, сивъ, думавъ, думавъ, а собача хода.
И собача хода, и свиняча ѣда,
Сивъ, сивъ, думавъ, думавъ, и свиняча ѣда.

Якъ поѣхавъ старичокъ та на ярмачокъ,
Купивъ соби старичокъ ремененькій батижокъ,
Ремененькій батижокъ и дротяныи вожки,
Сивъ, сивъ, думавъ, думавъ, дротяныи вожки.
Звязавъ молодый и рученьки и нижки,
Сивъ, сивъ, думавъ, думавъ, и рученьки и нижки.
Посадывъ молоду до стины очима,
Сивъ, сивъ, думавъ, думавъ, до стѣны очима.
До стины очима, на хату плечима,
Сивъ, сивъ, думавъ, думавъ, на хату плечима.
Скажи жъ теперъ, молода, яка у мене борода,
Сивъ, сивъ, думавъ, думавъ, яка у мене борода.
Щой у тебе, ты мій мужъ, шолковая борода,
Сивъ, сивъ, думавъ, думавъ, а шолковая борода.
А шолкова борода, офицерска хода,
Сивъ, сивъ, думавъ, думавъ, офицерска хода.
Офицерска хода и все паньска ѣда,
Сивъ, сивъ, думавъ, думавъ, все паньска ѣда.

13.

Ой, що Хома да Ерема да родніе братья,
Що на Хоми и на Ереми тай однакови платья.
Що на Хоми безъ рукава, а на Ереми такъ подрались.
Изишлись воны до купочки, и порадовались и распечалились:
Ото, брате, наше дило, у поли хлиба робыты.
Провивъ Хома плугъ, плугъ, а Ерема сошку,
Запригъ Хома вола, а Ерема коня.
Хома каже: «гей, гей», а Ерема каже: «ну, ну».
Що Хомынъ не везе, а Еремынъ не тягне.
Ой, бье Хома дубиною, а Ерема хлодыною,
Що Хома коня убывъ, а Ерема облупавъ.
Изишлись та до купочки, и порадовались и распечалились:
Не то, брате, наше дило, у поли хлиба робыть,

Ото брате наше дило, а до церкви ходыть.
Пишовъ Хома въ церковь, а Ерема въ олтарь,
Узявъ Хома книги, а Ерема рызы.
Ой, ставъ Хома читаты, а Ерема спиваты.
Десь узявся пономарскій сынъ,
Якъ ударывъ Хому въ носъ, а Єрему въ пыку,
Начинылы воны повну церковь крику.
Изишлись воны до купочки и порадовались и распечалились:
Не то, брате, наше дѣло до церкви ходыть,
А то, брате, наше дѣло сини горшки возыть.
Набравъ Хомъ возъ, возъ, а Ерема два два,
Поихалы на базаръ, ставъ Хома въ мисти, а Ерема у басти.
Що у Хомы не купують, а у Еремы не торгують,
Що у Хомы розибралы, а у Еремы розхвоталы.
Изишлись воны до купочки и порадились и распечалились:
Не то, брате, наше дило сини горшки возыты,
А то, брате, наше дило по за кущемъ ходыты.
Ой, спвъ Хома пидъ кущемъ, а Ерема за кущемъ.
Десь узявся чоловикъ съ кійкомъ,
Якъ ударыть Хому кійкомъ, а Єрему килькомъ.
Изишлись воны до купочки, и порадились и распечалились:
Ото, брате, наше дило по за кущемъ ходыть.

14.

Та пропывъ чоловикъ бугая,
А жинка корову и теля:
Ой, человиче, та покоймося,
Та ходимъ до домоньку, та порадьмося,
Ще щось пропьемо.
Та пропывъ чоловикъ барана,
А жинка вивцю и ягня.
Ой, чоловиче, то покоймося,
Та ходимъ до дому та порадьмося,

Ще щось пропьемо.
Та пропывъ чоловикъ кабана,
А жинка свиню и порося.
Ой, чоловиче, та покоймося,
Та ходимъ до домоньку та порадьмося,
Ще щось пропьемо.
Та пропывъ чоловикъ гусака,
А жинка гуску и гусыня.
Ой, чоловиче, та покоймося,
Та ходимъ до домоньку, та порадьмося,
Ще щось пропьемо.
Та пропывъ чоловикъ селезня,
А жинка качку и когиня.
Ой, чоловиче, та покоймося,
Та ходимъ до домоньку, та порадьмося,
Ще щось пропьемо.
Та пропивъ чоловикъ пивня,
А жинка курку и курчиня.
Ой, чоловиче, та покоймося,
Та ходимъ до домоньку, та порадьмося,
Ще щось пропьемо.
Та пропывъ чоловикъ подушки,
А жинка съ полу вси доски.
Ой, чоловиче, та покоймося,
Та ходимъ до домоньку та порадьмося,
Що щось пропьемо.

15.

Якъ поихавъ королевичъ на прогулянье:
Та покинувъ галюточку на горюванье.
Привязавъ коня до явора, самъ лигъ почивать.
Ой, приснився, привидився чудный, дывный сонъ.
Пидъ правою та рученькою мисяцъ зійшовъ,

Изъ пидъ ливые, зъ пидъ билой рученьки выленувъ соко-
Якъ поихавъ королевичъ до бабусеньки: [ломъ.
«Бабусенько, голубонько, видгадай сей сонъ:
Изъ пидъ правой та рученьки мисяцъ зійшовъ,
Изъ пидъ ливои изъ пидъ билои выленувъ соколомъ».
Ой, поизжай, королевичъ, до свого двора,
Та вжежъ твоя галюточка сына родыла,
Понаймала мамокъ, няпекъ, сама полягла.
Якъ поихавъ королевичъ до свого двора,
Ой, якъ выйшла противъ ёго що найстарша свисть:
«Здоровъ, здоровъ, чужій зять, теперь ты не нашъ,
То вжежь твоя галюточка сына родыла,
Понаймала мамокъ, пянёкъ, сама полягла».
Якъ увійшовъ королевичъ въ нову свитлыцю,
Лежить ёго галюточка на всю скомныцю.

16.

Надъ моими воротами чорна хмара стала,
А на мене молодую поговоръ та слава.
А я тую чорну хмару перомъ размахаю,
Перебула увесь поговоръ, перебуду й славу.
Я на славу родилася, въ поговори изросла;
А я зъ ледачимъ зозналася, славы набралася.
Куды идешъ, мій миленькій, чи въ чистое поле,
Кому жъ мене вручаешъ, мій ясный соколе?
Уручаю дивчиненьку другому такому,
Та не кажи тои правды, що мини самому.
Ой, якъ мини, козаченько, правды не казаты,
Ой, якъ возме за рученьку, той стане пытаты.
Не потурай, дивчинонько, его размовоньки,
Держи разумъ и умъ добрый въ своей головоньки.
Держала разумъ и умъ добрый, та упустыла въ воду,
Не уповала на худобу, ни на его вроду.

Ой, ни въ роди, ни худоби, ни стану, ни зросту,
Доведеться утопыться зъ высокого мосту.
Не топыся, дивчинонько, бо душу загубышь,
Ходимъ, сердце, повинчаемося, колы вирно любышь.

17.

Охъ, зойды, зойды, зирочко, ты вечерняя,
Охъ, войды, войды, дивчино, моя вирная,
А зирочка взійшла, небо й землю освитыла,
А дивчина війшла, казаченька звеселила.
Охъ, ты козаче, ты хрищатый, ты барвинчку,
Хто тоби постеле та въ дорозп постелечку?
Стелеться мини зеленая борковина,
Ты мини, дивчина, ты въ дорозеньки мила.
Охъ, ты, дивчина, ты сухотонька моя,
То що не велыть брать вся родыпонька моя,
Ой, не такъ родына, якъ наймепьшая сестра:
Не берп, брате, дивчина безъ доли зросла,
А безъ доли взросла, безъ счастья вродылася,
Вона тоби, брате, дружиною не судылася.
Ой, не велышь, сестро, сіи дивчины браты,
Та повели, сестро, прочь и зъ нею помандроваты.
Мандровали поле, мандровали друге,
А на трегье поле дивчину у поженьки коле.
Та примандровалыся до сухого лому,
Ой, тутъ же, дивчино, завернимося до дому.
Ой, мене, козаче, не матуся вродыла,
Шобъ я пзъ мандровки та до дому ходыла;
Годувала мене маты билыми калачами,
Щобъ я любилася съ хорошими панпчами;
Годувала маты билыми та пшепышными,
Щобъ я любылася съ хорошими, та съ прилпчными.

18.

Добре було житы, першу жинку быты;
А зъ другою зъ молодою, горе й въ свити житы;
Вона рано встае, мене колатае:
«Вставай, чоловиче, товару даваты,
А я пиду до базару, соли купуваты.
Соли ни купила, у шинку заблудыла,
Сама собп молодая лиха наробыла;
Малы диты плачуть, свини въ викна скачуть,
Сусидонька зъ боку, та все ти бачуть;
Ой, тату, нашъ тату, затопы намъ хату,
Навары намъ истья, пишла наша маты на базаръ,
Та не мае й висти, не буде топыты, не буде варыты.
Возьму цапъ, пиду въ тикъ, жита молотыты,
Чп вдарывъ не вдарывъ, на шляхъ поглядае,
Чужп жинки зъ базара идуть, моеи не мае.
Трошки перегодомъ, иде огородомъ:
«Хоть же я и пьяна, а бы не упала;
А хоть же я упала, такъ ты не подводывъ,
А хоть же я напилася, такъ я зъ своимъ родомъ.

19.

Кажуть люды, чумакъ буде, дивчина раденька,
Взяла серпы, пишла въ степы, пшеничеиьки жаты.
Наскучило дивчинонькп пшеничеиьки жаты,
Выплакала карп очи, чумаченьки ждучи.
Ой, изъ за горы, изъ за круты, рыплять возы й дучи,
По переду чумаченько вискакуе идучи.
Хоть вискокомъ, не вискокомъ, звычаю не знаешь,
Якъ изъихавъ чумачепько па турецкомъ поли,
Выдвинулы чумаченьки трп возы соли;
Хоть три возы, не три возы, такъ трп паравпця,

Полюбила дивчинонька чумаченька Гриця.
Та туды пишла дивчинонька соли куповаты,
Тожъ не соли куповаты, жалю завдаваты.
Ой, не купуй, дивчинонька, а соль не коризна,
Запряжу я сиры волы, пойду въ Надеждку,
Оставайся ты, дивчина, на другу весну;
Бодай же ты, дивчинонька, тоди замижъ пишла,
Якъ у степу, край дороги, яра рута взойшла.
Бодай же ты, чумаченько, тоди оженывся,
Якъ у мленп, на каменп, кукуль родився.
Дивчинонька догадалася, дорожку ископала,
Дороженьку ископала, руту посіяла.
Весна пришла, дожди пишли, и яра рута взійшла,
Та уже тая дивчинонька давно замижъ пишла.
А у млени на камени куколь не вродився,
Старый чумакъ якъ собака, да ще й не женывся.

20.

Ой, на гори опенычка,
Сватай мене теперичка,
А зимою, Богъ съ тобою,
Не будь мини за тобою.
Ой, на гори суха гречка,
Дурна дивка якъ овечка,
Походила, побродила,
Казаченька полюбила,
А у мого миленького а ни дровъ ни воды;
Прійды, сердце, поцюлую, тай на панщину иды.
Ни топила, ни варила, не буду й топыты,
Вывиряла миленького, чи не буде быты.
Побывъ разъ, не гораздъ, тило почернило,
Ай то плакавъ цилу ночь, що у менп болило.
Ой, маты, маты, люблять мени хлопци,

Дають гроши по таляру, а жита по коробци,
А я жита не беру, та все сами гроши,
Я поганыхъ не люблю, та все де хороши;
До мене капитанъ старостивъ пресылавъ,
А поручикъ молодый старостою приходывъ.
Ой, изъ за горы солнце сходыть, тамъ дивчина вп-
тошъ нудыть,
Знаты на мыченьку, що не спала пиченьку,
Знаты й на виду, що не спала до лиду.

21.

А Маруся не дужа лежала,
Чернымъ шолкомъ головку звязала;
Трёхъ козаковъ изъ полку божала,
Пріихало три козака зъ полку,
Розвязали Маруси головку.
Одынъ каже: «я Марусю люблю»;
Другій каже: «я за себе возьму»;
Третій каже: «я на рушнечку стану».
Ой, хто мини царь-зилья достане,
Той за мною на рушнечку стане.
Озовется козакъ молоденькій:
Ой, е у мени три кони на стойли,
Одынъ конькъ якъ голубъ сизенькій,
А другій конькъ, якъ воронъ чернепькій,
А третій конькъ, якъ лебедь биленькій.
Однымъ конемъ до моря доскачу,
Другимъ конемъ море перескачу,
Третьимъ копемъ царь-зилья доскачу.
Ой, ставъ козакъ зилья копаты,
Стала надъ нымъ зузуленька коваты;
Ой, не копай, козаче, царь-зилья,
Та иды встрпчаты Марусеньку зъ висилья.

22.

Хвалилася мене маты молодымъ женыты,
Клычуть мене молодыци, меду, вина пыты;
Ой, не пиду, молодыци, меду и вина пыты,
Заробывъ я копу жита, треба змолотыты.
Гиля, Гиля, сиры гуси на ставъ воды пыты.
Не погожа въ ставу вода, погожа въ крыныци.
Ходывъ парень до дивчины, тай ставъ до вдовыци,
А у вдовыци дви свитлыци, а третья кимната,
А у дивчины одна хата, тай та не прибрата,
Ой, тымъ вона не прибрата, що стеля дубова,
Тымъ дивчина не сватана, що вона й убога;
Хоть вона убогая, та отецка дытына,
Ходыть вона по свитлыци, якъ та сиротына.
А у вдовы богатои рушныкъ на колочку,
А у дивчины убогой брови на снурочку.
А у вдовы богатои бычки та телычки,
А у дивчины молодой жовты черевычки.

23.

Коло млыни, млыни, червона калина.
Десь тая дивчина, що мене любила.
Любила, любила тай пречаровала,
Вывела коныченька, взяла й осидлала,
Та вынесла рыбку та щей хлиба скыпку:
Нажъ тоби, мій милый, тай вечеряй швидко,
Вечеряй швыдко, тай идь въ дорогу,
Коли тоби завгодно, ночуй зо мною,
Есть у мене батько, есть у мене маты.
Радъ бы я, серденько, зъ тобою ночуваты,
Есть у мене жинка, есть у мене диты,
Радъ бы я, серденько, до тебе летаты.

Ой, ты, дивчина, горда да пышна,
Чомъ ты до мене пизненько не выйшла?
Якъ мини, сердце, до тебе ходыты,
Хотять вороги тебе й уловиты;
Свичи догоряють, вороги лягають,
Чортово батька, воны насъ піймають.

24.

Братъ сестру въ гости кличе,
А нивистка дули тыче.
Братъ сестру завертае,
А нивистка нышкомъ лае.
Ой, завертай, милый коню,
Поидьмо изъ господы,
Поидьмо изъ гостыни,
Щобъ у брата не доѣли,
Щобъ братове ни поѣли,
Я до тебе, брате, ни обидаты,
А я до тебе, брате, одвидаты.
Не до тебе, брате, а до дитокъ твоихъ,
Щобъ воны зналы титокъ своихъ.

25.

Та по пидъ мостомъ, трава ростомъ
Ровняется зъ мостомъ;
Та кращій парень отъ дивчины
И станочкомъ и зростомъ.
Та чи не будешь, дивчиненько, по мини тужиты,
Та якъ пиду я въ чужу землю государю служиты?
Ой, не буду, козаченько, далиби не буду,
Та горювала я зъ тобою, то й безъ тебе буду,
То ты за гору, за крутую, я тебе забуду.

Та не выихавъ козаченько та за нови ворота,
Та не взялася дивчинонька ни ѣжа ни работа,
Та не выихавъ козаченько за густы лозы,
Да облыли дивчиноньку дребненькіе слезы.
Та не выихавъ козаченько за жовты пески,
Та оглянется козакъ назадъ, бежить его мила пишка.
Ой, верныся, козаченько, матуся умирае.
«Та не вернуся, забарюся війска зостануся.»
Та не выихавъ козаченько за повы палаты,
Та оглянется козакъ назадъ, бежить ёго стара маты.
«Ой, верныся, мій сыночку, дивчина умирае».
Та буду, маты, коня гнаты, щобъ живеньку застаты,
Та не застану я живои, застану на лави,
Та не застану я на лави, та застану въ ями,
Та дубовая домовина, мурована яма,
Та лежить моя дивчинонька якъ рыбонька вьяла.

26.

Въ недиленьку рано по раненьку
Розсердывся сынъ, та на свою неньку:
«Тай иды, нене, теперь видъ мене,
Будуть, нене, гостынки у мене,
Будуть гости, та все у перчыни,
А ты, нене, въ сирій сирячини.»
«А у тебе, сыну, друга хата,
Буду, сыну, кужельку чесаты,
Буду, сыну, дитя колыхаты,
Твоей жинки жалю завдаваты».
У тебе, ненько, сорочка не била,
У тебе, ненько, слово не до дила.
Пишла маты за нови ворота,
Стоить вона, якъ бидна сырота.
Ой, війшовъ сынъ ворота зачиняты,

А маты дума, что ёи прохаты.
Що ты, маты, думаешь, гадаешь,
Чомъ ты соби хаты не шукаешь?
Пишла маты битыми шляхами,
Умывается дрибными слезами;
Пишла маты густою лозою,
Умывается дрибною слезою.
Та зострилася маты зъ ридною дочкою,
Та умылася зъ дрибною слезою.
«Чего, ненько, туть ходышь, блудышь,
Чому до мене въ гости не пребудешь?»
Ой, якъ мини, донько, пребуваты,
Есть у тебе зла лычина въ хати,
Вона тебе буде быты та лаяты,
А ты будешь жалобно плакаты.
Ой, хоть буде мене биты та лаяты,
Та не совайся, ненько, обороняты:
Ой, винъ пиде й у комору спаты,
А мы будемъ шиты та гуляты,
Та будемъ съ тиха розмовляты,
Та не будемо ему правдоньки казаты.
Ой, прійшовъ сынъ матери прохаты:
«Та иды, нене, теперь до мене,
Сталось мини несчастье безъ тебе,
Умерла у мене жена молодая,
Зосталася дитына малая.»
Не хай, брате, горыть твоя хата,
Та моя маты не прійде тебе ратоваты;
Не хай горыть твоя хата, до одного колочка,
Та не пиде маты до твого дворочка,
Не хай, брате, горыть до одного палина,
У тебе, ненько, сорочка не била,
У тебе, ненько, слово не до дила.

27.

Тимъ у свити добра нема,
Що братъ сестри за родъ не ма;
Тимъ у свити теряється,
Що братъ сестры цурается,
Отсунувъ братъ кватырочку,
Та гляну погляну по рыночку:
Иде сестра зъ мужемъ у гостыночку.
Пріймай, жинка, хлибъ зъ стола,
Иде въ гости сестра моя.
Ой, якъ моя иде, то ховайся,
А якъ твоя иде, пребирайся.
Пріймай, жинка, дижу въ хижу,
Я своеи сестры не навижу.
Сестра все якъ зачула,
Та назадъ конеченьку завернула,
Тяженко, важенько вздыхнула:
Ой, стой, брате, не лякайся
И зъ хлибомъ и солью не ховайся,
Я, брате, дома обидала,
А бы тебе, брате, одвидала;
Не такъ, брате, тебе, якъ твоихъ дитокъ,
Ой, щобъ воны зналы своихъ титокъ.

28.

Отъ теперъ я сама, якъ у поли былина,
Та не давъ мини Богъ, кого я вирно любила,
Тай давъ мини Богъ ревниваго мужа,
Що винъ пье, та гуляе, а мене разоряе,
А якъ прійде до дому, не говорыть зо мною;
А бо мы уже, серденько, разойдимося зъ тобою.
Брешешъ, брешешъ, моя мила, я впичався зъ тобою.

Ой, пійду я, молодая, та до броду по воду,
Эй, чи не побачу жъ я перевозчичка у броду.
Перевозчичокъ молоденькій, перевези черезъ воду,
Эй, перевези черезъ воду, а та до рідного роду,
Эй, нехай же я побачусь хоть четвертого году.
Перевозчикъ молоденькій та сёго не чувае,
А почула моя мата, край криниценьки стоя.
«Эй, не плачь, не плачь, донечка моя, бо така твоя доля.»
Ой, полюбила козаченька при мисяцю стоя,
Не я его полюбила, полюбила моя маты,
Що звелила мини маты билы рушнечки даты,
Ой, еще звилила мини моя маты, та на рушнечку статы.
Не жалій же, моя маты, що я у тебе одинъця,
А утопы мене у риченьку, де холодна водыця.
Не хай же, моя маты, що хороша й на въ роду,
Ой, возьми мене и утопы мепе въ холодную воду.
Десь я у тебе, моя маты, та увесь хлѣбъ переила,
Ой, що ты мене туды дала, а куды я не схотила;
Чи я у тебе, моя маты, уси плахты поносыла,
Що ты мене туды дала, а куды я не хотила;
Чи я у тебе, моя маты, и пшеныченьку не жала,
Що ты мене туды дала, а куды я не божала.

29.

Ой, изъ за горы витеръ віе, дорогою козакъ иде,
Зостривъ дивку сироточку, сироточку 17-ть литочку.
Ой, дивочко сироточко, сироточко 17-ть литочко,
Загадаю загадочку, скажижъ мини всю правдочку:
«Ой, що вьется коло дрившя, а й що росте безъ коринця?
Ой, що бижить безъ прогопу, хто свитыть круту гору?»
Дивчина ее узнала, козакови отгадала:
«Козаченько молоденькій, ой, хмиль вьется коло дрившя.

Камень росте безъ коринця, вода бижить безъ прогону,
А мисяцъ свитыть круту гору.

30.

Пусты мене, маты, у поле жита жаты,
Буду, маты, жито жаты, а доленьки шукаты.
Ой, не пущу, доню, щобъ не заблудылась,
Та ужежъ, доню, свою долю давно й загубыла.
Пусты мене, маты, й у лугъ по калыну,
Буду, маты, калыну ломаты й доленьки шукаты.
Ой, не пущу, доню, щобъ не заблудыла,
Та вжежъ, доню, свою долю давно й загубыла.
Пусты мене, моя маты, мижъ челядь гуляты,
Буду, маты, зъ челядью гуляты, доленьки шукаты.
Ой, не пущу, доню, чтобъ не заблудыла,
Та вжежъ, доню, свою долю давно й загубила.
Пусты мене, маты, на ставку купаться,
Буду, маты, на дно порынаты, доленьки шукаты.
Ой, не пущу, доню, чтобъ ты й не утонула,
Та вжежь, доню, твоя доля ажъ на дно порнула.
По пидъ мостомъ, мостомъ, трава зелененька,
Ой, за добрымъ чоловикомъ жинка молоденька.
По пидъ мостомъ, мостомъ, трава побыхае,
За ледачимъ чоловикомъ жинка пропадае.
Пиду на толоку, накопаю дроку,
Щобъ вороженьки не диждали року.
Пиду на толоку, накопаю пижми,
Щобъ вороженьки не диждали тыждня.

31.

Ой, не дала мене маты за роботниченька,
Та отдала мене маты за разбойниченька,

Що зъ вечера рано на зари зънизжаются розбои,
А о пилночи рано на зори, уже й разбои добулы.
А къ свитови рано на зари и мій милый иде,
И мій милый иде, девьятеро копей веде,
На десятому сыдыть, на свою милу кричыть:
«Эй, отчиняй, моя мила, ты новіи ворота,
Бери, бери вороныи кони, у нову сталю веды,
Бери, бери шолковое платье, на быстру рику несы,
Ни розгортуючи, ни осмотрюючи».
Ёго мила и не послухала его,
Поразгортала и поразсмотрювала;
Розгорнула одинъ платъ, ажъ тамъ ей рядный братъ.
Ой, чи есть ты, мій милый, ой, есть же ты разбойникъ,
Що ты мого брата убивъ, а свого шурина.
Ой, ты, миленька моя, темна ничка була,
Темна ниченька була, не разсмотривъ що родня,
Винъ па мене не кричавъ, щобъ я зъ шляху зворочавъ,
А я шляху не звернувъ, зъ пистолета ужарнувъ,
Покотилась голова, такъ якъ маковочка,
Якъ у печи жаркій жаръ, то такъ мини шурина жаль.

32.

Ой, вывела перепилочка диты,
А пишла у пшеныченьку сидиты;
Дитоньки мои, горенько мини зъ вами,
Ой, що не маю хозяина межъ вами.
Ни журись, ненько, не журись нами,
Якъ порастемо, разойдемося сами;
Не журись, ненько, ты ни рано ни пиздно,
Якъ поростемо, разойдемося ризно.
Разойдемося, ненько, по горамъ, по долинамъ,
Буде насъ, ненько, по чужихъ украинахъ.
Ой, люды, ненько, будуть пановаты,

Мы будемъ, ненько, у людей горюваты.
Не шукай насъ, ненько, ни въ горахъ, ни въ долынахъ,
Шукай насъ, ненько, по чужихъ украинахъ,
Одно жъ паде въ лисъ, а друге у пролисья,
Ты, стара ненько, ты на насъ не надійся.

33.

Ой, колыбъ я, зузуленька, соби крыла мала,
Тобъ я тую й украйну кругомъ облитала,
Тобъ я свого та сыночка середь полку пизнала.
Померъ, померъ новобранецъ у нидиленьку у ранци,
Положили новобранца на тесовій лавци;
Поховали новобранца у зеленому байраци,
Тило несуть, коня ведуть, конь головоньку клоныть,
За нымъ иде стара ненька, та билы рученьки ломыть.
Ой, колы бъ же я, зузуленька, соби крылочки мала,
Тобъ я тую украйну кругомъ облитала,
Тобъ я свого та сыночка и въ гроби пизнала.
Ой, литила зузуленька, та сказала куку,
Ой, подай мини, сыночку, хоть одну руку.
«Ой, радъ бы я, моя маты, обидва податы,
Насыпали сырои земли, не могу подняты».
Залитавъ пивинь на ворота, сказавъ кукурику,
Не зподивай мене, ненько, уже й не до вику.

34.

Пишла вдова долыною,
Зъ маленькою дытыною;
Сила вдова спочиваты,
Мале дытя годоваты,
Пишла вдова все садами,
Размовляла зъ билыми цвитами:

Цвиты мои биленьки прекрасны,
Диты мои маленьки безсчастны!
Чомъ вы, цвиты, рано забилылы:
Я молода вдовила, диты малы посиротили.
Летыть орелъ по надъ горою,
Размовляе зъ бидною вдовою:
«Не плачь, вдова, не журися,
Бо я твого мужа знаю,
Тричи на день отвидаю.
Ой, першій разъ обидаю,
А другій разъ полудную,
А третій разъ вечеряю,
На чорный чубъ наступаю,
Зъ лоба очи колупаю,
А жовту кость роскидаю —
Все по горахъ та по долахъ,
Та по чужихъ украинахъ.

35.

Оженывся молодъ, тай по неволи,
Тай узявъ жинку, тай не до любови,
Не биле лычико, не чорни брови.
Якъ пійшовъ молодъ й у Китай городъ,
Та купивъ молодъ корабель новый,
Корабель новый и веселечко.
Та за той корабель пьятьдесятъ рублей,
Пьятьдесятъ рублей зъ полтиною.
Посадывъ жинку зъ дытыною,
Отипхнувъ корабль, не давъ веселечка.
Корабель плове, ажъ вода гуде,
А мила сыдыть, якъ свича горыть,
А дытыночка якъ ожыночка,
Та вона жъ плаче, якъ воронъ кряче.

Ой, верныся, мила, голубонька сива,
Будешь, мила, ты до любови,
Биле лычико и чорни брови.
«Не вернусь, муже, бо ты бивъ дуже;
Ой, бивъ ты мене нагайкою,
Называвъ мене не хозяйкою.
Та мое тило почернило,
Витъ нагаички, витъ трестяночки».

36.

Ой, зима, зима, холодна була,
Та прошу я тебе, не зморозь мене;
Не зморозь мене, по холоду идучи,
По холоду идучи, коня ведучи,
Коня ведучи, збрую несучи;
А збруя моя, збруя ясная,
Тильки доля моя несчастная.
А що жинка мужа тай не злюбила,
Повела й у садъ, тай загубила;
Повела й у садъ, такъ повисила
На тонкій гальци, та на яблунци;
А сама пишла й у новенькій домъ,
Въ новенькій, сѣла за столомъ;
Сила за столомъ зъ яснымъ соколомъ,
Тай пише перомъ, чи живъ чи здоровъ,
Чи живъ чи здоровъ мій мужъ молодый.
Тай пишла вона милого пробужаты,
Ой, устань милый, бо й уже свитъ билый.
Ой, не встану, мила, бо болыть спина,
Ой, не встану, дорога, бо болыть голова.

37.

Ой, не шуми, луже, ты дуже,
Зеленая дубровонька.
Ой, якъ мини не шумиты,
Буйный витеръ повивае,
Широкій листъ опадае,
Козакъ матуси питае:
«Позволь, маты, коня взяты,
Вороного й осидлаты,
Поихаты на дуброву,
До милои на розмову.
Не доихавъ; де ворота
Вышла мила, краще злата,
Бере коня за поводи,
А милого за рученьки,
Веде коня у станыцю:
«Прошу, милый, у свитлыцю»;
Дае коню сина, вивса,
А милому меду й вина.
Сама сила въ конецъ стола,
Сама сила задумалась,
Кари очи зарюмала.
Чого, мила, задумалась, кари очи зарюмила?
Чи жаль тоби сина, вивса?
Чи жаль тоби меду вина?
Не жаль мини сина вивса,
Не жаль мини меду вина,
Якъ жаль мини гуляньячка,
Суботнаго чисаньячка;
Що субота причышуся,
Що нидиля приберуся,
Пиду Богу помолюся,

Не такъ Богу молытыся,
Якъ на милого дывитыся.

38.

Та вже третій вечеръ, якъ я дивчину бачивъ,
Ой, казала, выйду, а теперъ не выходыть.
Выйды, выйды, дивчино,
Потишь мое сердце репчино.
Ой, рада бъ я выйти, такъ неволенька моя,
Не пускае маты, що я й молоденька,
Не пускае, не велить,
Зъ тобою, серденько, говорыть,
Не пускае гуляты,
Съ тобою, серденько, стояты.
Якъ бы я мавъ соби й орлови крыла,
Взявъ бы я полынувъ де прежняя мила;
Та сивъ бы я у двори,
Чи не вышла бъ мила къ мини.
Мила не выходыть, мила не говорыть,
Сыдыть край виконця, слова не промолвыть.
Промовь, мила, словечко,
Якъ насъ любилося двоечко,
Якъ мы любилыся, тай не побралися,
Славы, поговору, мы обое набралися.
Була слава й поговоръ,
Ты не моя мила, я не твій.
Ой, ходимъ, милый, до Божаго дому,
Помолимся, милый, святому престолу.
Не хай звяже пипъ руки,
Що бъ не було, милый, разлуки;
Не хай звяже руки намъ,
То тоди заципить ворогамъ.

39.

Що то Ганца, що то гожа,
Що то лыченько якъ роза,
Що то Ганця якъ потретъ,
Лучше Ганци въ свити нѣтъ.
Пишла Ганца по буряки,
А за нею все бурлаки,
А поповичъ по переду.
«Постой, Ганцю, куплю меду».
Я не хочу меду питы,
И поповича любиты,
Я бурлака вирно люблю,
Сама ему меду куплю.
Ои, здорова дивчиненька,
Яка якъ бо ты била;
Десь ты у поле не ходыла,
Що не загорила.
А я у поле не ходыла,
Конопельки терла,
Не бачила миленького,
Трохи я не умерла.
А у поле не ходыла,
Конопель тапала,
Не бачила миленького,
Трохи не пропала.

40.

Казавъ мини батько. щобъ я оженывся,
Щобъ по ночамъ не ходывъ, тай не волочився.
Я буду ходыты и шкоду робыты,
Було бъ тоби, моя маты, молодымъ оженыты.
А й оженывшися треба погодиты,

Жинку свою, малыхъ дитокъ тай погудоваты.
Якъ поихавъ милый у поле ораты,
Его жинка молодая въ корчму погуляты;
Якъ пришла изъ корчми, взяла й затопыла,
Та своему миленькому исты наварыла.
Якъ пріихавъ милый изъ поля до дому,
Его жинка молодая дригае ногою:
Ой, ты бувъ у поли, я була на мисти,
Яка тобі вража маты наварила исты.
Ой, муже, мой муже, чины мою волю,
Та посады гайдука, та передо мною.
А мій мужичище, та взявся у бочища,
Таки садыть гайдука, таки гайдучище.

41.

Колыбъ мини нидили диждаты,
То бъ я пишла й до роду гуляты.
А й у мене й увесь ридъ богатый,
Буде мене часто гастоваты.
А я буду повни й выпиваты,
Выпью й одну, выпью й другую,
А третюю буду одмогаться,
Ой, родоньку, пора до домоньку,
А й у мене дытына малая,
А ще къ тому свекруха лыхая,
Ой, у мене мій милый ревнивый,
Ой, пиду я зъ тыха пидъ виконце,
Послухаю, что свекорка робыть.
А свекруха вечеряты варыть,
А свекоръ дубиночку парыть,
Толсту, толсту, та ще й суковату,
Та на мою спину глуповату.
А мій милый дытыну колыше,

Ой, ну люли, мале й дытя спаты,
Пишла маты до роду гуляты,
А у неи увесь ридъ богатый,
Буде еи часто гаствоваты.
Вона буде повни вышиваты,
Выпье й одну, выпье й другу,
А третію стане одмогаться,
Ой, родонько, пора до домоньку,
А й у мене дытына малая,
А й у мене мій милый ревнивый,
Буде мене биты, та лаяты.

42.

А чи мини тута житы, а чи мини горюваты,
И обнявши головоньку, изъ сего села мандроваты,
Що взявъ, що взявъ жинку невдашку а не вдатнюю жену,
Що ни спыхты, ни зварыть, ни до людей говорить,
А зъ моимъ родомъ говорить, не по двору походыть.
Та взявъ, та взявъ жинку невдашку, за билую рученьку,
Повивъ, повивъ жинку невдашку до тыхаго Дунаю.
Пустывъ, пустывъ жинку невдашку за тихою водою:
Плевы, плевы, невдашку, за тихою й водою,
То вжежъ мини надокучило, горюючи зъ тобою.
А самъ пишовъ удалый молодчикъ на крутую гороньку,
На крутую гороньку, та въ повую свитлоньку,
Ажъ тамъ сидять утяты, невдащины дитяты.
Ой, татусю, татусю, ой, де же ты двъ матусю?
Ой, чи втопывъ, чи вдавывъ, чи на тыхій Дунай пустывъ?
Я не втопывъ, ни вдавывъ, на тихій Дунай пустывъ.
Дитки жъ мои малы, десь вы три дни ниялы,
Що вы мини важкимъ словомъ на порози убыли.
Я не втопывъ, ни вдавывъ, на тыхій Дунай пустывъ,
Та плевы, плевы, жинко, невдашко, за тихою водою,
Та вже мини надокучило, горюючи зъ тобою.

43.

Оравъ милый у царыни, теперь у толоци.
Выплакала кари очи за четыри ночи;
Та вжежъ мини ты четыри за десять сталы.
Бодай тоби, мій миленькій, волыки присталы.
Сиры волыки присталы, плужокъ поломався,
Щобъ мій милый, голубъ сивый, до дому пригнався.
Ой, вы тучи громовыи, розойдиться ризно,
Чи не прійде мій миленькій, хочь не рано, пиздно.
Якъ побигла Бондаривна калиновымъ мостомъ,
Не хороша на лыченько, такъ хороша зростомъ.
Якъ побигла Бондаривна помежъ крамарями,
А за нею три драгуна зъ голыми шаблями,
Якъ нагнали Бондаривну на глубоку яму,
Та вытяглы Бондаривну, якъ рыбоньку вьялу.
Якъ повели Бондаривну къ Гриневичу въ хату,
Посадылы Бондаривну до стины плечима,
А до пана Гриницкаго карыми очима;
Заставили Бондаривну трехъ писень спиваты,
А хлопчика маленького ружа заряжаты.
Еще жъ той Бондаривны писня не поспила,
Уже ій била постпленька кровью окапила.
Якъ увишовъ старый бондарь, давай Гриню платъ.
На що ему, мій таточку, та гроши даваты,
Его взяты и звязаты, на Сибирь отдаты.
Ой, лежала Бондаривна въ обидню годыну,
Пока звеливъ панъ Гриницкій зробыть домовину.
Ой, лижала Бондаривна изъ ночи до ранку,
Пока звеливъ панъ Гриницкій зкопаты ямку.
Ой, у той Бондаривны, у полихъ мережка,
Куды везлы Бондаривну кровавая стежка.
Ой, у той Бондаривны на голови стежка,
Отце тоби, панъ Гриницкій, на Сибирь дорожка.

Очи мои карeньки, горе мини зъ вами,
Поховалы Бондаривну, спить теперь сами.

44.

Умеръ батько, байдуже,
Умерла маты, байдуже,
Умеръ милый, голубь сивый,
Жаль мини его дуже.
Ой, бондарю, бондарю,
Ни бый мене долбнею,
Побый мене дубчикомъ,
Назову тебе голубчикомъ.

45.

Корабазивци, на поповiи гребли,
Свадьба иде,
Ракъ у дудку дме,
Черепаха сваха,
Жаба свитылка,
Гарбузъ князь.
Веливъ мини Северинъ прiйты,
Веливъ мини на печи систы,
Веливъ мини калача исты,
Северине, пане мiй,
Де твiй двиръ,
Ой тамъ же я, край Дунаю.
Тамъ я соби хижу маю,
Ой, тамъ же я пробуваю,
Купала на Ивана,
Де волохи поють,
Церковъ бодують,
Святый вечеръ.

Ихалы бояры горою,
Везли коровговъ зъ собою,
А я тую гухнатую,
Симъ разъ и разъ пидъ хатою,
А собака гавъ, а я ей бугъ,
А винъ и опухъ.

46.

Ой, поихавъ Олексаша изъ дому въ дорогу,
Та покинувъ дома жену нездорову.
Та поихавъ Олексаша въ зелены поля,
Ой, оглянется назадъ, а за нимъ слезы бижать:
«Ой, верныся, Олексаша, верныся до дому,
То уже твоя жена Богу душу отдала.
Не доихавъ Олексаша до нового двора,
Ой, думае жъ Олексаша, що дрова рубають,
Ажъ то ёго жини труну дорабляють.
Ой, ни дышовъ Олексаша до новои свитлыци,
Ой, думае Олексаша, що зузули кують,
Що зузули кують, соловьи щебечуть,
Ажъ то мали, мали диточки по матери плачуть.
Ой, цытьте диточки, цытьте малые,
Колы бъ вернулыся лѣта молодые.
Та поиду, диточки, у два городочка,
Та куплю вамъ диточки, а два теремочка.
Одинъ теремочокъ, червоне намисто,
Другій теремочокъ, матерь молодую.
Не хай же той, таточко, теремъ загорыться,
Червоне намисто до купы зольется,
Нехай же та мачуха у гробъ западется,
А ненька рыдненька на сей свитъ зведется.

47.

Ой, полыты, галко, де мій ридній батько,
Не хай мене одвидае, колы ему жалко.
Галочка литае, батенька не мае,
О, десь ему не жаль мене, що не одвидае.
Ой, поплыви й утко, противъ воды прудко,
Та не кажи моей неньци, щобъ пребула худко.
Утинька плавае, а матиньки не мае,
Ой, десь имъ не жаль мене, що не одвидають.
Ой, полеты, орле, де мій братикъ оре,
Не хай мене одвидае, яке мини горе.
Ой, орелъ литае, братика не мае,
Ой, десь ему не жаль мене, що не одвидае.
Ой, пошлю я сыныцю по ридну сестрыцу,
Не хай мене одвидае, та безталанницу.
Синица летае, сестрици не мае,
Ой, десь ёй не жаль мене, що не одвидае.
Ой, пошлю чичитку по ридную титку,
Не хай мене одвидае, бидную сиротку.
Чичитка летае, а титки не мае,
Ой, десь же ей не жаль мене, що не одвидае.

48.

Ой, исправлю я возы, запряжу я сиры волы,
Та пиду у степь гуляты, и шляшеньки розглядаты,
Ой, знайду я шляшочокъ, та гляну я й у шиночокъ,
Ай, у тому шеночку, та шенкарочка чорна,
Ой, шинкарочка чорна, на имьячко Ганна,
И шинкарочка Ганна, чого у тебе у спиянъ кално?
То бурлаченьки були и горилочку пили,
Воны танци водыли, воны грязи наносыли.
Ой, шинкарочко Ганно, сыпъ горилочку на виру,

Сыпъ горилочку на виру, пиши гроши на стину.
Колы стину розберешъ, тоди зъ бурлака гроши зберешъ.
А шенкарочка плаче, вона горько рыдае.
Ой, не плачь же, шинкаречко, та не плачь не журися,
Не хай бурлакъ проспыгся, дабы ему похмелыгся,
Винъ зъ тобою росплатыгся, винъ зъ тобою простыгся.

49.

Калыно, ялыно, що тебе извьялыло?
Извьялыли мене буйни вигры, лютыми морозами.
Козаче молоденькій, що тебе изжурило?
Зажурила мене тая дивчина, що зъ карыми очима,
Не разъ, не два стою у неи подъ коморою,
Выйды, дивчино, выйды, рибчино, поговоримъ зъ тобою.
Рада бъ выходыты, зъ тобою говорыты;
Лежыть не любъ, на правой руци, не могу разбудиты.
Дивчина моя люба, отсунься отъ нелюба,
А я не люба тай убью изъ лука, якъ сивого голуба.
Чи влучишь, чи ни влучишъ,
Зъ нелюбимъ не разлучишь,
Чи вдаришъ чи не вдаришъ,
Тильки намъ житья збавишъ.
Козаче молоденькій, у тебе конь вороненькій,
Осидлай коня, выизжай зъ двора, ты не мій, я не твоя.
Козакъ коня сидлае, до коня промовляе:
Ой, коню, коню воропенькій, донеси до Дунаю,
Донеси до Дунаю, де утопыться думаю,
Що хорошу вродоньку маю, да утопыться думаю,
Ой, пріимай Боже душу, а ты рыбоньку тушу.
А ты, риченька, быстра водонька, викинь кистки на сушу.

50.

Ой, ишла дивка до броду по воду,
Та уподобала козака на вроду.
Ой, еще дивка воды не набрала,
Уже зъ козаченькомъ на розмови стала.
Ты, козаче, ты славный собою,
Возми мене у човничокъ зъ собою.
Еще дивка у човникъ не вступила,
Десь удалася, середь моря хвыля,
Вывернуло щубу рыбу зо дна,
Выкинуло молоду дивчиноньку зъ човна.
Три козаченька кони наповали,
Воны соби зъ тыха размовляли.
Одинъ каже, сине море грае,
Другій каже, дивка потопае,
Третій каже, хоть коныка збуду,
Таки ту дивку ратуваты буду.
Ой, ратуй мене, молодый козаче,
Ой, бери зъ мене дорогую плату.
Ой, я не хочу зъ тебе плату браты,
Ой, хочу тоби дружиною статы.
Ой, и хоть буду у море потопаты,
Таки не хочу дружиною статы.
Ой, подай, брате, долгую ломаку,
Приштыкнуты дивку по лежаку,
Ой, подай, брате, долгую тычину,
Приштыкнуты молоду дивчину.
Ой, не жаль мини баевой юбки,
Ой, якъ жаль мини дивчины голубки.
Ой, не жаль мини синій китайки,
Якъ жаль мини дивчины коханки;
Ой, не жаль мини доброго намиста,
Якъ жаль мини дивчины до мысли.

51.

Та не хылыся, явороньку. ще жъ ты зеленeнькій,
Не журыся, козаченько, ще жъ ты молоденькій;
Та не радъ яворъ хилитыся. вода корень мые,
Не радъ козакъ журитыся, такъ серденько мліе.
Та несчастливый козаченько безъ доли вродывся,
Взяли его въ неволиньку, винъ слезами умывся.
Та взяли его въ неволеньку, забыли его у кандалы,
Якъ забыли его й у кандалы, ведутъ передъ пани.
Якъ привели передъ пани, тай стали пытаты:
«Чи е у тебе, козаченько. отецъ або маты,
Що якъ станешь на камени, тай подкивки златы»?
Якъ бы у мене, пани мои, матуся рыдненька,
А тобъ у мене, що нидиля. сорочка биленька,
А то у мене, пани мои, не матуся, титка,
У ней сыны якъ соколы, а я якъ сыротынка.
Та ведуть селомъ, ведуть мостомъ, крюкомъ очипають,
За нимъ иде два братика, сильненько рыдають.

52.

У козака кудри вьются,
А у дивчины слезы льются,
Кудри вьются отъ радости,
Слезы льются отъ печали.
Не хай льются дробни слезы,
А я пиду у густы лозы,
У густы лозы у березы,
У вишневынькій садочокъ,
Сорываты ягодочокъ.
Сорывала не нарвала,
Соловеечка піймала,
Та принесла до домочку,

Та пустыла у клиточку,
Повисила на килочку,
На шолковомъ снурочку,
Пивисила у кимнати,
Сама сила на кровати;
Якъ винъ буде щебетаты,
Соловеечку маленькій,
У тебе голосокъ тоненькій,
Скажи мини, де миленькій,
Скажи мини шляхъ дорогу,
Куды ихаты до роду,
До роду, до родины,
До вирненькой дружины.

53.

Отце иду, отце иду по колина въ лободу,
Та до тои дивчины, що хороша на виду.
Въ огороди бузина, та посаженная,
Чортова дивчина, яка зряженая.
Въ огороди бузина перекопаная,
Чортова дивчина яка коханная.
Въ огороди бузина перерубленная,
Чортова дивчина перелюбленная.
Въ огороди бузина, на ній листа нема,
Ни цилуй, ни милуй, коли хосту нема.
Въ огороди бузина глыбоко-коринья,
Ой, хто мене поцилуе, заробыть масенье.
И шумыть и гуде, дробенъ дощикъ иде,
А хто жъ мене молодую, та до дому доведе,
Озовется козакъ, на солодкимъ меду,
Гуляй, гуляй, дивчиненько, я до дому доведу.
И нейды и неведы, и славоньки не робы,
Не хай мене той веде, что до мене часто иде.

54.

У коси лента голуба,
Сама дивка молода
По садочку ходыла,
Два сыночка родыла,
Китайкою сповела,
До Дуная й отнесла,
На корабль пустыла,
Дунаечка просила:
«Дунаечко, батечко,
Не топы моихъ дитокъ
До дванадцати годокъ,
До тринадцати литокъ.
А ты, густый очеретъ,
Забавляй моихъ дитей.
А ты, жовтый писочикъ,
Годуй моихъ диточокъ.
А вы, густы лозоньки,
Та считайте годочки».
На двѣнадцатомъ году,
Пишла вдова по воду,
Стала воду набираты,
Ставъ корабель приплываты.
А у тому корабли,
Два молодца молоды.
Одинъ листы читае,
Другій вдовы питае:
«Удовонька молода,
Чи пидешь ты за мене?»
Я за тебе не пиду,
За другого дочку дамъ,
А не дочку, наймычку,
Хорошую панночку.

55.

Хмарка наступа, дощикъ накрапае,
Дощикъ крапу робыть, сестра брата просыть:
«Витдай мене, брате, въ чужую стороньку,
Де велика семья, де богато дила;
Де богато дила, я бъ туды литила,
И дило робыла, и симьи годыла,
И до тебе, брате, у гостоньки ходыла.
Ждавъ братикъ нидилю, ждавъ братикъ другую,
На третію нидилю самъ до сестры иде.
Пріихавъ до двора, сестра нездорова,
Уже третія нидиля, якъ я заболила,
Уже билая постиль, уже пыломъ припала,
Уже жъ я молодая изъ лыченька спала.
Ой, засвиты, брате, три свиченьки ясни,
Ой, засвиты, брате, буду я умираты.
Свичка догоряе, сестрица умирае,
Друга догоряе, братъ сестру зряжае,
Третя догоряе, братъ сестру ховае:
Отце жъ тоби, сестре, чужая сторона,
И велыка семья, и богато дила,
Дила не робыла, семьи не годыла,
И до мене, сестро, у гости не ходыла.

56.

Лита мои, лита, лита молодые,
Дежъ вы подилыся, за часы маліи?
Тай видыбралы лита маленькіе диты,
Видибралы силы все дочки да сыны.
Та сыны жъ мои, сыны, сыны соловейки,
Та запрягайте кони, кони вороненьки,
Догоняйте лита, лита молоденьки.

Та ненько жъ, ты наша ненька, ты ненька стара,
Коныки потомымъ, и литъ не догонымъ.
Та сыны жъ мои, сыны, сыны соловейки,
Завертайте лита, лита молоденьки;
Та уже жъ моя старость до мене приходыть,
Ой, диточки мои, не пускайте ёи,
Голубьята мои, завертайте ёи;
Та уже моя старость у синечки уступила,
Ой, диточки мои, не пускайте ёи,
Голубьята мои, завертайте ёи;
Уже моя старость у свитлоньку уступила,
Ой, диточки мои, завертайте еи,
Голубьята мои, шануйте еи.

57.

Ой, Галю, нейды у поле,
Ой, Галю, въ нижки коле,
Ой, Галю милостива,
Чимъ ты брови намастила?
Намастыла кукурвасомъ,
Щобъ любили хлопци часомъ,
Долемъ долемъ, долиною,
А за мною кобылою,
Кобылою вороною,
Та за мною молодою
Кобылою не нагнаты,
Якъ попросе, треба устаты.
Ой, що тоби за чортъ стався,
Що ты мене й отцурався;
Ходытемешь, бродытемешь,
Тай опьять мене любитымешь.
Ой, ты ихавъ, а я спала,
Ой, ты свиснувъ, а я встала;

Та забула попытаты,
Чого ходышь коло хаты,
Чого ходышь, чого блудышь,
Десь ты мене вирно любишь;
Попоходытымешь, попоблудытымешь,
Та опьять мене любитымешь.
За моею ятривкою
Ходють хлопци веривкою.
За моею зобыцею
Ходють хлопци улыцею.
А за мною молодою
Ходють хлопци чередою.

58.

Та Марусенько, серденько, скажи мини правдоньку:
Яки у тебе гости булы, учора, безъ мене?
Ведмеденко зъ Занькова,
Павлеченко зъ Крюкова,
Козакъ Придыбойло
Изъ чистаго поля.
Марусенько, серденько, скажи, сердце, правдоньку:
Чимъ ты гостей прпнимала, учора, безъ мене?
Ведмеденка гусятыну,
Павличенка курятину,
Козакъ Павло Придыбайло
Голубонька у масли.
Марусенько, серденько, скажи, сердце, правдоньку:
Чимъ ты гостей поштувала учора безъ мене?
Ведмеденко горилку,
Павлеченко вишнивку,
Козакъ Павло Придыбайло
Солодкій медочокъ.
Марусенько, серденько, скажи, сердце, правдоньку:

Де ты гостей спаты клала, учора, безъ мене?
Ведмеденко у соломи,
Павлеченко у полови,
Козакъ Павло Придыбайло
Зо мною у комори.
Марусенько, серденько, скажи, сердце, правдоньку:
Якъ тій гости уставалы, учора, безъ мене?
Веймеденко умывся,
Павлеченко утерся,
Козакъ Павло Придыбайло
Богу помолився.
Марусенько, серденько, скажи, сердце, правдоньку:
Якъ ты гостей выпровожала, учора, безъ мене?
Ведмеденко шапку знявъ,
Павлеченко ручку давъ,
Козакъ Павло Придыбайло
Обнявъ тай поциловавъ.

59.

Ой, у конецъ гребли, тамъ шумили верби;
Ой, лышь одна верба листомъ не шумила,
Пидъ тою вербою, листу у колина,
А пидъ тымъ же листомъ лежить козакъ убитый,
Тильки биты руки, разрублена голова на чатыри
Охъ, и прилитало и три пави, [штуки.
Ой, первая пава у головонькахъ пала,
А другая сира, край серденька сила.
Ой, що у головонькахъ, то ненька ридненька,
Ой, що край серденька, то ёго миленька,
А що у нижепькахъ, сестрица ридненька.
Де Матуся плаче, тыхій Дунай тече,
Де сестрица плаче, тамъ стоить криныца;
Де мыла рыдае, тай росы не мае.

Що ма́туся плаче, годъ витъ году,
А сестрица плаче, витъ тыжня до тыждня,
А мила плаче, рыдае до нидилоньки,
Ниделепька прійшла, мила замижъ пишла.

60.

Ой, темна ничка,
Темна не видна,
Десь мила за водою,
Жеве вона зъ тяжкою бидою.
Ой, засвичу свичку, перебре ричку,
До милой хоть на одну ничку.
Пидійду пидъ сини, вечеряты сили,
Тильки моя мила ишла не вечеря.
Пидыйду пидъ хаты, полягали спаты,
Тильки моя мила не лягала.
Мила не лягала, у виконця сидила,
Зъ буйнымъ витромъ зъ тиха говорила:
Не вій, витре, въ ночи, повій опивночи,
Та не спять мои каренькіи очи;
Чи тымъ воны не сплять, що милого не зрять,
Чи тымъ воны плачуть, що милого не часто бачуть.

61.

Головонька жъ моя бидна,
Чого жъ моя мила сблидла?
Чи пшеницу жала, чи ячмень вьязала,
Чи на похмилья лежала?
Я пшениченьки не жала,
Ни ячменю не вьязала,
Отъ милого ручокъ,
Отъ билепькихъ нижокъ,

Я на похмилье лежала.
А я того якъ байдуже,
Що бье милый дуже,
Подлива водою, торка ногою,
Говори мила зо мною.
Ой, якъ мини говорыты,
Будешь, милый, биты.
Ты будешь ворчаты,
А я буду мовчаты,
Бо мужа я й провынила.
Не бій мене милый въ день,
Та не смиши сердце людей;
Побьешь мене въ ночи,
Запиршись бичи,
Щобъ насъ люды та не знали,
Пьяныцями та не назвали,
Щобъ насъ люды не судыли,
Пьяницями не робыли.

62.

Ой, изъ за гори буйный витеръ віе, все повивае,
Потеряла я свое здоровье, уже й лита минають.
Ой, запряжу пару конивъ, пару вороніи,
Та поѣду догоняты лита молодыи.
Дожену я лита молодіи, у колиновомъ мости:
Завернитесь, лита молодые, вы до мене въ гости.
Не вернимось, не вернымось, не знаемъ до кого,
Що не умилы шановаты здоровьячка свого.
Ой, пиду я й у вишневъ садъ, та вырву я квитку,
Та вырву я рожевую квитку, тай пущу на воду,
Плевы, плевы, моя рожевая квитка, а до мого роду,
Плевы, плевы ты, рожевая квитка, де у поле криныца,
Ой, тамъ стоить два братика, а третяя сестрица.

Ой, дежъ ты, наша сестра, симъ нидиль лежала,
Що уже твоя рожевая квитка на води завьяла?
Не лежала, мій братику, ни дня, ни годыни,
Изсушила та извьялыла чужая украина,
Тай ще къ тому, братику, доля несчастлива,
Ще къ тому, мій братику, все чужая робота,
Тай ще къ тому, мій братику, на сердци скорбота,
Та ще къ тому, мій братику, все думки та гадки,
Та ще къ тому, мій братику, мои недостатки.

63.

Ой, темная, та невидная ноченька,
Дурна була, та нерозумная дивчина,
Полюбила та козаченька старого,
Веде зъ корчмы та за рученьку пьяного,
Та привела до высокого терема,
Кладе спаты, та на тесовій кровати;
Та забула соловійчку сказаты:
«Соловейки, вы братики, вы мои,
Не щебечить, а вы раненько на зори,
Не збудить мого милого у тереми.»
Я думала, що мій милый спыть, не чуе,
Винъ на мене та нагаечку готуе.
Я думала, що нагаечка шуточка,
Якъ ударыть, той разсятыться шкурочка.
Я думала, що нагаечка волова,
Якъ ударыть, то болыть сердце й голова.
Я думала, що нагаечка на пару,
Ажъ та вона изъ проклятого ременю.
Я думала, що нагаечка зъ кистрыци,
Ажъ то вона зъ проклятои сырыци.
Я думала, що нагаечка, жовтый дрокъ,
А ударыть, болыть сердце и животъ.

64.

Ой, маты, маты старая,
За що ты мене зкарала,
За пьяныченьку й отдала?
Що пьяныченько, що дня пье,
Прійде до дому, мене бье.
Нарикай, доню, нарикай,
Та у вишневый садъ тикай.
У вишневымъ саду калина,
Ой, тамъ стояла червона;
На той калини зузуля,
Ой, тамъ кувала сыва,
Тамъ вона днюе и ночуе,
Та никто зузули не чуе;
Тильки почула нивистка,
На круту гору идучи,
Холодну воду несучи.
Еи миленькій встричае,
Изъ плечъ видеречко знимае,
Та миленькій питае:
«Чого, милая, такая,
Що на лыченко блидная?»
Я тоби, мылый, не кажу,
Що я твоей неньки не вгожу:
Помажу припечокъ, лупае,
Помыю лавки, не сяде,
Постелю постелю, не ляже,
Пытаю дила, не скаже,
Пиде до сиседъ, тай суде:
Ледащо нивистка ледащо,
Не пріймается а ни за що.
Не робы, мила, не робы,
Зклады рученьки, тай сиды.

Треба, миленькій, робыты,
И твоій неньци годыты,
Щобъ соби славоньки зажиты.

65.

Якъ була у дивчины мачуха лыхая,
Та послала дивку до броду, по воду,
Та приказала маты повни видра браты;
Не велила маты видеръ надливаты.
Не успила дивчина у бродъ уступыты,
Десь узялыся два вовчика зъ горы,
Та ухватыли дивку пидъ билыи боки,
Та повели дивчину у яры глубоки;
Стали зъ дивчиною, стали жартвоваты,
Стала дивчинонька плакаты рыдаты,
Плакаты, рыдаты, голубамъ казаты:
«Ой, вы, голубоньки, ой, вы, сызеньки,
Чи полетыте вы на той край до батьки,
Накажите батьку, батьку ридному;
Не хай мене батько, батько не шукае,
Батько не шукае, мачуха не лае;
Не хай мене батько уже й отпоминае,
Мене молодои на свити не мае.

66.

Ой, на гори роменъ зеленeнькій,
Разгулявся козакъ молоденькій.
Не ма упину вдовьиному сыну,
Изсушивъ извьялывъ чужую дытыну.
Пидъ горою комора стояла,
А у комори свичечка стояла;
Ой, тамъ мила билу постиль слала,

Та съ постилью тыхо промовляла:
«Постиле била, та не буду спаты,
Ой, буду я у кровати стояты.»
Що зъ вечера свичечка горила,
О пивночи нагайка шумила,
А къ свитови мила одубила.
Лежыть мила, якъ бумага синя;
Стоить мылый, такъ якъ папиръ билый.
Треба, сыну, людей збираты,
Треба, сыну, миленьку ховаты.
На що, маты, людей торбуваты,
Треба, маты, думаты гадаты.
Кого, маты, кату до рукъ даты,
Що ты, маты, порадница у хаты,
Що ты, маты, у комори стояла,
Якъ мила мученьку пріймала;
Чомъ ты мене, маты, не зпеняла?
Та ще, маты, мене наущала:
«Ой, бій, сыну, чужую дытыну».

67.

Ой, сынъ неньку за рученьку веде,
Ой, сынъ неньку хорошо питае:
«Ой, ты, ненько, ты, матинько моя,
Чи мягкая постиленька твоя,
Що постлала мыленькая моя?.»
Ой, сыне мій, ты моя дытына,
Мьягко спаты, та важко лежаты;
Не зна мила на добра-ничь даты,
А вившовши зъ коморы раненько,
Та не скаже: на добрыи—день, ненько.
Ой, ты, ненько моя, ты, матинко моя,
Треба учиты, треба милу биты.

Ой, сыну мій, ты моя дытына,
Не бій жинку товстыми кіями;
Та бый жинку розными словами,
О, якъ буде, та добрая жена, то послуха и доброго слова,
А якъ удастся злая лычина,
То не боится ни бича, ни кія.

68.

Ой, выйду на гору, гляну на море,
Сыне море гра, хвыля разгоня;
Та гляну на свій край, ажъ роду нема,—
Я зажуруся, я й затомлюся,
Пиду у вишневый садъ, хочь прохожуся.
Въ вишневимъ саду, пидъ вишенькою,
Ой, тамъ сидила пара голубивъ,
И цилуются, и милуются,
Та на мое житья все дывуются.
Ой, вы, голуби, вы сызеньки,
Вы цилуйтеся, вы милуйтеся,
Та на мое житье не дывуйтеся.
Десь узялыся да стрилчика,
Та голуба убыли, а голубку узялы.
Та укинувъ за полу, принисъ до дому,
Принисъ до дому, пустывъ до долу,
Та насыпавъ пшеныцы, кубокъ водыци.
Пшеници ни исть, водыце не пье,
Та пидъ ту вишню плакаты иде.
Не плачь, голубка, не плачь, сызенька,
Якъ я полену на синее море,
Прыжену тоби табунъ голубей,
Якого схочешь, такого й возьмешь.
И выбирала, и розсмотряла,
Та не выбрала такого якъ мала.

69.

Чужи люды конопельки сіють,
А наши у мишечку пріють.
Ой, ты, чумаче не боже,
Чомъ ты не робышь якъ гоже?
Ой, ты чумаче голубче,
Чомъ ты не робышь якъ лучше?
Чужи люды конопли волочать,
А наши свини волочуть.
Ой, ты, чумаче не боже,
Чому ты не робышь якъ гоже?
Ой, чумаче голубче,
Чому ты не робышь якъ лучше?
Та вже чумакъ дочумаковався,
Штанивъ не мае, въ свитки зостався.
Ой, ты, чумаче небоже,
Чому ты не робышь якъ гоже?
Ой, ты, чумаче голубче,
Чому ты не робышь якъ лучше?

70.

Ой, соколе, соколенько,
Не журь моей головоньки,
Бо я й сама зажурюсь,
Що я роду й остаюсь.
Хорошого соби мужа маю,
Добре буде быты, знаю;
Що зъ вечера цилуе, милуе,
О пивночи бье та катуе,
А къ свитови прочь прогоняе:
«Иды, стыдка, брыдка, и отъ мене,
Есть у мене кращая й отъ тебе».

Хочь у тебе двадцать чотыри,
А ти я краща межъ ными,
А така я старша надъ ными.
Де ты, брыдка, таку волю брала,
Щобъ надъ ными старшинствувала?
Измилуйся, Боже, надо мною,
Зоставь мене й увдовою.
Не хай же я й погуляю,
Якъ рыбонька по Дунаю.

71.

Ой, якъ була я малою, маленькою,
Не одынъ сказавъ: будешь мини миленькою;
А якъ пишла я замижъ, за несчастного сына,
Не одинъ сказавъ, шкода того чирядина.
Въ мого свекорка на двори дви комори,
Колы пиду у тее комори, ажъ ни хлиба ни соли.
Бидна моя головонька, несчастлива доля,
Я у роду росла, у роду й кохалася,
Бидна моя головонька роду осталася.

72.

А московка ряба
Поихала по дрова;
И сече и руба,
И на возъ наклада.
Зострила попа,
Помогай би дала:
«Помогай би батюшка,
Мой батюшка».
Ой, на гори журавель,
А въ долини гусы,

Вары, маты, вечеряты,
Пиду до Маруси.
А у Маруси полки та лавки,
Якъ сивъ, прикишивъ,
До дому не схотивъ.
Пришла маты згоняты:
«Иды до дому, скурвый сынъ».
Пидъ пилъ подогнала,
Очкуръ перервала;
Очкуръ зъ бузины,
А матня зъ пелены,
А холоши зъ макивокъ,
Тюпу, тюпу до дивокъ:
«Дивчаточки, голубочки,
Не бачили Марусеньки»?
Хочь бачили, не бачили,
Не будемъ казаты.
Сидай же ты на коня,
Будумъ догоняты,
Простомъ, мостомъ,
До билои хатки,
До дивчины ганки.

73.

Ой, повійте буйны витры изъ горы;
Та пріихавъ мій миленькій зъ войны,
Та привьязавъ конычека й у двора,
А самъ пишовъ до милои своеи:
«Добри-вечеръ, моя й мила, чи чуешь?
Ой, чи сама мила ночуешь?»
Ой, не сама, мій миленькій, не сама,
Якъ у саду калиночка зацвила,
Якъ у лизи калинонька зъ цвитами,

То такъ я зъ маленькими дитками.
Одно кладу, мій миленькій, и къ стини,
А друге кладу, мій миленькій, зъ краю,
Сама молода у середыни лягаю.

74.

Давно дуба изрубили, пенёкъ зелененькій;
Давно вдова завдовила, сынокъ молоденькій.
Ой, увдово увдовонько, научай свого сына,
Якъ не будешь научаты, будешъ чароваты;
Очарую руки й ноги и карiи очи,
Щобъ не ходывъ до дивчины, темненькои ночи.
Божилась увдовонька, передъ паномъ стоя:
«Ой, далыби, добродію, ночуе сынъ дома,
Що зъ вечера постиль стеле, къ свитови лягае,
Не разъ, не два, у дивчины чобитъ отбигае;
Не такъ чобитъ, не такъ чобитъ, якъ сивои шапки,
Тай у тои дивчиноньки, у своеи коханки.
Не такъ шапки, не такъ шапки, якъ билои юпки,
Тай у тои дивчиноньки, у своей голубки.

75.

Выйся, выйся, подоймыся, сызо-крилый голубецъ,
Та перепелыченька, а мала не велычка,
А мала не велычка,
Та по поли литае, а комишь разгортае;
А комишь разгортае;
А комишь разгортае, а сокола шукае,
А сокола шукае:
«Соколе мій ясный, а панычу прекрасный,
А панычу прекрасный,
Та гордуешь темнотою, якъ витеръ горою,

Якъ витеръ горою,
А якъ витеръ горою, а туманъ долиною,
А туманъ долиною;
А туманъ долиною, а солнце украинною,
А солнце украиною;
А солнце украиною, а козакъ зъ дивчиною,
А козакъ зъ дивчиною.

76.

За три денежки кужелыцю купыла,
Та принесла до домоньку, положила.
Лежыть тая чужелыца усю нидилю,
А въ неделю у воскресенье, на висилья прогуляла,
Въ понидилокъ на похмильячку лежала,
А въ вивторокъ больно голову чесала;
А въ середу государю, просударю прослужила,
А въ четвергъ теплу баню топыла,
А въ пьятныцю стары жоны не прядають,
А въ суботу все поминки собирають,
А въ нидилю въ воскресенье, на висильи прогуляла,
А въ понидилокъ на похмильи лежала,
А въ вивторокъ больно голову чесала,
А въ середу кужелыцю привьязала,
А въ четвергъ три ниточки выпрядала.
Ой, не пряды, моя мила, не неволься,
Якъ настане весна красна,
Та наросте широкій лыстъ лопушина,
Та пошіемъ сарахванчикъ,
Раздиванчикъ, размаханчикъ.
Не ходы, моя мила, коло саду,
Коло саду вишневаго, зеленого,
Щобъ не порвалы сарохвана, роздивана, размахана.

77.

Бида мини, маты, за бидою,
Научилася журитыся молодою,
А друга бида, маты, мали диты,
Рада бъ погуляты, нигде диты.
Покину дытыну у кропивыну,
Сама помандрую на Украину;
Вернуся, дытыну погодую,
Та опьять на украйну помандрую.
Ой, якъ тій дытыни у кропивыни,
То такъ мини, маты, на Украйни.
Та покину дытыну у нехворощу,
Сама помандрую ажъ у Польщу;
Та вернуся, дытыну погодую,
Та опьять ажъ у Польщу помандрую.
Ой, якъ тій дытыни у нихворощи,
То такъ мини, маты, у тій Польщи.
Покину дытыну мижъ шляхами,
Сама помандрую зъ ляхами;
Вернуся, дытыну погодую,
Та опьять и зъ Ляхами помандрую.
Ой, якъ тій дытыни мижъ шляхами,
То такъ мини, маты, и зъ Ляхами.

78.

Заря зъ неба закотылася,
А й маты у дочки забарылася;
А хлиба соли не наилася,
А горилки не напилася;
Зъ своимъ зятемъ побранилася.
Озовется моя доненька:
«Ой, приведу я свою матинку,

Ой, за три шляхи за широкіи,
За три гаи зелененькіи.
Сама стану, та пидъ яворомъ,
Ой, пидъ яворомъ зелененькимъ,
Та заплачу жалибненько».
Оглянется моя матинка:
«Чого плачешь, моя доненьку?
Ой, чи попалась у неволыньку?
Чи хмелика на гниздечко звела,
Чи тонкая паутыночка?
Чи малая та дытыночка,
Чи вирна та дружиночка?
Ни хмелина, ни гниздечко не звыла,
Ни тонкая паутыночка,
Ни малая та дытыночка,
А ни невирная дружиночка.

79.

Молодыи молодыци,
Ой, Богъ вамъ давъ чоловиковъ,
Ой, Богъ вамъ молоденькихъ,
А у мене старичище
Ни пускае ни на улыцю, ни на й грище.
А я молодая догадалась,
Биленкую постиленьку послала,
Узяла свого старичище, тай приспала,
Сама пишла на улыцю, и погуляла.
Ой, видится не барилася,
Вечерня зирочка закатылася,
А свитова зирочка свитылася.
Ой, иду я, а не боюся,
Ажъ мій старичище, уже й свище:
«Ой, де ты була, молодыха моя?

Лебонь ты изъ улыци изъ приведена».
Ой, брешешь ты, старичище,
Ни була я на улыци ни на й грища,
А у комори ночувала,
Та твоеи худобочки доглядала;
Що корова ряба та теля привела,
А я молода, та на кошари була,
Привѣла корова телушечку,
А чорна й овечка ягнушечку;
Я молозева надоила,
У полывьянимъ горщику наварила;
Взяла свого старичище й одурила.

80.

Галочка моя, галочка чорненькая,
Скажи галочка, де моя миленькая?
«Твоя милая у лузи надъ водою,
Умывается горячою слезою,
Утерается зильячкомъ крушыною,
Малюе брови синею й ожыною».
Хто мини буде вирною дружиною?
Озовется дидъ старый зъ сидою бородою:
«Пиду я, чорномазка, вечеряты зъ тобою».
Ой, диду, диду зъ сидою бородою,
Не подоба вечеряты зо мною молодою.
У тебе борода, якъ у лузи купына,
А у мене биле лычко, червона калина,
Твоею бородою припечокъ замитаты,
А мое биле лычко чорномазцямъ цаловаты.

81.

Ходыть дивчина по надъ бережечкомъ, якъ рожевый цвитъ,
Плаче, рыдае, що доли не мае, за неволеный свитъ.
«Чого, дивка, плачешь, чого рыдаешь, чи боишся отця?
Не бійся отця, бійся мене молодця,
Дивчина моя».
Ходыть дивчина по надъ бережечкомъ, якъ рожевій цвитъ,
Плаче, рыдае, що доли не мае, за неволеній свитъ.
Чого, дивко, плачешь, чого рыдаешь, чи боишся неньки?
Ой, не бійся неньки, щежъ я молоденькій,
Дивчина моя.
Ходыть дивчина по надъ бережечкомъ, якъ рожевый цвитъ,
Плаче, рыдае, що доли не мае, за неволеный свитъ.
Чого, дивка, плачешь, а чого рыдаешь, чи боишся сестры?
Ой, не бійся сестры, бо ще я козакъ быстрый,
Дивчина моя.
Ходыть дивчина по надъ бережечкомъ, якъ рожевій цвитъ,
Плаче, рыдае, що доли не мае, на неволеный свитъ.
Чого, дивко, плачешь, а чого рыдаешь, чи боишся брата?
Ой, не бійся брата, бо я гиршій ката,
Дивчина моя.

82.

Ой, ишовъ парень дорогою,
Дорогою столбовою,
Зостривъ дивку сироточку,
Сироточку, симъ-литочку.
Ой, дивочко, сироточко,
Сироточко, симъ-литочко,
Загадаю загадочку,
Скажи, дивко, всю правдочку:
Ой, що вьется коло древця?

Ой, що росте безъ коринця?
Ой, що бижить безъ прогону,
Ой, що свитыть круту гору?
Ой, що палыть безъ жарини,
Ой, що плаче безъ дивчины?
«Ой, я це добре знаю,
Козакови отгадаю:
Ой, що вьется коло древця?
Ой, хмиль вьется коло древця,
Камень росте безъ коринця,
Вода бижить безъ прогону,
Мисяцъ свитыть безъ прозору,
Солнце пече безъ жарины,
Паринь плаче безъ дивчины.

83.

Изъ тыхого броду пили гусы сиры воду,
Напилыся, полытилы,
А летячи геркотилы.
Ой, пока нашъ батько буде,
То потивъ намъ роскошъ буде.
А якъ матуся де динется,
Той гостынонька менется.
Ой, пиду я до брата,
Ажъ у брата не та хата.
Хочь у брата та хата,
Такъ у брата ни ти сины;
Уже у брата гости силы.
Братъ сестру у гости кличе,
А нивистка дули тыче.
Братъ сестру завертае,
А нивистка нышкомъ лае.
Ой, завертай, милый коню,

Поидемо изъ гостыни,
Щобъ у братови не гостыли,
Щобъ братови ни доилы,
Хлиба, соли не поилы.

84.

Ой, ты бривъ, чорно-бривъ,
Чорно-бривъ, чомъ до мене забривъ?
Та нема охотоньки,
До дивчины сиротоньки.
Чомъ, чомъ не прійшовъ?
Бо чобитъ не найшовъ,
Материнихъ не беру,
Бо устилки погублю.
А сестра не дала,
Бо й соби добула,
А батьковыхъ не хочеться,
Бо подошвы волочатся.

85.

Оженыла маты сына,
Тай взяла нелюбу нивистку,
Та не любу, тай не до любови,
Не биле лычко, не чорни брови.
Маты свого сына научала:
«Замкни, сыну, жовтымъ ключомъ двери,
Тай бій свою жинку край постели».
Що зъ вечера комора звинила,
А у комори свичечка горила,
Тамъ миленька билу постель слала,
А стелючи, мученьку пріймала:
Що привьязавъ до столба косами,

Тай наступивъ на вьязы ногами,
Тай бье жинку трема батогами.
Стоить милый, якъ бумага била,
Лежить мила, якъ ожина синя.
Выйшла маты его стара зъ хаты,
Та стала свого сына пытаты:
«Десь ты, сыну, свою жинку любишь,
Що ты ей раненько не забудешь»?
Десь ты, маты, у порога стояла,
Якъ миленька смертью пострадала.
Научала, маты, якъ жинку караты,
Научижъ теперь, якъ ій ховаты.
Сидлай, сынку, коня вороного,
Та поизжай до тестонько свого,
Та знай, сынку, що у тестя казаты:
«Ой, идь, маты, донечку ховаты,
Поихала по жовтую глыну,
Глины не набрала, смертью пострадала».
Иде маты доненьки ховаты,
Ажь никому и ворить отчиняты,
Тай никому правдоньки казаты.—
Увишла маты у новую свитлыцю,
Лежыть дочка на всю скомницю.
«Дочка жь моя, дочко, кукибнычко,
Чого жъ у тебе плечи почернилы,
Чого у тебе й ручки посинилы?
Чого у тебе нижки пожовтилы»?
Плаче маты дрибными слезами,
Розсказуе сваха вирными словами:
Плечи чорни, то глина побила,
Руки сини, у нась пряжу синыла,
Ноги жовти, чепурно ходыла.
Ой, нужъ, сваха, донечку ховаты;
А за сына другои шукаты.

Велыжъ, свахо, кату въ руки даты,
А твого сына на Сибирь послаты,
Моеи дочки тило ховаты.

86.

Синее море, жовтый цвитъ, та загодала на весь свитъ.
У кого е кони, годуйте, у кого нема, купуйте,
У кого сыны, зряжайте, у кого нема, наймайте.
Ой, зажурытся вдова, що у пеи конь е, сына не мае,
Тильки одна дочка Оленочка, тай тую у вийско выряжала.
Маты Оленочку у вийско выряжала, выряжала, научала:
«Тай пейды, дочко, попередъ вийска, и не оставайся позаду вийска,
А йды, дочко, зъ боку войска», а Оленочка не послухала, по передъ вийска не поихала,
Якъ же припало ричку бресты, и дунай плысты, то Оленочка перебрела и переплыла.
Десь узявся татарюшка, узявъ еи коня за поводи, а Оленочка за билу ручку,
Повивъ коныка у станыцю, а Оленочку у свитлыцю,
Давъ же коныку сина и вивса, а Олепци меду и вина.

87.

Ой, малою сиротою стала,
Та пишла замижъ, у горенько попала,
Прираяли мене стари люды:
«Пиды за мижъ, лучше жъ тоби буде».
А я людску воленьку уволыла,
Та пишла за мижъ, головку утопила;
Тай не умила милому угодыты,
Та пишла его раненько будыты:
«Устань, милый, сизый голубочку,

Стоить тоби водыця у кубочку,
И рушничокъ высыть на колочку;
Стоить тоби сниданьячко у часци,
Стоить тоби и горилочка у плясци».
Десь ты мои паровоньки знала,
А що такъ мини снидать зготувала?
Ой, яжъ твоихъ паровивъ не знала,
Мини твоя маты сказала,
Щобъ такъ тоби снидать зготувала.

88.

Ой, матинко, вишенько, що безъ тебе лышенько,
Ой, ненько жъ моя, топка гилька, якъ безъ тебе гирко.
Що тебе жъ ни купыты, а ни заслужиты,
Що безъ тебе, пенько моя, горе у свити житы.
Що уже жъ я й ходыла, та вжежъ я й служила,
Та не найшла тои неньки, що мене родыла.
Тильки найшла у поли синенькое море.
Прійми жъ мене, синее море, теперь мини горе.
Чи чула жъ ты, моя ненько, якъ я у тебе була?
Пидъ покуднимъ виконечкомъ, якъ голубка гула.
О, хоть чула, хоть не чула, не озывалася,
Яжъ на тебе, донько моя, не сподивалася.
Ой, чого жъ ты, донько моя, така стара стала,
Що я тебе, донько моя, за рикъ не пизнала?
Изстарила мене, пенько, чужая робота,
А ще къ тому, моя ненько, на сердци скорбота.
Изстарили, моя ненько, мене та чужіи хатки,
А ще къ тому, моя ненько, мои недостатки.
Изстарили мене, ненько, та чужіи лютки,
А ще къ тому, моя ненько, маленькіи дитки.
Изстарила мене, ненько, та чужая нива,
А ще къ тому, моя ненько, невирная дружина.

89.

Та не вродыла мене маты а дила робыты,
Та вродыла мене маты горилочку питы.
Та люблю, люблю горилочку, та люблю ін питы;
Ой, журятся мои вороженьки, чимъ буду платиты.
Ой, у нидилоньку весь день пила, у понидилокъ спала,
А въ вивторокъ снопивъ сорокъ пшеныченьки пажала.
А въ середу извозыла, а въ четвергъ змолотыла,
А въ пьятныцю провіяла, въ суботу змолола,
А нидилю рано, у ранци отнесла шинкарци.
Ой, день пила, ой, день пила, а тыждень робыла,
Нежуритеся, мои вороженьки, ужежъ я заплатыла.

90.

Витдай мене, моя маты, де новін хаты,
Ще свекорка якъ батинько, свекруха якъ маты,
А диверки якъ братики, люблю жартвоваты,
А зовыци якъ сестрыци, е зъ кимъ розмовляты.
Одинъ кивне, другій моргне, третій засміется,
А мій милый, та ревнивый, мини не менется,
У вечери, повечеря, все лихо складется.

91.

Поросъ роменъ съ тыномъ ровенъ, на тынъ похилывся,
Въ чужіи стороньки козакъ уклонывся.
Прославъ поклоновъ, копя вороного,
А я ему хустыну зъ пидъ злата самого.
Мини тін хустыноньки у бока не носыты,
За для славы казацкой сиделычко укрыты.
А якъ гляну на хустыну, згадаю дивчину,
А якъ згляну на сидельце, утишу свое сердце.

92.

Та чого мини журиться, якоп неволи,
Що я добра не згадаю, а лиха до воли.
Та витдай мене, моя мамо, за мижъ за старого,
Буду его шановаты лучше молодого.
Та буду шановаты, билу постиль слаты,
Качалочко у головочки, праники у боки,
Шепшиною я застелю, лозыною укрыю,
Ой, Боже мій милостывый, чимъ я не угодыла?
Пошлю свого старепького, й у лугъ по калыну:
«Пиды старый, пиды сидый, калины ламаты,
Якъ калины не паломишь, то далыби покину,
Не паломишь червонои, ей Богу покину».
Пійшовъ старый, пишовъ сидый, калины ломаты;
Прійшовъ паринъ, хорошъ бравый до моей хаты,
А я его за ручеиьку: «та иды, сердце, въ хаты».
Посадыла париночка за тесовымъ столомъ,
Сама молода, якъ ягода, сила биля ёго.
Выняла курча зъ печи, полудновать дала,
Та послала свою дочку курчатъ годуваты:
«Та иды, дочко паняночко, курчатъ годуваты,
Не такъ курча доглядаты, батька выглядаты.
Якъ птыме батько зъ лиса, давай въ хаты знаты».
Та иде дочка паняночка, та долони плеще,
Гуляй, гуляй, наша маты, батька не ма еще.
Дотци виры ни діймала, сама поглядала,
Отсунула кватырочку, калина буріе,
Ой, Боже мій милостывый, де я тебе подину;
Поставила париночка за дубовіи двери,
Сама лягла молодая на билой постели.
Та иды старый бородатый, не колупай меду,
Тяжко, важко на серденьки, головки не зведу.
Піишовъ старый бородатый медъ колупаты,

А я парня за рученьку: «га иды, сердце, зъ хаты».
Тай иды парнинь хорошъ бравый, та все лугами,
Хто зострывъ та пытатыме, кажи, ходывъ за волами.
Иде старый бородатый, та въ тарилки клепле,
Ой, бувъ же тутъ тривражій сынъ, тильки мисто тепле.
Та бодай тебе говорила лихая годына,
Полежала биля бока маленькая дытына.

93.

Якъ пійшовъ, той Панасъ,
По горилку для насъ;
Зачепився за пень,
Тай простоявъ цилый день;
И пляшку розбывъ,
И горилку розливъ.
Пишла жинка видчиныла,
Ему спину набыла:
«Иды, дурню, до дому,
Та не хвалыся никому».

94.

Ой, що тоби приснылося,
Ой, що тоби привидилося?
Прошли наши марно лита,
Якъ мисяць кругомъ свита.
Чоловиче, що ты знаешь?
Що ты все пьешь, та гуляешь;
Що все гульки, та прогульки,
А объ смерти нема думки?
А я смерти не боюся,
Я отъ смерти откуплюся,
Калимами обстелюся,

Гостоньками обсажуся.
Чоловиче, що ты знаешь?
Що смерть гостей росхиляе
Тай на тебе постягае.
А я смерти не боюся,
Я отъ смерти откуплюся,
Возьму чарку, пляшку въ руки,
А объ смерти нема думки.

95.

Чого же мини до дому?
Чого жъ мини хвататься?
Хлиба у мене худоба,
Чи дытына плаче?
Якъ бы у мене худоба,
Ябъ дома сидила,
Якъ бы у мене дытына,
Тобъ дытыну глядила.

96.

Та вже не ходыты яромъ за товаромъ,
Та вже не стояты съ козакомъ Иваномъ.
Та вжежъ ни ходыты, куды я ходыла,
Та вжежъ ни любиты, кого я любила.
Та не ходыты пишки по оришки,
Уже миняются дивоцки насмишки.
Купы мини, Ваня, зелену запаску,
Щобъ не забула, якій ты на ласку;
Купи мини, Ваня, червоне намисто,
Щобъ я не забула, якій ты намистный.
Купи мини, Ваня, шолковый платочокъ,
Щобъ я не забула, якій твій голосочокъ;

Купи мини, Ваня, баевую юпку,
Щобъ я не забула, якій ты на думку.
Якъ поихавъ Ваня у велыку дорогу,
Та покинувъ милу чорноброву.

97.

Ой, не ходы, Василечко, побиля тыночку,
Бо поколышь биды пижки, тай на шепшиночку,
Що шепшина та глодына, тай у печи дрова,
Ой, десь стоить парочка, любая размова;
Ой, якъ третій умишается, той потеряется,
А я четвертый пребуде, той все гораздъ буде.

98.

Шли коровы зъ дубровы, а овечки зъ поля;
Ой, плакала дивчинонька, край козака стоя:
«Ой, куды ты, козаченько, отъизжаешь,
Ой, ты мене молодую кому вручаешь?
Вручаю дивчиноньку Господу Богу,
А самъ иду, самъ же поиду, Днипромъ за водою.
Ой, килы жъ тебе, козаченько, у гости ожидаты?
Ожидай, дивчинонька, тоди у гости,
Якъ поросте зелена травыця у тебе на помости.
Росла, росла зелена травыця, та вже похилилась,
Ждала, ждала дивчина козака, та вже изжурплась.
Ой, вышенько, та черешенько изъ коренемъ изъ сада,
Кажуть люды, що козаченько буде, дивчинонька рада.
Хоть радій, ни радій, то не буде браты,
Було бъ тоби зъ другими ни жартоваты.

99.

Пріиды, прійды молоданъ,
Гречанычокъ тоби дамъ;
Не клады пидъ плече,
Бо рощина потече.
А це жъ то не я пекла,
А се моя маты.
А якъ бы я напекла,
Той по локтяхъ потекло.

100.

Ой, пиду я зъ сего хутора, пиду,
Та покину я всю вороженькамъ биду.
Тай оглянусь я, за крутою горою,
Лжъ иде бида, тай услидъ же за мною.
«Чого, бидо, чого ты учипылася?»
Тоби я, дивчина, тоби судилася.
Чого бида, чого ты увьязалася?
Зъ тобою, дивчина, зъ тобою зозналася.
Богачу, богачу, я тебе давно знаю,
Не сватай мене, у мене коровъ не мае;
Хочь у тебе не мае, я не буду докоряты.
Хоть ты не будешь, такъ твоя маты:
«Уставай, нивистко, уставай, молодая,
Подій коровъ, що видъ батьки пагнала».
А у мого батенька лиха годына мала,
Де бъ я тихъ тоби сирыхъ коровъ набрала?
У мене корови, тильки чорни брови,
У мене телыци, тильки кари очици.

101.

Чого жъ въ ставу вода руда, лебонь хвыля збила,
Чомъ дивчина смутна не весела, лебонъ маты била?
Мене матуся не была, сами слезы льются,
Видъ милого та людей не ма, видъ нелюба шлются.
Пришли мини, мій миленькій, хочь одніи люды,
Не хай мини видъ отца, видъ неньки поруги не буде.
Ой, видъ отца поруженька, видъ неньки другая,
Не пускають мене на улыцю, що я молодая.
Не потурай, дивчинонька, що я парядывся;
Я за сію пару жупану сильно задолжився:
Симъ день идты молотыты, три дни погоняты,
Що давъ козакъ пару жупанивъ сей день походыты.

102.

Буложъ насъ три браты,
Охъ, тіи вси не вкупи,
Одинъ въ Самари атаманомъ,
А другій въ Петенбурги осавуломъ,
А я молоденькій на укаини.
Наповаю коня зъ быстрого Днипра,
Называю Днипра риднымъ братомъ.
«Ой, ты Днипро-брате, скажи мини правду,
Охъ, скильки у тебе ричокъ упало»?
Ой, упало у мене ричокъ сорокъ чатыри.
Одная ричка, конирочка,
Тай та въ Днипро упала,
Ой, вона жъ мини всю правду сказала,
Называють мене бурлакою,
А мого товарища разбилякою,
Твого коныченька пропилякою.

103.

Ой, хожу я блужу темненькои ночи,
Не сплять мои очи, ни въ день ни въ ночи,
За тобой, мій милый, за тобою плачучи.
Дай мини, Боже, орловіи крила,
Орловіи крыла, соловьины очи;
Трепену, полену, хоть темнои ночи,
Ой, сяду, я пиду, въ вишневому саду,
Чи не выйде мыла къ мини на пораду.
Ажъ миленька выходыть и словесно говорыть:
«Соколе мій ясный, и мій милый прекрасный,
Якій ты уродився у свити безсчастный!
Що у поли былина, та безъ витра шатается.
Найменьшая птичка соби пару мае,
А мини молодому паронькы не мае.
Ой, тильки мини пары, та що очиці карі,
Тильки до любови, що чорніи брови.
Та чорни брови маю, тай не оженюся,
Пиду до Дунаю, зъ жалю утоплюся.
Ты не топысь, козаче, бо ты душу загубышь,
Ходимъ повинчаймося, колы вирно любышь;
Та за мои рушнечки, а за твои гроши,
Ходимъ повинчаймося, обое хороши.
Попхали винчатыся, ажъ не ма попа дома.
Чи твоя, чи моя несчастливая доля,
Що не засталы свого попа дома?
Запрягай, хлопко, та коня вороного,
Поидемъ винчаться до попа чужого.
Та отъ села до села, ставъ конь спотыкаться,
Вернымось, сердепько, не будемъ винчаться.

104.

Ой, ты дубе купрявый и верхъ тоби рясенъ,
Ой, мини вражій сынъ словами не страшенъ,
Слова твои ласковіи, а чортова думка,
Якъ тебе заплюю, то буду голубка.
Ой, голубе, голубниченько высоко несется,
Перечула черезъ люды, вражій сынъ сміется.
Смійся, смійся, за смихъ тоби буде,
Трусытымешся симъ рикъ, трясця и смерти не буде,
Болитымешь, хворатымешь, смерти бижатымешь,
У своей матери пыты прохатымешь:
«Ой, дай же мини, моя маты, холоднои воды,
Доставъ же я у дивчины великои биды».
Стоить дивка на порози, бровами моргае,
Молодому козакови жалю завдавае.

105.

Ой, гиля, гиля, сиры гусы на Ставъ,
Добри вечеръ, дивчина, та ще жъ я не спавъ;
Ой, не спавъ, не спавъ, та не буду спаты,
Дай мини, дивчинонько, повечеряты.
Я й не топыла и не варыла,
Та взяла козаченька спать положила.
Я й не умывався и не втырався,
Яжъ тоби, дивчинонька, и такъ сподобався.
Е у мене скрыныця зъ подъ перелазомъ,
Умыемось, козаченько, обое разомъ.
Е у мене хустына шолкомъ вышита,
Утрымося, козаченько, хоть буду и бита;
Хоть буду й бита, то знаю за що,
За тебе, козаченько, не за ледащо.

106.

По вгородцу хожу и самъ соби рожу,
И размышляю, що робыты маю;
Чи листы писаты, до милои слаты,
Чи самому ихаты, отвидаты.
Якъ листы писаты, то будуть люды знаты,
А самому ихаты отвидаты.
Ой, пріихавъ милый до милои у гости,
А у милои увесь двиръ на помости.
Ой, на що жъ ты, мила, увесь двиръ замо-
За для того, що вирно любила. [стила?
Та узявъ милый милу за билую ручку,
Пишлыжъ вопы зъ тыха въ мандривочку.
Мандровали поле, мандровали и друге,
А на третье поле, стали повертаты,
Стала мила важенько вздыхаты.
Узявъ милый милу подъ билiи боки,
Тай укинувъ у Дунай глыбокій:
«Ой, плывы жъ ты, мила, тихо за водою,
Не по правди жила ты за мною.
Ой, выплыла мила, де густыи лозы,
Покотились дребненькiи слезы.
Ой, выплыла мила, де жовтый песочокъ,
Тай подала стыха голосочокъ:
«Чи я жъ не богата, чи я не прекрасна?
А що моя доленька несчастна.
Чи я не хороша, чи я не вродлива,
А що моя доля несчастлива.

107.

Пишла жинка на базаръ,
А я ii три дни ждавъ;

Ждавъ день, ждавъ и два,
Жинки зъ базара не ма.
Пiишовъ бы я шукаты,
Шинкарочки питаты.
А жинка сыдыть,
Въ рукахъ чарочку держить:
«Иды, жинко, до дому,
Иды, голубко, до дому».
Даляби не пиду,
Поки ряду ни дiйду.
Ей Богу ни пиду,
Не напилася до ладу.
Та не пишла до дому,
Та у шинкарки у комору;
И пье и гуляе
И у виконце поглядае,
Ажъ мiй милый иде,
Якъ та буря гуде,
И дубину волоче.
Лыха моя годына,
Запарина дубина
Тай ще сукувата;
Та на мою билу спину,
Та пинякувата.
Ахъ, ты милый, муже,
Не бiй мене дуже;
Не буду я въ свити жить,
И до тебе говорыть,
И твоихъ дитей кормить.
Чи я въ тебе не жена?
Чи я господыня?
Три дни хаты не мела,
Въ печи не топыла.
За що мене, мiй милый, бьешь?

За якіи чинки?
Чи я тоби не пряла,
За годъ три починки?
Одинъ пряла до Мыколы,
Другій до Покровы,
Третій зачала,
Тай не докончила.
За що мене, мій милый, бьешь?
Можебъ я й робыла.
Купы визъ веретинъ,
Нема мотовила,
Коли нема мотовила,
Шукай жинкини вила.

108.

Ой, пьяна, я пьяна, я пьяна,
Чоловика лаяла, лаяла;
«Цыть, кажу, мовчи, кажу,
Бой ты такій и я така,
И вся наша родня така.
Було бъ не свататы въ ночи,
Не вылезли тоби очи,
Було бъ свататы въ день,
Роспытатыся людей,
А у насъ люды не татары,
Вони бъ тоби разсказали.
Цыть, кажу, мовчи, кажу,
Бо й ты такій я я така,
И вся наша родня така.
Ой, хоть я дробная на виду,
А така я стоптала до ладу.
Цыть, кажу, мовчи, кажу,

Бой ты такій и я така,
И вся наша рідня така.

109.

Ой, и пье, козакъ пье, а у козака гроши е,
Его маты старенька, а й дрибни слезы лье,
Ой, и сыночку жъ ты мій, ты дытына моя,
Та не пій рано горилки, бо зведешся зъ ума.
Я горилки напьюсь, більше ума наберусъ,
Зъ вирною дружиною ой житы не почмусъ.
Ой, у поли верба, пидъ вербою вода,
Тамъ дивчина воду брала, сама й молода.
Ой, дивчина отъ воды, а козакъ до воды:
Ой, дивчина молода, ой, дай коню воды.
Ой, рада бъ я подождать, та копеку воды дать,
Зимняя роса, дивчина боса, ніженьки щемлять.
На килочку рушнечки, тай обмотай ніжечки,
Якъ дождемо той осени, куплю башмачки.
Ой, купуй ты самъ соби, а не будешь ты мини,
Есть у мене отецъ и матуся, тай куплять мини.
Ой, дивчина моя, сидай, сердце, на коня,
Та пойдемъ у степъ гуляты, а де моя воливня,
А й у мене воливня, тольки одынъ бугаецъ,
Не журыся, сердце дивчино, я й самъ молодецъ.
Ой, дивчина моя, сидай, сердце, на коня,
А й та пойдимъ у степъ гуляты, а де моя отара,
А у мене у отари тильки одинъ баранецъ.
Ой, не журися, сердце дивчино, я й самъ молодецъ.
Ой, дивчино моя, сидай, сердце, на коня,
Ой, та пойдемъ у степъ гуляты, а де мои табуны.
А й у мене у табуна, тильки одынъ жеребецъ,
Ой, не журыся, сердце дивчино, я й самъ молодецъ.

110.

Горилочко, дивочко, дивочко,
Я чи тебе выпиты, выпиты?
Чи до долу вылиты, вылиты?
Лучше тебе выпиты, выпиты,
Нижъ до долу вылиты, вылиты.
Въ головоньци не шуми, не шуми,
Въ живиточку не боли, не болы.
Якъ уступи въ ниженьки, въ ниженьки,
Потанцюю тришеньки, тришеньки.
Я бъ горилочку пила, у мене чарочка мала,
Хилю, хилю не тече, коло сердця пече.

111.

Та въ зеленому мачку
Пасла дивчина качку,
Пасучи загубыла,
Шукаючи заблудыла,
Преблудыла въ поле,
Лжъ тамъ мій нелюбъ оре:
«Помогай би тоби плуже,
Мій несуженый дуже».
«Здорова дивчинонька,
Несужена дружинонька:
Будешъ мини постиль слаты,
Та не будешь на ей спаты;
Будешь у кровати стояты,
Будешь нелюба прохаты:
«Нелюбе, нелюбочку,
Пусты мене на постилычку,
Уже мои билы нижки
По морозу походыли;

Уже моя билы руки
Та претерпили муки;
Уже мои кари очи
Не спали сеи почи;
Уже моя руса коса
По двору помаяла.

112.

Ой, маты моя, матусенька,
На що мене хорошого родыла?
На що мини биле лычко дарыла?
Нельзя мини до церкви пійты,
Нельзя мини Богу помолыться.
Пипъ мене въ вивтаръ кличе,
А пономаръ проскуры тыче,
А дяченьки задывляются,
Та читаты помеляются.

113.

Ой, галочки сизо-перычки, пидымайтесь въ гору,
Молодыи новобранци, верныгесь до дому.
Ой, рады бъ мы пиднятыся, туманъ налягае,
Ой, рады бъ мы вертатысь, гетманъ не пускае.
Бодай гетманъ счастья не мавъ, на кошевой долы,
Пишли наши новобранци не по своій волы.

114.

Ты чорна, подай човна,
А ты руда ходы сюда,
А ты била, постый тамъ,
Я до тебе прійду самъ.

Прійшовъ рудый до рудои
Купуваты барабуля;
Несчастлива моя доля,
Не вкипила барабуля,
Ой, тымъ вона не вкипила,
Що ты рудый, а я била;
Ой, ты рудый, а я била,
Барабуля не вкипила.

115.

Очеретъ осока, чорны бровы у козака,
Матусенька уродыла, щобъ дивчина любила;
«Дивчина, люблю тебе,
Та не ижъ хлиба, возьму тебе.
Та не ижъ хлиба, не пій воды,
Возьму тебе для выгоды».
Та не хай ни исть твоя маты,
Колы мене хоче нивисткой браты.
А дивчина послушала,
Три дни хлиба не кушала.

116.

Ой, бувъ та не ма, та пошхавъ до млина,
Ни съ кимъ систы, лина исты, хиба сяду сама;
Ой, бувъ та не ма, та пошхавъ до млина,
Бидна моя головонька, сама спаты лягла.
Ой, бувъ та не ма, пошхавъ за ричку,
Колыбъ его враги взялы, то поставила бъ свичку.

117.

Наварю я чичивыци,
Та поставлю на полыци.
Що се биса нема зъ лиса?
Що се братця, якъ барятся?

Чичивыця сходыть сходыть,
Самъ до мене парынь ходыть.
Що се зъ биса нема зъ лиса,
Що се братця якъ барятся?

118.

Ой, сыну мій дударыку,
Ты жъ було селомъ идешь,
Ты було въ дуду граешь.
Якъ заграешь въ дуду,
То я всего лыха забуду,
А теперь тебе не мае,
Дуда твоя гуляе.
Ой, пиду я въ комору по муку по муку,
Якъ ударю дудочку по боку по боку.
А дудочка, те-не-ни, те-не-ни,
А я въ скоки такъ у боки,
На въ присядки, та у долони,
Кашъ мука по комори.

119.

Ой, въ нидилоньку рано, по раненьку, у вси звоны зво-
А братъ и зъ сестрою на риночку ходыть: [пять,
«Ой, часъ мене, брате, давно за мижъ даты.
Не дай мене, брате, та за селянина,
Виддай мене та за мещанина.
Що у селянына не мае хаты,
А у мещанина увесь двиръ на помасти.
Я по новомъ двору люблю похожаты,
А велыка семья, люблю жартоваты».
Якъ пріихавъ братикъ до сестры у гости:
«Ой, здора, сестро, чи жива здорова?»

Не пытайся, брате, чего я змарнила,
Нагайка, дритянка, кровью окипила.
«Оцежъ тоби, сестро, богатый мещанинъ,
Що по новомъ двору любишь похожаты,
А велика семья, любишь жартоваты.
Убогій селянинъ у поли арае,
Богатый мещанинъ у корчми гуляе.

120.

А де твій мужъ? на Дону.
А твій де? утонувъ.
Нумъ плакаты нумъ,
Нумъ, нумъ, нумъ, нумъ.

121.

Видбила щука рыба, видъ берега ряску,
Потеряла дивчинонька видъ козака ласку.
А я тую дрибну ряску заберу у запаску,
Таки тому козакови підійду підъ ласку.
Підішовъ я підъ виконце, маты горохъ варыть,
Горохъ варыть, сердце вьяпеть, на улыцю барить.
Якъ бы тоби, мій мпленькій, сестрица варила,
Вона бъ тебе на улыцю тай не забарыла бъ.

122.

Черезъ улыцю метелюга струже,
Ой, отчины, милый, бо пьяна иду дуже;
Ой, отчины, милый, своій коханци,
Якъ пишла зъ вечера, та пришла вранци.
Ой, ты не поповичъ, я не попивна,
Не бій мене пьяный, побій на похмилья.

Якъ побьешь пьяну, не буду й знаты,
А якъ побьешь на похмилья, буду памятоваты.

123.

Деръ, деръ деруженецъ,
Кажуть люды, що я не жнецъ,
Що я въ поли не бувала,
Серпа зъ роду не держала.
А за мною густый рядъ,
А за мною попъ и дьякъ.
А за мною молодою,
Ходють хлопци чередою.

124.

Ой, казавъ молодый козаче, що не буду Галю любиты,
Ой, підходышь підъ нове виконце, та подай, Галю, питы.
«Ой, и подай, Галю, ой, и подай, сердце, а изъ новаго вдерця.
Ой, выйды, выйды, та сядь биля мене, та утишь мое сердце».
Ой, якъ мини, козаченьку, до тебе выходыты,
Не спыть отецъ и маты, будуть мене биты.
Ой, не знай, дивчинонько, чимъ маты оскорбыть,
Отсунь кватырочку и отчины двери, та выгоны Галю изъ хаты.
Ой, гуль сизо-перій, а изъ новои хаты,
Ой, не даешь ты моій матусеньки всю ничь спаты.

125.

Колы бъ, моя мила, та човнычко, та веселычко,
Сивъ бы поихавъ на той бережочокъ до дивчины мое сердечко.
На щожъ тоби, козаченько, та човынъ та веселычко?
Стань подывыся зъ далека на мене, козаченько мое сердечко.
Ой, якъ мини, дивчинонько, здалека на тебе подывытыся,

Лучше обняты свою головоньку, та въ ричку утопытыся.
Не дай мини, моя маты, ни спидаты, ни обидаты,
Звелы жъ мини, моя маты, коня сидлалы, та до дивчины поихаты.
Лугомъ иду, коня веду, вы, луженьки, развивайтеся,
Селомъ иду, та плачу, рыдаю, вороженьки, утишайтеся.

126.

У поли, поли, стояла корчма,
А у той корчми дивча шинкуе.
Шинкуе вона медомъ та виномъ,
И медомъ, та виномъ и горилочкою.
Якъ прійшло до неи три волошина,
И три волошина, три хорошіи.
Одынъ же пье все медъ та вино,
А другій пье и грошивъ кладе;
А третій пье, дивча пидмовля:
«Ходимъ, дивча, на Донъ и зъ нами,
На Донъ и зъ нами, зъ волошами,
Що у насъ на Дону не по вашему,
Що у насъ на Дону не тчуть ни прядуть,
Все зъ денегъ живуть.
Солому сичуть, пироги печуть,
А сино смажуть, пироги мажуть».
Повели дивча и все борами,
Все й борами помижъ соснами,
Привьязали дивча до сосни плечима,
А у боръ очима.
Пидпалилы сосну зъ верху до спида,
Сосонь горыть, дивча говорыть:
«Ой, хто е у бору, и хто край бору,
И чуйте и бачте мою пригоду,
А у кого е дочки та поучайте,
Не хай волохамъ вироньки неймуть,

А волоха вира якъ на води пина,
А въ дивчины ума, за шеляхъ нема.

127.

Дивирь зъ нивисткой розбивъ горщикъ зъ лимишкой,
Дивирь зъ нивисткой по смородыну пійшовъ,
Дивирь зъ нивисткой смородыны не найшовъ,
А у тои смородывы широкіи листочки,
Дивирь нивистки купивъ чобиточки.

128.

Теперь мини погодыло,
Що прядыво не вродыло,
Та вродыла чичивыця,
Та буде мини фартухъ и сподныця.

129.

Пряду пряду валъ, валъ,
Люби мене панъ, панъ.
Пряду пряду мычку,
Люби мене Грыцьку.
Пряду пряду Волосинья,
Люби мене Оликсію.

130.

Ой, не знала бидна вдова, якъ хлиба робыть,
Та папняла медведопька за плугомъ ходыть,
А вовчика сирепького волы погоняты;
А зайчика сиренького передни водыты,
А лысыцю горпыныцю обидать варыты.

Якъ разсердывся медведонько, тай плугъ поломавъ,
А вовчичокъ сиренькій волы разигнавъ,
А зайчикъ куценькій и соби поскакавъ.
А лысыця горпыныця горшки побила,
Отъ такъ тая бидна вдова хлиба робыла.

131.

Веселывся козаченько, тай не оглядывся,
Якъ походыла серденько дивчина Маруся,
Така била, повна, гарна, що й не надывывся,
Не ма жинки, молодыци, кращей якъ Маруся.

132.

Та не знаешь, милый, якъ курочку зваты?
Ципъ, ципъ, пріишовъ пипъ,
Шиль, будемъ гуляты.
Та не знаешь, милый, якъ качечку зваты?
Тась, тась, прійшовъ ясъ,
Шиль, будемъ гуляты.
Та не знаешь, милый, якъ овечку зваты?
Баръ, баръ, пріишовъ Климъ,
Шиль, будемъ гуляты.
Та не знаешь, милый, якъ индычку зваты?
Куръ, куръ, пріишовъ кумъ,
Шиль, будемъ гуляты.
Бидна моя головонька, чого дожилася,
И кочилочки и рубля и ременнаго батога.

133.

Ой, маты, люблю Грыця,
Що на коныку вертытся,

Люблю Грыця молодца,
Що Грицъ и до лыця.
Гарный хлопецъ, гарно ходыть,
Гарно и его маты водыть,
Кожухъ новый, коширъ сивый,
Гарный парынь чорнобривый.

134.

Ихавъ, ихавъ, чомъ до мене не заихавъ?
Заихавъ до титочки,
Запутався въ полъ-моточки.
Ой, грай, колы граешь,
Не хай теща танцюе,
Барабаны выбывае.
А дочка не хай танцюе,
Колы счастливу долю чуе.
Ой, заграйте музыки,
У неи бризы велики.
Мини маты пошила,
Щобъ я хороше ходыла,
Мини маты дала,
Щобъ хороша була.
Грай, панъ Иванъ,
Танцюй, моя пани.

135.

Ой, горе, бида мини, переросла дуже,
Колы бъ мене той узявъ, що ложки струже,
И ложечки и тарилочки, ще й на базаръ понесе,
Самъ себе прохарчуе, щей до дому принесе.

136.

Та ихавъ, ихавъ ярманковый,
Ихавъ, ихавъ безтолковый,
Запхавъ до титки,
Запутався у пилъ-митки.
Лихо жъ твоей, кумо, мами,
Сидивъ же я три дни въ ями.
А ты й не выходишъ,
Тильки мене зводишъ.

137.

Серденько жъ мое, теперь насъ двое,
Ридные обое, пиды ты въ поле,
Зрубай туполю.
Пиди въ другую, зрубай ясовую,
Построй комору все тысовую.
Пиды жъ ты въ верби, зрубай верби,
Зрубай верби, та пороби дверп.
Зачиняй мене въ тую комору.
Порубай липки, пороби замки,
Пороби замки и замекай мене,
Та поставь сторожу молодую.
Сторожа молода крипко заснула,
А я молода, я гулять майнула.

138.

Віе витеръ, повпвае,
Батько сына выряжае:
«Та иды, сыну, причь отъ мене,
Та не любляна жена й у тебе».
Ой, я, тато, три сестры маю,

Та всими тремя замышляю:
Найстарша иде, коня веде,
Середуша иде, сидло несе,
Найменьше иде, хустку несе,
А хустку дае и приказуе:
«Ой, брате нашъ, не кидай насъ,
Ой, якъ будешь насъ покидаты,
То буде тебе Богъ караты».
Пиды, сестро, до Дунаю,
Набери, сестро, воды съ краю,
А изъ другого писку жменю,
Та посій, сестро, по каменю.
Та нема дощу, нема сходу,
Нема братика зъ походу.
Та нема свиту на свиту,
Пійшовъ братикъ по всимъ свиту.

139.

И чарко жъ моя й оковитая,
Горилко моя й смаковитая,
Хтожъ тебе налыватыме,
Хтожъ тебе выпыватеме?
Налыватеме Устина Афанасивна,
Выпыватеме Марья Степановна,
На здоровье тому, чью горилку пьемо,
На безголовья тому, кто дывуется сёму.
За отця до динця,
А за неньку повненьку;
А за родыночку, хоть половиночку,
А за милого симъ,
Щобъ було весело намъ всимъ.

140.

Померъ Гайдабура,
Зосталася свиня бура,
Закололи свиню буру
Помынаты Гайдабуру,
Закололи свиню въ дощъ,
Та не вдався добрый борщъ.

141.

Лагу меду, голосъ веду, луже развивайся;
Ты, козаченько, на мои чорни брови не сподивайся.
Якъ будешь на мои чорни брови буваты,
То не будешь своею смертію умираты.
Дала дивчинонька козакови коханъ-зилья спиты,
Щобъ ему молодому на свити не житы.
Померъ козакъ, тиха ёго молва,
Козака несуть, коня ведуть и ясну збрую,
Выкопалы козакови глубокую яму,
Выкопалы козакови высоку могилу,
Посадыли червону калину,
Щобъ зузули литалы и рано ковалы,
Померъ козакъ черезъ тую дивчину, щобъ вси люды знали.

142.

Пусты жъ мене негодяю,
Пиду на улычку погуляю.
Ой, колы жъ я негодяй,
Сыды жъ дома, не гуляй.
Отъ такъ треба, отъ такъ треба.
Пусты же мене, голубочку,
Пиду погуляю на улычку.

Ой, колы жъ я голубецъ,
Пиды полугяй у танецъ.
О такъ треба, о такъ треба.
Пусты мене, вошопруде,
Пиду погуляю хоть мижъ люды.
Колы я вошипрудь,
Сыды дома, воши прудь.
О такъ треба, о такъ треба.

143.

О, у поли будякъ,
Ой, у школи старый дьякъ.
Ой, ты старый дячку,
Люби мене швачку.
У мене полы зашиты,
Стоять ложки не мыты.
А смитьячко у купци,
Наихали купци.
Напхалы купци, смитья купуваты.
Що тоби, щебетуха,
За смитьячко даты?
Сюды хипъ, туды хипъ,
За смитьячко девьять кипъ.
А десята кипка,
Що выбрала титка,
Ще повисмо прядива,
Що вымыла дядына.

144.

Обищала пирогъ даты,
А палянычку дала.
Выбачайте сусидоньки,

У меня сырця не мае,
Коровочка одное,
Горилочку любыла,
Петривочку згубила.

145.

Свекоръ нивистку сильно не злюбивъ,
А свекруха незнавидила,
Тай послала лёну полоты,
Лёнъ выполы, да до дому нейды.
Встань же ты выполи белиною,
Белиною и крушиною,
Що безъ витру шатаются,
А безъ солнца украшаются.
Ой, пріихавъ мій сынъ зъ дороги,
Та уклонывся матуси у ноги:
«Ненько жъ моя, ненько старенька,
Ой, я издывъ, увесь свитъ пропзжавъ,
Та не бачивъ такои белины,
Що безъ витру та шатается,
А безъ солнца украшается.
Возьми, сынку, гостру сокиру,
Пиди зрубай тую белину.
Взявъ сынокъ гостру сокиру,
Пійшовъ рубаты тую белину.
Та разъ кинувъ, тай прокинувъ,
Въ друге кинувъ, вона загула,
Въ трете кинувъ, заговорила:
Не рубай мене, милый, я мила твоя,
Се твоя ненька такъ изробила,
Дитокъ маленькихъ поспротила,
Тебе молодого та завдовила.
Ой, пріихавъ мій сынъ зъ дороги,

Тай уклонився матери у ноги:
«Ненько жъ моя, ненько старенька,
Не гораздъ ты се зробыла,
Дитокъ маленькихъ осиротила,
Мене молодого та завдовила.

146.

Черезъ гору орелъ воду носыть,
Дивчинонька козаченька просыть:
«Козаченьку ты соболю,
Возьми мене зъ собою,
Помандрую я и зъ тобою».
Ой, дивчина, ты сухотонька моя,
А люды кажуть, що не будешь ты моя,
А люды кажуть, я й самъ бачу,
Не разъ и не два на день плачу,
За тобою, дивчина моя.
Ты за гору, мій милый, за гору,
А я тебе очеиьками провожу.
Проводь, мила, очеиьками,
Чорненькими бровоиьками,
А умываючи слезопьками.
Ой, верныся, мій милый, верныся,
А есть у мене медъ и вино, напійся.
Ой, не буду вертатыся, меду и вина питы,
Лучше бъ було не знатыся,
Нижъ теперь разстатыся,
И зъ тобою, дивчино моя.
Ой, лучше бъ було не любиться,
Нижъ теперь разлучиться,
Ой, не сама по саду ходыла,
А миленького за рученьку водыла.
А вси ягидки обирвала,

Миленького годувала.
Я думала, що мій буде,
Повикъ мене не забуде.
Козаченьку, ты отецкій сынъ,
Казавъ же ты, тебе не покину,
А теперь покидаешь,
Печаль сердцу завдаваешь.

147.

Ой, вербо, вербо кучерявая,
Хто тобп, вербо, кудри зовивъ?
Завела мини густа лоза,
А густа лоза, сама молода.
Ой, кажуть люды, милый не пье,
А що вечера зъ корчми иде,
Що пропывъ коня вороного,
А до дому иде й по другого.
Ой, мила моя, выкупи коня,
Выкупи коня, люблю тебе,
Якъ не выкупишь, убью тебе.
Ой, не разъ не два выкупала,
У викопечка и утикала,
У вишневомъ саду ночувала,
Зъ соловейками размовляла.
А соловейко якъ тёхъ тай техъ,
А я молода якъ охъ тай охъ,
А у мене слезы, якъ той горохъ,
А у мене брови, якъ той горохъ,
А у мене очи, якъ той терновъ,
А у мене лычко, якъ огарокъ,
А губки, якъ ягидки.

148.

Ой, сынъ мій, та негруенко,
Не пій горилочки, рано въ нидилоньку,
Та не грай конемъ улыцами,
Не растучій малыхъ дитей,
Та не низнивожуй старыхъ людей.
Не гуляй же, сыну, и зъ панами,
Що воны зъ тебе пьють, гуляють,
Що воны зъ тебе ума выворяють.
Ой, якъ мини, маты, не питы не гуляты,
Що й у мене дворы коштовіи,
Що у мене викна Арпушовіи.
Що й у мене серебро не считанное,
Що й у мене злато не важенное.
Що й въ недиленьку рано въ ранци,
Взяли Негруенку извьязалы,
Та извьязалы руки сырицею,
Тай повели улицею,
Та подъ его дворы коштовіи,
Та подъ его викни Арпушовіи,
Тай укинули ёго въ темныцю,
Тай въ глыбокую присподныцю.
Сыдыть винъ литочко, сыдыть и друге,
А на трете лито, стало повертаты,
Ажъ иде его старенькая маты,
Ой, стала жъ ему говорить::
«Чи яжъ тоби, сыну, и не казала,
Не пій горилочки, рано у нидилоньку,
Ой, почимъ же ты, сыну, та литочки знаешь?
Ой, що ты николы свита не выдаешь».
Ой, по тымъ я, маты, ставъ лита знаты,
Ишла дивка семилитка та по водыцю,
Та вкинула свитку зъ рожевого цвиту.

Ой, по тимъ я, маты, ставъ лита знаты,
Що на святый день, та на великъ день,
Всихъ невольныковъ та повыпускали,
Взяли Негруенка разществертовалы.

149.

Та подумай ты мысли, объ моемъ несчастьи,
А чи мини долго житы, у велыкимъ напасти,
Та мини отъ напасти, та уже не пропасти.
Куды питы люды судятъ, объ мини говорять.
Ой, доле жъ моя доля, де ты блудыла?
Ой, якъ мене, моя матусенька, на сей свитъ зродыла.
Та чи ты утонула, а чи въ огни сгорила,
Ой, якъ ты й утонула, такъ плыви къ бережечку,
А якъ въ огни згорила, то пропадай доля.
Ой, якъ пиду я погуляю у чисте поле,
Ой, пиду я сяду въ зеленому саду,
Чи не прійде моя доля къ мини на пораду.
Ой, пиду я сяду въ зеленымъ жити,
Чи не прійде доля, а до мене житы.
Ой, пиду я сяду у зеленому проси,
Чи не прійде доля, а до мене въ гости.
Ой, пиду, я пиду, пидъ ясны копи,
Ажъ тамъ лежыть моя доля, облежала боки.

150.

Ой, коли бъ ты хозяинъ та волыки соби мавъ,
Тобъ я дома соби сидила, та волыки глядила.
Серденько мое, ледаще мы обое.
Ой, колы бъ я, а той ты, не хочемо робыты.

Ой, колы бъ ты хозяинъ, та коровку соби мавъ,

Тобъ я дома сидила, та коровку глядила,
Серденько мое, ледащо мы обое,
Колы бъ я, а той ты, не хочемо робыты.

Ой, колы бъ ты хозяинъ, та овечки соби мавъ,
Тобъ я дома сидила, волничку чухрала,
Серденько мое, ледащи мы обое,
Не хай я, а той ты, не хочемо робыты.

Люды идуть ораты,
А мы въ корчму гуляты,
Серденько мое, ледащи мы обое,
Колы бъ я, а той ты, не хочемо робыты.

Люды идуть по дрова,
А у насъ болыть голова,
Серденько мое, ледащо мы обое,
Колы бъ я, а той ты, не хочемо робыты.

Люды идуть по сино,
А у насъ лыхо на сило,
Серденько мое, ледащо мы обое,
Колы бъ я, а той ты, не хочемо робыты.

151.

На порозп стояла,
Гречаныки учиняла,
Гопъ, мои гречаники,
Гопъ мои билы,
Ни сіяны, ни віяны,
Та до дила удіяны,
Пухки, мяхки,
Ось на яко.

152.

Иды грыцю на улыцю,
Бери паляныцю,
Та не бери пидъ плече,
Бо рощина потече.
Бодай тоби дивко,
Що учинила ридко,
Далиби, що не я,
То матуся моя.

153.

На риченьки, та на дощечки,
Тамъ дивчина хлипощится,
Хлипощится, умывается,
Въ черевички обувается.
«Дывитеся, чоловичепьки,
Яки у мепе черевичепьки.
Сежъ мини панъ отецъ покупивъ,
Щобъ хорошій молодецъ полюбивъ,
А чулочки пани матка дала.
Щобъ хороша панянка була.

154.

Та горилочка небого,
Чому жъ тебе не много?
Якъ выпила за пьятакъ,
Не почула якій смакъ.
Якъ выпила за два,
То прибуло ума.
Якъ выпила я за три,
Не угадала куда йты.

Кричу, кричу, не чуе;
Не хай здоровъ ночуе.
Хилю, хилю, не тече,
Коло серденька пече.

155.

Полюбила коваля,
Та не доля моя.
Я думала кучерявый,
Ажъ и чуба не ма.
Ой, есть трошки,
Та не кучери.
Ужежъ мини шолудывы,
Та докучили.

156.

Повій, витре буйнесенькій, зъ глыбокого яру,
Пребудь, пребудь, мій миленькій, зъ далекаго краю.
Ой, радъ бы я повіяты, такъ глыбоко дуже,
Ой, радъ бы я прибуваты, такъ далеко дуже.
Черезъ воду нема ходу, не ма й переброду;
Колы мене вирно любишъ, бреды черезъ воду.
Половину воды бреду, половину стану.
Сватай мене, козаченько, не вводь мене въ славу.
Ой, сама ты дивчинонька у славоньци ходышъ,
Що пизденько, не раненько изъ улыци ходышъ.
Ой, якъ мини, козаченько, рано ходыты,
Якъ возмешь за рученьку, не можешь пустыты.
Не потурай, дивчинонько, моей розмовоньци,
Держи разумъ и умъ добрый въ своій головоньци.
Ой, держала разумъ добрый, та пустыла въ воду,
Не уповала на худобу, лишь на ёго вроду.

Не уповала ни на волы, а не на коровы,
Лишь на ёго биле лычко, тай на чорни брови.
Були волы та коровы, та й повиздыхали;
Биле лычко, чорни брови повикъ не злиняе.
Зъ великою худобою треба рано вставаты,
А зъ вирною дружиною до полудня спаты.
Великая худобонька все по за очима,
А вирная дружинонька все передъ очима.
Зъ великою худобою животу досада,
А зъ вирною дружиною серденьку отрада.

157.

Не топила, не варила, не буду й топыты,
Выверяла миленького, чи не буде биты.
Побивъ разъ, не гораздъ, тило почирнило,
Плакавъ же винъ цилу ничь, що у мене болило.
Ой, у мого миленького, а не дровъ ни воды;
Прійды, сердце, поцилуймось, та на панщину иды.
И ты тутъ, и я тутъ, ой, хтожъ у насъ дома,
Ой, хто жъ у насъ порубае соломьяни дрова.

158.

Ой, чумаче, чумаче,
Ой, чумаче, чумаче,
Чомъ не рано зъ Криму идешь,
Чомъ чумакивъ не ведешъ?
А я веду та не всихъ,
Лишь не мае й одного,
Брата мого ридного;
Та застався на Дону,
Продае силь на вагу.
Сталась ему причина,

Силь волика прибила.
Выкопали дви ями,
Тамъ чумака сховали,
Притруспли камишемъ.
Помпнали кулишемъ.
Якъ зацвите бурьянецъ,
Якъ заплаче мій отецъ,
Що сынова голова
Въ чужимъ краи полягла.
Якъ зацвите макивка,
Якъ заплаче матинка,
Що сынова голова
Въ чужимъ краи полягла.
Якъ зацвитуть будячки,
Якъ заплачуть братички,
Що братова голова
Въ чужимъ краи полягла.
Якъ зацвитуть сулыци,
Якъ заплачуть сестрици,
Що братова голова
Въ чужимъ краи полягла.
Якъ зацвите синенька,
Якъ заплаче миленька,
Що милого голова
Въ чужимъ краи полягла.
Якъ зацвите увесь цвитъ,
Якъ заплаче увесь ридъ,
Що родычева голова
Въ чужимъ краи полягла.

159.

Тай шовъ чумакъ дорогою, сопилочку грае,
Ой, сявъ чумакъ, та мижъ возами, горилку кружае.

Та оглянется та чумакъ Назарій, ажъ воливъ не мае.
Теперь же мы, милыи братья, на вики пропали,
Що въ Крымъ шли та зъ возами, зъ Крыму зъ батогами,
Ой, сидлай, хлопко, та сидлай, малый, коня вороного,
Та бижи, хлопко, та бижи, малый, по надъ слободою.
Та давай, хлопко, та давай, малый, усимъ панамъ знаты,
Щобъ позволили тому чумакови волы пошукаты.
Ой, у городи, та у Ростови у вси звоны звонять,
Тай оглянется чумакъ Назаръ, ажъ волыки гонять.
Та женуть волы, та половеи, травыцю толочать,
А за ними идуть чумачепьки битого волочать.
Та женуть волы, та дорогою все половыи,
А за ными идуть чумачеиьки все молодыи.
Женуть волы, та дорогою, та все круторогіи,
А за ними идуть чумаченьки, все молодыи.

160.

Що у саду, та пидъ дулькою,
Сидивъ голубъ и зъ голубкою;
Цилуются та милуются,
Сами соби та дывуются:
Що у голуба та сизая голова,
А въ голубки, та позлочувана,
Чорнымъ шолкомъ перестрочувана.
А у Ивана та на думци було:
Колы бъ моя, та Одаря така,
Тобъ я іи циловавъ, мыловавъ,
И до печи куховарку напявъ,
А до ступы та товчильныцю,
А до жорнъ та мелильныцю.
А самъ бы я по водыцю ходывъ,
А Одарю та за ручку водывъ:
«Та, Одарю, ты голубка моя,

Що ты мини та за зилье дала?»
Дала тоби, драголюбчику,
Ты Иванку мій голубчику.

161. Свадебная.

А въ пидилоньку, до сходъ сонця,
Схопилась хвыля на мори.
Розбило судно й корабли,
Та потопили крамари.
Та прибило шолчечку къ бережочку,
Пишла сванечка воды брать,
Та не брала воды, все шолки,
Мини сёго шовчечку надобно,
Старости старому до шопки,
Вороному коньку на гривки,
Ой, щобъ же нашъ староста красенъ бувъ,
Ой, щобъ его конь вороный славенъ бувъ.

162.

Чи ты, ненько, спала, чи ты такъ лежала?
Якъ я вчора изъ вечера, пидъ викномъ кувала.
Ой, якъ бы я, донько моя, твій голосъ зачула,
Вилинула бъ у кватырочку якъ сива зозуля.
Пусты мене, ненько моя, у громовую тучу,
Уже я тоби, ненько моя, повикъ не наскучу.
Ой, не пущу, донько моя, щобъ туда не убила,
Бо не найдешъ счастья и доли, що ты загубила.
Пусты мене, ненько моя, у вишневъ садъ гуляты,
А я буду все гуляты, доленьки шукаты.
Ой, не пущу, донько моя, щобъ птыця не убила,
Бо не найдешъ счастья и доли, що ты загубила.
Пусты мене, ненько моя, на Дунай плаваты,

А я буду порынаты, доленьки шукаты.
Ой, не пущу, донько моя, щобъ ты не утонула,
Бо не найдешъ счастья и доли, глубоко шпрнула.

163.

Сватай мене, Марко, я за тебе пиду;
Я буду свататы, не дае тебе маты.
Ой, якъ не дае, будемъ мандроваты,
Темнои ночки, и зъ Марочкомъ прички.
Ой, Марковъ конь, та не Марко на немъ,
Маркове сидельце, не Маркове сердце,
Маркова збруя, не Маркова мова,
Маркова письня, та не Марко спивае;
Маркови суремочки, та не Марко у ихъ грае.

164.

Ихавъ козакъ и зъ снопами,
Назпавъ дивку пидъ копами.
На дивчину задывався,
Ему визъ уломывся.
Колыбъ дивчина гарна,
А то руда та погана,
Тай та визъ поламала.
Хоть я руда та погана,
Такъ мій батько богатъ:
Симъ паръ воливъ на загони,
На намисти дукачъ.
Чорты убивъ твого батька,
Зъ твоимъ батькомъ богачомъ.
Наплювавъ я на тебе,
И на намисто зъ дукачемъ.

165.

Не займайте мене хлопци, по телята я иду.
Якъ займете вы телята, позываты иду.
Ой, гапа, люблю хлапа,
Хоть у мене, буде зъ мене гопъ.

166.

Ходыть гарбузъ по огороду,
Пытается свого роду:
«Чи живы, чи здоровы,
Вси родычи гарбузови».
Гарбузъ сирый та перистый,
Съ чимъ мы будемъ его исты?
Миска пшена, кусокъ сала,
Гарбузова вся приправа.

167. Свадебная.

Та биленькая черемшина, рано, рано,
Та биленькая черемшина, та ранесенько,
Чи вси луги оббилила, рано, рано,
Чи вси луги оббилила, та ранесенько.
Я вси луги, ще й прилуги, рано, рано,
Я вси луги, ще й прилуги, та ранесенько.
Лишь яворка не вбилила, рано, рано,
Лишь яворка не вбилила, та ранесенько.
Биля яворка сама зросла, рано, рано,
Биля яворка сама зросла, та ранесенько.
Молодая дивка Татьяна, рано, рано,
Молодая дивка Татьяна, та ранесенько.
Ты всихъ бояровъ обдарила, рано, рано,
Ты всихъ бояровъ обдарила, та ранесенько.

И сванічокъ, свитылочокъ, рано, рано,
И сванічокъ, свитылочокъ, та ранесенько.
Лишь Якивка не вдарила, рано, рано,
Лишь Якивка не вдарила, та ранесенько.
Биля Якивка сама сила, рано, рано,
Биля Якивка сама сила, та ранесенько.

168.

Ой, волы мои, та половіи, чому жъ вы не орете?
Ой, лита мои молодіи, чого вы марно идите?
Ой, заржи, заржи, воронын коню, на круту гору идучи,
Та згадай, згадай, сердце дивчино, сниданье готуючи.
Я готувала, тяжко вздыхала, залибно заплакала:
«О, десь мій милый, голубонько сивый, на воронимъ коню иде?
Ой, заржи, заржи, воронын коню, на круту гору идучи,
Та згадай, згадай, сердце дивчинонько, вечерю готуючи.
Якъ готувала, тяжко вздыхала, жалибно заплакала:
Ой, десь мій милый, голубонько сивый, на воронимъ коню иде?
Ой, на волыка все налигачи, а на коника пута,
Ой, якъ бы не ты, сердце дивчино, то не бувъ бы я тута.
Ой, на волыка все налигачи, а на коника узды,
Ой, якъ бы не ты, сердце дивчино, не терпивъ бы я нужды.

169.

Зашумила дубривонька,
Зашумила зелененька;
Распилала вдова молоденька.
Деся узявся козаченько,
Деся узявся молоденькій,
Та взявъ вдову за билу ручку,
Та взявъ іи за рученьку:
«Годи, вдово, питы, гуляты».

И повивъ ін до домоньку;
Пора до дому ступаты.
Не пиду я до домочку,
Наклевечуть головочку,
Ничимъ печи затопиты,
Нимъ дижы замиситы,
Тильки вдови горилочку питы.
Деся узявся козаченько,
Деся узявся молоденькій,
Та взявъ вдову за билу ручку,
Та взявъ ін за рученьку;
Повивъ ін до риченьки,
Кинувъ вдову въ холодную воду.
Стала вдова утопаты,
Стала сусидовъ прохаты:
«Сусидочки, голубочки,
Научайте свои дочки;
Щобъ по почахъ не ходылы,
Прійсвита не любили
И вирочки не донимали.
Я жъ по ночахъ походила,
Прійсвитовъ полюбила,
И вирочки ему донимала,
И правдоньку и сказала,
Теперь же я на вики пропала.

170.

Не топыла, не варила, а у хати дымно,
Ой, я пиду изъ сего села, комусь буде дывно.
Не топыла не варила, а й у хати душно,
Ой, я пиду изъ сего краю, комусь буде скушно.
Не топыла не варила, на припечку жаръ, жаръ,
Ой, я пиду изъ сего краю, комусь буде жаль, жаль.

Не топыла не варила, на припечку каша,
Ой, прощайте, мои подруженьки, теперь я не ваша.
Не топыла не варила, а рыбка печется,
Десь мій милый чернобривый шляхомъ волочется.
Шли коровы изъ дубровы, а овечки зъ поля,
Не плачь, не плачь, дивчинонько, край козака стоя.
Не плачь, не плачь, дивчинонько, рута зеленепька,
Сей покине, другій буде, еще ты молодепька.
Сей покине, другій буде кращій,
А той буде у болоти надъ чортами старшій.

171.

Ой, бувъ, та не ма
Милепького сокола;
Та полинувъ за лиси,
Боже его принеси.
Ой, якъ живъ бувъ, не любила,
Якъ умеръ не тужила.
Хиба тоди затужу,
Якъ на лави положу.
Якъ на лавци лежавъ,
Тоди було тришки жаль;
Якъ изъ лавки знялы,
Бильше жалю завдалы.
До дзвиндора несуть до плачу,
А видъ звиндора несуть, скачу.
Оттутъ лежи въ ями,
За що лаявъ моій мами.
Гарбузомъ поминала,
Що хороше житье мала.
Рѣдькою накадыла,
Що вирненько любила.
Черезъ тую яму,

На другого гляну,
И кивну и моргну,
До серденька пригорну.

172.

Ой, пиду я по за токомъ,
А тамъ лежить баба бокомъ.
Не хай баба не дурыть,
У неи живитъ не болыть.

173.

Калина, малина, чого почернила?
Чи суши боишся, чи дощу бажаешъ?
Я суши боюся, и дощу бажаю,
Кого вирно люблю, сейчасъ умираю.
Ой, умру я, мила, а ты будешъ жива;
Та знатемешь, мила, де моя могила.
Ой, моя могила край синяго моря,
Полягли любящи и тихая мова.
Та не тупай, мила, правою ногою,
Скажуть вороженьки, що живъ я съ тобою.
Трясця вороженькамъ та ще ихъ и роду,
А якъ воны знають, що живъ я съ тобою.
Та не кидай, мила, сырою землею,
Бо ты сама знаешь, що зъ пидъ нею важко.
Ой, тамъ воно важко, любилися тяжко,
Тамъ воно важненько, що любилися вирненько.
Сороки, вороны, тило розклювали,
А сирыи вовки, кости разносили.
Пиду погуляю, кости посбираю,
Въ тихому Дунаю кости поперемываю,
Въ зеленому садочку кости покопаю.

174.

Колыбъ не вы, та не мы,
Тобъ мы у васъ не булы,
Горилочки не пили бъ.
Та зійдымося родыно,
Щобъ жито родыло.
И житечко и овесъ,
Щобъ зійшовся рядъ увесь.
Та напіймося блечки,
Щобъ родылыся гречки.
А хто въ саду гомоныть?
Батько съ дитьми гомоныть.
Та колибъ батько, та коли бъ маты,
Та колы бъ же и ихъ диты,
Та на тую беседоньку,
Любо й поглядиты.

175.

Дала маты дочку, въ чужу стороночку,
Заболило у неи у животочку.
И заказала маты своему дитяти,
А три года въ гости не буваты.
Ждала дочка лито, ждала дочка и друге,
А на трете лито стала скучаты.
Пороблю жъ я крыльця зъ щирого сердця,
Та полечу до й отця, до пеньця;
Ой, сяду я пиду въ вишневому саду,
На вишеньци на черешеньци;
Та буду куваты, буду й промовляты,
Чи не выйде отецъ або маты.
Ой, вышла маты зъ рубленои хаты,
Зузуленьки зъ хаты згоняты.

Ой, шуги, влуги, сивая зузуля,
Изъ вишеньки тай изъ черешеньки.
Не ты садъ садыла, не ты й полывала,
Не для тебе ягидки вродылы.
Ой, я садъ садыла, ой, я й полывала,
Се для мене ягидки вродылп.
Ой, колыбъ я знала, що ты моя дочка,
То дала бъ я тоби жемчугу жменю,
Ще й разлотній и кубочокъ меду,
Ягидки бъ зоботи, медкомъ бы запиваты,
Солоденькимъ медкомъ запиваты.

176.

Тай пійшовъ чумакъ у дорогу,
Та зострився зъ бидою:
«Бида жъ моя бидо, чого ты молода,
На що мене изстарила»?
Та не я тебе изстарила,
Изстаривъ тебе дурный разумъ.
Не пій ризныхъ водокъ,
Та не люби чужихъ жинокъ,
Будешъ житы якъ барвинокъ,
Та горилочка съ пинка,
Зведе зъ ума чужа жинка,
Гарилочки напьется,
А зъ ума зшебется,
Хоть якій розумный будешъ.
Та пійшовъ милый въ дорогу,
За нымъ жинка й у погоцу;
Вси возы минае, а милого нагоняе,
Голубонькомъ называе:
«Та верпыся, милый, до дому,
Плаче дытя за тобою.

Мале дытя плаче, а й отецъ маты лае,
Тимъ намъ хортуны не мае.
Ой, хортуно, хортовино,
Ой, послужи хоть не много,
Поки осидлае чумакъ молоденькій
А коныка вороного.
Ой, хортуно, хортовино,
Ой, послужи й хоть у ранци,
Поки обуется а чумакъ молоденькій,
А чоботы въ сопьянци.
Ой, хортуно, хортовино,
На що мене й остановыла
При молодыхъ литяхъ,
При маленькихъ дитяхъ?
Теперь мене й остановыла.
Ой, хортуно, хортовино!
Ой, послужи хоть немного;
Служила й у панстви,
А служила у бурлястви,
Послужи теперъ у хозяйстви.

177.

Ты молодчикъ молоденькій, дурный разумъ у тебе,
Ты божився передъ Богомъ: «не покину я тебе»;
А теперъ покидаешъ усю клятьбу и мене.
А я зъ тоски та зъ печали, пиду млада у темный лисъ,
Пиду млада у темный лисъ, не хай мене звирь изъисть.
Коло мене звири грають, мене не займають;
Ой, вы звири, вы лютыи, розтерзайте вы мене,
Рознесить мое тило, а по дрибненькимъ частямъ,
Рознесить мои кости, по рокитовымъ кустамъ,
Понесить мою душу а до милого мого,
Не хай милый буде знаты, що була мила у ёго.

178.

Ой, колы бъ же того, да сынъ Божій не множивъ,
Хто щири любощи, та на сей свитъ положивъ,
Що щири любощи, та животу досада,
Болыть головонька, а на серденьку пзрада.
Ой, повій, витронько, та по высокои гори,
Та по высокой гори, та по шолковой трави.
И собери, Господи, уси любощи мои,
Та понеси, Господи, та до милого мого,
Та положи, Господи, у головонькахъ ёго.
Та скоро мій милый встане и на любощій взгляне,
И на любощій взгляне и мене згадае.
Пустыжъ мене, пане, зъ Польщи на Украину,
Та пиши, мила, листы, що породыла сына.
Отписуй, козаче, що не твоя причина,
Не твоя причина, а не твоя дивчина.
Присягаю Богу и передъ паномъ,
Що моя дивчина и моя причина.
Та сидлай, хлопко, коня, та сидлай вороного,
Та поизжай, хлопко, та до роду до твого.
Пріѣзжае жъ козакъ, ажъ родына витае,
Увійшовъ у кимнату, дивчина умирае.
Отъ теперъ, козаче, лыхая годына,
Отпурався батько и маты и уся родына.
Отпурався батько, отпуралася и маты,
Черезъ тебе, козаче, треба й умираты.
Не умирай, дивчино, Господь Богъ зъ тобою,
Скоро одужаешъ, возьму шлюбъ зъ тобою.

179.

Ой, Северино, Северіночку,
Сватай мене дивчіночку,

Сватай мене молодую.
Ой, я бъ тебе, дивчино, сватавъ,
Та боюся твого брата,
Отруй, дивко, свого брата;
Ой, я бъ ёго отруила,
Такъ не знаю того зилья.
Пиди, дивко, въ часте поле,
Въ чистимъ поли дви ямины,
На ямони дви гадыны.
Та на ямину сонце пече,
А на гадыни зъ рота тече.
Пидставъ, дивко, коновочку
Пидъ гадючу головочку,
Возьми, дивко, зъ рота пины,
Отруй, дивко, брата свого.
Мого брата нема дома,
А мій братикъ у дорози,
А чарощи въ острози.
Ой, пріихавъ братъ зъ дороги,
А чарощонки зъ остроги.
Братъ до сестры зъ радощами,
Сестра къ брату зъ чарощами;
Ой, пій, сестро, впередъ сама;
Ой, я, брате, давно пила,
Се я для тебе зготовила.
Скоро братичокъ напывся,
За сердечко й ухопывся,
Зъ конычепька похилывся:
«Гирке, сестре, твое пиво,
За серденько й ухопыло.
Ой, що сестрица родына,
Свого брата й отроила.

180.

Гуляла Марусенька въ саду, тай заснула;
Прійшовъ мій Ванюша, я все чула,
Що люды говорять не зъ правдою,
Хотять уловиты зъ громадою,
Въ солдаты отдаты неволею,
А я того, Маруся, не боюся,
Богу, Государю отслужуся,
Якъ пиду до дому, оженюся,
Возьму соби жинку папяночку,
У повимъ городочку дворяночку.

181.

Ой, добрая годынонька була,
Що матуся свого сына била,
А сынъ неньци покорився,
Низько у ниженьки уклонився:
«Не бій мене, мая матуся,
О, якъ будешъ мене биты,
То я пиду на въ украйну житы,
На въ украини добри люды,
Тамъ мини буде добре житы.
Якъ я пиду на въ краину,
Яжъ тамъ молодъ не загину,
Бо я парень козакъ молоденькій.
Ой, верныся, мій сыну, верныся,
Та у голубій жупанъ нарядыся.
Не хай же я на тебе подывлюся,
Слезоньками умыюся.
Чи я кращій козакъ на въ краини.
Выходыла круты бережечки,
Вытоптала жовтеньки песочки,

Та не нашла сына свого,
Тильки нашла слидокъ ёго,
Де кохане дытя походыло.
Ой, пиду я въ вишневый садочокъ,
Та вырву я кленовый листочокъ,
Та прикрыю я сынивъ слидочокъ,
Щобъ пташечки не литали,
Щобъ зузули не кували,
Сынови слиды не теряли.

182.

И не бійте мене и не лайте мене,
Коли я вамъ докучила, замижъ дайте мене.
Ой, отдайте мене, та за кучери,
Ужежъ мини шолудыви, та й докучили,
Ой, отдайте мене за волошина,
Щобъ я була молода та хорошая.

183.

И вчора у куми, и сёгодня у кумы,
А яжъ тую куму, та до себе зазову,
А у стриси горобья, тай на кушанья убью,
А потрушокъ у мишокъ, то понесу на торжокъ,
Та продамъ ярыло, та куплю барило,
Попродаю гомелки, та куплю горилки,
Ой, продамъ я груды, та куплю блюды,
Ой, тоди жъ я куму до себе зазову;
Та поставлю горобця, на двападцяти блюдцяхъ,
Охъ, и ижте, кумо, не засалюваися,
И у рукава не бери и до дому не несы.

184.

Ой, не знала баба, чимъ забогатиты,
Та купила куриночку, щобъ вывела диты.
Ой, вывела куриночка куриньятивъ трое;
Ой, погнала бабусенька курипьята пасты;
Сама сила подъ тыномъ, кужелыцю прясты;
Ой, хмарыться, туманется, ставъ дожецъ пакропаты.
Пора тоби, вражо баба, курипьята гнаты.
Та щей не догнала, уже двое стоптала,
Назадъ повернулась, па трете спиткнулась.
Сыдыть тая бабусенька, тай голову скребче,
Куриночка пидъ поломъ сама соби шепче:
«Скреби, скреби, вража баба, головоньку тыхо,
Якъ прiиде дидъ зъ поля, буде тоби лыхо».
Якъ прiихавъ дидъ изъ поля до повои хаты,
Пытается бабусеньки: «ой, де курипьята?»
«Ой, изъ пашихъ куриньятъ пичого не буде,
Якъ погнала пасты, пидзорили люды».
Якъ схватывъ изъ воза новую притыку,
Побивъ бабу и помоловъ и голову и пыку.
Бодай тоби, дидусенько, права рука зсохла,
Що ты мене побивъ, що трохи не здохла;
Бодай тоби, дидусю, голова облизла,
Що ты мене такъ побивъ, що па пичь не злизла.

185.

Ой, пье козакъ, пье и гуляе,
А пидъ нимъ конь вороный розъигрався,
Та на сине море розигнався.
Та замерзае море синепькое,
Та припадае снижкомъ билесенькимъ,
Та потопае козакъ потопае,

Та до вороного коня промовляе:
«Охъ, и бійся, коню, бійся, бійся выдыбайся,
Тай отця и доненьки поспишайся,
Та до моихъ братиковъ порадники,
Та до моихъ сестрицъ жалибныхъ,
Та до моихъ диточокъ, сиріточокъ,
Та до моеи жинки молодои.
Та не кажи ты, коню, що я й утопився,
Та и скажи, коню, що я й оженився,
Та понявъ соби пару у синему морю,
Тай у синему морю папяночку,
Та соби, коню, вичну дворяночку.

186.

Ой, пью, милый, пью, и до дому нейду,
Ой, якъ прпду до домоньку,
Схилю, склоню головоньку,
Ляжу тай засну.
Иде свекорко тай будыть мене:
«Устань, устань, негарная,
У своимъ дили несправная,
Сонливая, дремливая,
До робота линивая,
Нивистко моя.
Ой, пью, милый, пью, до дому нейду,
Ой, якъ прійду до домоньку,
Схилю, склоню головоньку,
Ляжу тай засну.
Иде свекруха тай будыть мене:
«Устань, устань, негарная,
У своимъ дили несправная,
Сонливая, дремливая,
До роботы линывая,
Нивистко моя.

Ой, пью, милый, и прочее и проч.
Иде диверко, тай будыть мене: и проч.
Ой, пью, и проч.
И зовыця и проч.
Ой, пью, и проч.
Иде милый тай будыть мене:
«Устань, устань, моя мила,
До роботы не линыва,
Не сонлива, не дремлива,
До роботы не линыва,
Хозяйко моя.

187.

Доле, моя доле, не ходы й надъ водою,
А бо ты утонешь, и я зъ тобою.
Циловавъ, миловавъ, у пидилеиьку стоя,
А понидилокъ зоставайся здорова,
Стелется тоби по пидъ гаемъ дорога.
Се тоби дорожка, а мини шляшокъ битый,
Якъ мини, сердешко, а безъ тебе прожиты.
А схочешъ поживешъ, а схочешь погорюешъ,
А якъ схочешъ, до мене примандруешъ.
Хоть буду житы, хоть буду горюваты,
А таки не буду до тебе мандроваты.
Ой, ты поихавъ билою кобылою,
Мене покинувъ зъ малою дытыною.
Ой, ты поихавъ, та будешъ пановаты,
А я осталась та буду горюваты.

188.

Выряжала маты сына на косовыцю,
Зачесала чорны кудри, ажъ на потылыцю.

«Я думала, мій сыпочку, що будешъ косыты,
Ажъ ты кинувъ косу въ росу, зачавъ голосыты».
Коли бъ же ты, маты, знала, що то за досада,
Тобъ ты мене оженыла, щобъ була вотрада.
Женись, женись, мій сыночку, бери, сынку, любку,
Жалуй іи, мій сыночку, якъ голубъ голубку.

189.

Ой, изъ за горы, та зъ за крутой, ой, изъ за горы вистп:
Та выступа ляхи а сорокъ тысячь, а гусаривъ двисти.
А козакъ Нечай, та не подумае, та не погадае,
Та съ кумасею, та съ Хмельницкою, медъ випо кружае.
Ой, годи тоби, Нечаенко, питы та гуляты,
Та бери пушки, та зарядушки, та иды Ляхивъ выгоняты.
Ой, неуспивъ козакъ, неуспивъ Нечай, на конька систы,
Та начавъ Ляхивъ, скурвыхъ сыновъ, якъ капусты сикты.
Ой, неуспивъ Нечай, неуспивъ козакъ, та на конька упасты,
Та зачавъ Ляхивъ, скурвыхъ сыновъ, якъ снопики класты.
Ой, оглянется козакъ Нечай, та на правую руку,
Та не выбреде его конь вороный изъ Ляцкого трупу.
Ой, оглянется козакъ Нечай на правое плече,
Ажъ позадъ ёго коня вороного, кривавая ричка тече.
Ой, оглянется козакъ Нечай та на праву сторону,
Та покотылася Нечаенкова головка до долу.
Ой, устаньможъ, та милыи братья, устаньмо погадаймо,
Ой, десь того Нечаенка головку сховаймо.
Ой, поховаймо, а милыи братья, въ церкви у Варвары,
Заживъ, заживъ та Нечаенко казацкоп славы.

190.

Ой, нетяго, нетяго, нетяженко моя,
Де заслужчина твоя?

Ой, служивъ же я у вдовы, ой, служивъ же я въ небоги,
А симъ годъ, ще й четыри.
Ой, пришлося до того, що платыся ты, вдово,
Бо я въ тебе служивъ довго.
Ой, вывела вдова, вывела небога,
Симъ паръ воливъ, ще й четыри,
Ой, дывытеся люды, и судите громада,
А чи сходно воно буде?
Ой, не сходно й увдово, не сходно небого,
Бо я въ тебе служивъ довго.
Ой, нетяго, нетяго, и проч.
Ой, вывела вдова, вывела небога,
Симъ паръ коровъ, ще й четыри,
Ой, дывытеся люды, и судите громада,
А чи сходно воно буде?
Ой, не сходно й увдово, не сходно небого,
Бо я въ тебе служивъ довго.
Ой, нетяго, нетяго, нетяженко моя,
Де заслужчина твоя?
Ой, служивъ же я у вдовы, ой, служивъ же я въ небогій
Ажъ симъ литъ, ще й четыри.
Ой, пришлось до того, що платыся ты, вдово,
Бо я въ тебе служивъ довго.
Ой, вывела вдова, вывела небога,
Пару конивъ въ наряди.
Дывытеся люды и судите громада,
А чи сходно воно буде?
Ой, не сходно й увдово, не сходно небого,
Бо я въ тебе служивъ довго.
Ой, нетяго, нетяго и проч.
Ой, вышла вдова, вышла небога,
Сама молода въ наряди.
Дывытеся люды и проч.
Ой, нетяго, нетяго и проч.

Ой, вывела вдова, вывела небога,
Свою дочку въ наряди.
Ой, дывытеся люды и судите громада,
А чи сходно воно буде?
Ой, сходно вдово, сходно небого,
Бо я въ тебе служивъ довго.

191.

Породыла мене маты, у новой комори,
Дала мини биле лычко, тай не дала доли,
Тильки мини дала доли, гулянья доволи,
Я гуляла, волю мала, маты не зъпиняла.
Теперь мене зупепила чужая дытына,
И свитъ мини завьязала, гулять заказала,
И серденька принудила, щобъ я й не ходыла.
Ой, зыйду я на гороньку билыми ножиньками,
Загляну я въ долиноньку карыми оченьками.
Ажъ у тои долиноньки сывъ голубонько гуде,
Ой, що жъ намъ, товарищу, за пригодонька буде?
Чи на коня вороного, чи на мене молодого?
Якъ на коня вороного, конь буде й утикаты,
Якъ на мене молодого, самъ буду й отвичаты,
Акъ на мого товариша, я буду й оступаты.

192. Веснянка.

Та у кривого танця,
Та не выведу кинця;
Треба ёго та выводыты,
И ладъ ему та находыты.
Грайте, дивочки, грайте,
Пилу не збивайте,
Платья не каляйте.

На дивочкахъ платья,
Все шолкъ та китайка,
Та пилова тканка.
Грайте, парубки, грайте,
Пилу не збивайте,
Платья не каляйте.
На парубкахъ платья,
Все михъ та рядина,
Заткана половина.
Блудыли парубки,
Симъ день по запичку,
А чотыри по припичку;
Приблудились воны,
До передъ пышнаго викна.
Дивчата, голубочки,
Дайте скибку хлиба,
Черепокъ сировотки,
Ще й драной ложки,
Похлибаты трошки.
Тамъ парубки билы,
Що все сировотку илы,
Тимъ дивчата красни,
Що илы веринычки въ масли.

193.

Ой, ясно, прекрасно, а солнечко сходыть, а гетманко заходыть.
Ой, уже нашъ, панъ нашъ атаманъ, а по табору ходыть.
По табору ходыть, били руки ломыть, зъ молодежью говорить:
Ой, ведыть, ведыть, своей молодежи, сиры волы запрягаты.
Охъ, волы сталы, возы помазалы, сиры волы повпрягалы,
Ой, волы идуть, а возы рыплять, по зеленому байранци.
Ой, за байракомъ, сорокъ чоловикъ до вишеньки привертають;
Ой, по переду козакъ Гаврилепко сивымъ конемъ выгравае.

Ой, грае, грае, грае выгравае, назадъ волыки завертае.
Охъ, и годи тоби, еретичій сынъ, сивымъ конемъ выграваты,
Охъ, и пора тебе, еритичій сыну, батогами наказаты.
Ой, кинь спидкпувся, копытъ зъзогпувся,
Гавриленко й усмихмихнувся.

194.

Ой, у поли конопельки, верхи зелененьки;
Мялый милу покидае, вороги раденьки.
Не то счастье, не то доля, де богаты люды,
Де люблятся да берутся, имъ житья не буде.
Ой, хортупо зродливая, що жъ ты выробляешъ,
Дала сердцю завзпатыся, зъ милымъ разлучаешъ.
Есть у мене таке зплье, нижче перелазу,
Якъ дамъ тоби напиться, забудешь одъ разу.
Буду пяты черезъ чуру а й крапли не впущу,
Тоди я тебе забуду, якъ очи заплющу.

195.

Теперь же я не така, не сяка,
А не бачила ни попа, ни дьяка.
Теперь же я горсточка,
Не бачила ни выросточка.
Теперь же я якъ биль била,
Чортова журьба зьила.
Зсушилася та зжурилася,
А якъ шпилка тоненька.
Симъ аршинъ окравчиночка,
Та ще й коротенька.

196 (при печеньи коровая).

Изъ суботоньки та на нидилоньку годына,
Та збиралася Хфедоркова родына,
Та привезли й четверть борошна й на коровай;
Та хвалить Бога, хорошій буде нашъ коровай.
А изъ суботоньки, та на нидилоньку годына,
Та збиралася Хведоркова родына,
Та привезла горщокъ масла на коровай,
Хвалить Бога, хорошій буде нашъ коровай.
А изъ суботоньки та на нидилоньку годына,
И збиралася Хведоркова родына;
Та привезла дижку сыра на коровай,
Хвалить Бога, хорошій буде нашъ коровай.
Изъ суботоньки та на нидилоньку годына,
Та збиралася Хведоркова родына,
Та привезла липовку меду на коровай,
Та хвалить Бога, солодкій буде нашъ коровай.

197.

Та по дорози жукъ, жукъ, по дорози чорный,
Подывыся, дивчино, якій я моторный.
Подывыся, гляпся, якій я удався,
Хпба дасы копу грошивъ, щобъ пожепыхався.

198.

Та по садочку хожу, и самъ себе пужу,
Та не знаю, що робыты маю?
Чи листы писаты, до милои слаты,
Чи самому ихать одвидаты.
Якъ пріихавъ милый, до милои у гости,

Та поставивъ коня край порога.
Ой, стой, копю, й у порога, проси у Бога виры,
Щобъ вороги спатоньки й облегли.
Вси ворови спаты ляглы, моя мыла не спыть,
Всю ноченьку у виконечка сидыть.
Кватырочка видсувае, зъ витромъ розмовляе;
Милый милу словами карае.
Якъ ухопыть милый милу пидъ билыи боки,
Кинувъ ін въ Дунай глыбокій.
Ой, якъ стала мила на дно потопаты,
Та милому три слова казаты:
«Ой, котора дивка па лыченьку била,
То то ін головонька бидна.
Ой, котора дивка па лыченьку красна,
То то ін доленька несчастна».

199.

Ой, ихавъ, ихавъ, ихавъ, а сорочка зъ миха, зъ миха,
А подтычка зъ рядна, що не стало полотна.
Ой, ихавъ, ихавъ, ихавъ, чомъ до мене не запхавъ,
А я тебе выглядала, спмъ разъ хату выметала.
Ой, ихавъ, ихавъ, ихавъ, чомъ до мене не запхавъ,
А я рыбку варыла, по кусочку дилила,
У кого чорный узокъ, тому рыбки кусокъ,
А въ кого спда борода, тому й юшки шкода.

200.

Наступыла чорна хмара, ставъ дощъ накропаты.
Благослови й, Атамане, памитъ разбиваты.
Ой, розбили козаченьки червоный памитъ,
Уси козаки, уси богачи, дукачи молодци въ уланы пишли.
А мужики симряжныки тай не посмилы,

Взялы кварту, другу жартву й па дощи силы.
Пріишовъ же къ намъ нашъ Атаманъ, тай надъ нами ставъ,
Скинувъ зъ себе жупанъ синій, тай надъ нами напьявъ.
Колы бъ же нашъ панъ Атаманъ по викъ паповавъ,
Що надъ нами козаками, а й кафтанъ надо нами напъявъ.
Ой, війшовъ панъ Атаманъ, въ кинецъ стола сивъ,
А увійшовъ дукачь, вишовъ богачь, въ пороги ставъ,
Та зъ нашого атамана смияться ставъ.
Ой, якъ крикне панъ Атаманъ та на своихъ хлопцивъ:
«Ой, вы хлопци, вы молодци, вы добрыи люды,
Возмить дуку за чубъ, за руку, та выведить вонъ».
Одынъ иде за руку взявъ, а другій дука бье,
Не хай же випъ не смиется, де голота пье.

201.

Ой, излетавъ пугачъ та на воротичка, а якъ пугу та пугу.
Та поспишайтеся, паши чумаченьки, почуваты до лугу.
Охъ, и ради бъ мы та поспишаты, такъ чумакъ занедужавъ,
Охъ, и занедуживъ чумакъ молоденькій та на мижу схилывся,
Охъ, и правенькою рученькою за серденько ухопывся.
Охъ, вы чумаченьки, славни молоденьки, а вы гожи та Божи,
Охъ, и зробить сёму чумакови домовинучку изъ рогожу.
Охъ, и выкопайте сёму чумакови а глыбоку яму,
Охъ, и поховайте сёго чумаченька, а якъ рыбоньку вьялу.
Охъ, и высыпте сёму чумаченькови а высоку могилу,
Охъ, и посадить на сій могили й червону калыну,
Охъ, и щобъ видно червону калину, ажъ на всю Украину.
Охъ, и волы мои, волы половыи, хто надъ вами паномъ буде,
Ой, якъ мене, мене молодого на свити не буде.

202.

Та соловейку маленькій,
Та въ тебе голосъ тоненькій,

Та защебеты ты мини,
А що я въ чужій сторони,
Та хожу, блужу й гукаю,
Та свого роду й шукаю.
Та найшла у поли былину,
Та матусину й могилу.
Та на могили припала,
Отця й неньку згадала:
«Ой, устань, нелько, не лежи,
Та зо мною й говори».
Охъ, и куды ты, доньку, ишла,
А що ты мене и тутъ изнайшла?
А чи зъ тучею, чи зъ дощемъ,
А чи зъ доброю годыною,
А чи зъ малою дытыною?
А ни зъ тучею, ни зъ дощемъ,
А я зъ доброю й годыною,
Охъ, и зъ малою дытыною,
Охъ, и зъ вирною дружиною.

203.

У нашимъ славнимъ городи, ниду пендерою,
Собиралася сильна варвія царю билому.
А по тій же сильной варвіи гетманъ пропижае,
Винъ пахотныхъ рипьятушокъ проискувае:
«Вы, пахотныи рипьятушки, не печальтеся,
Надивайте билое платье, мундиръ на себе,
Заряжайте ясное ружо чорнымъ порошкомъ,
Забигайте вы за туркомъ, темненькимъ лужкомъ.
Колы бъ же намъ до города довалитыся,
Сейчасъ тому атаману поклонитыся.
Ой, малы мы, пане гетмане, Бендерю достать,
Разсукины сыны паны воли не далы,
Тильки нонмъ рупьятамъ жалю завдалы.

204.

Ой, пріихавъ милый изъ вечора пиздно;
Та поставивъ копиченьки вси три разомъ рпзно,
А самъ пишовъ милый зъ тыха по маленьку.
Пидышовши же пидъ виконце, милои питается:
«Чи ты, мила, лаешь, а чи проклинаешь,
Чи мене молодого хороше згадаешь»?
Я, милый, не лаю, я не проклинаю,
А яжъ тебе, мій милепькій, хороше згадаю.
Нехай тоби, милый, легко згадается,
А якъ мини зъ своимъ ридомъ добре гуляется.
О, нехай тоби зузулепька, а мини соловейко,
Нехай тоби тамъ легенько, мини веселепько.
Тоби буде зузуленька а ранепько куваты,
Мини буде соловейко рано щебетаты.

205. Петривочка.

Ой, горе, горе, сухій дубъ
Пускае поломье черезъ воды,
А черезъ воды на слободы,
Де Катерина биль билила:
«Ой, беле жъ моя, тонка не била,
Якъ я пиду за нелюба,
Я тебе, беле, въ горни попечу,
Ажъ тебе, беле, у святои зношу,
А тебе, беле, шановатыму,
Николи изъ скрыши не вииматыму.
Ой, горе, горе, сухій дубъ
Пускае поломье черезъ воды,
А черезъ воды па слободы,
Де Катерина биль билила,
Да зъ тою билью говорыла:

«Ой, биле жъ моя, тонка бiла,
Якъ я пиду за милого,
Я тебе, беле, у буддень зношу,
Я тебе, беле, шановатыму,
Видъ печи горшка видставлятыму.

206.

Охъ, мини лышенько й упилася,
У свою матинку й удалася.
Упилася на медочку,
Проспалася на холодочку.
Охъ, мини лыхо буде,
Я побачила люды,
Що пьяна я була.

207.

Дивчина, сподивайся талану,
Казавъ хлопецъ: «у вечери прилену».
А дивчина сподивалася,
Три дни хаты не мела и не вмилася.

208.

Ой, що то за Маруся,
Що я ii вирно люблю,
Та й заняты боюся.
Тимъ я до неи не горнуся,
Що славы боюся.
Тимъ я не займаю,
Що свататы маю,
А що свататы маю.
Колыбъ мини, Господы,

А вечера дождаты,
Пошлю хлопцивъ, всихъ молодцивъ,
До Маруси гуляты;
А самъ стану пидъ виконце,
А що буде казаты,
Ой, що буде Марусина,
Моимъ хлопцямъ казаты.
Марусина серденько
Все по свитлоньки ходыть,
Марусина серденько
Слово, ричи говорыть.
«Ой, е у мене два садочка,
Та не на однимъ не родыть.
Ой, е у мене два миленькихъ,
Та не одынъ не ходыть.
Пересажу садъ вишневый,
Та винъ буде родыты.
Перекажу миленькому,
То винъ буде ходыты,
Марусину серденьку
А вирно любиты».

209. Свадебная.

Ой, темная, та не видная ниченька,
Та зажурится соколова матинка:
Чому жъ мого сына сокола довго не ма,
Ой, десь же винъ черезъ сады полетивъ,
Десь ёго чорни галочки перепяли,
Ой, десь ёго въ вишневый садъ зазвали,
Ой, десь ёго ягидками годували,
Ой, десь ёго зъ криниченьки наповали,
Ой, десь ёго чорною галкою даровали?
Ой, темная та невидная ноченька;

Та зажурится Иванова матинка:
Чому жъ мого сына Ивана довго не ма;
Десь же винъ черезъ городъ поихавъ,
Ой, десь ёго дружки панянки перенялы,
Ой, десь ёго у свитлоньку зазвалы,
Ой, десь ёго медомъ, виномъ наповалы,
Ой, десь его калачами годувалы,
Ой, десь ему Ганнушкою дарили.

210. Свадебная.

Ой, уже пепько, уже не ранепько,
Чомъ мепе не учишъ, пенько.
Якъ тебе учпты, жаль тебе биты,
Ты у мене разумная.
Годы допенько, годы дитятко,
Годы свекорку, ты лучше пижъ батинька.
Годы, допенько, годы,
Свекруси головоньки гляды.
Годы, допенько, годы,
Диверку годы, хустоньку перы.
Годы, доненьку, годы,
Зовыци годы, русу косу плеты.
Годы, допенько, годы,
Держи у свитлопци,
Якъ у випочку,
Рушнычокъ на килочку.
Війдуть зовыци умыватыся,
Воны будуть дивоватыся:
Чи мы въ лиси рослы?
Чи мы пе видъ батька шли,
Чомъ насъ такъ пе навчили?

211.

Ой, не йды, милій, у дорогу, та не робы поговору,
Переночуй хоть ничку зо мною.
Ой, не буду почуваты, бо не умієшъ шановаты,
Билои постилоньки слаты.
Чимъ я, милый, не хороша,
Чи до дила не вродлива,
Чи то моя доля несчастлива?
Ой, ты жъ, мила, и хороша,
И до дила й вродлива,
Така твоя доля несчастлива,
А я батька за ридъ маю,
Тебе стыдку покидаю,
А самъ пиду у корчму погуляю.

212.

Ой, не шій мини, ненечко, очипка сёго,
Не трать дурно грошивъ, чортъ зна для кого.
Не пора мини, ненечко, русу косу пидъ чепецъ ховаты,
Буду ще, ненечко, дивчиною гуляты.
Дивчиное гуляньячко краще усёго,
А то пиду замижъ, чортъ зна за кого.

213.

Наварила борщу, тай у покрищи,
Посадыла дворянина тай на подушци,
Ой, ижъ колы хочешъ, колы зъ рыбкою борщъ,
А не хочь выбачай, а ложки не вмочай.
Акъ бы чарочка нова, тобъ корилочки купила,
Хилю, хилю, не тече, коло серденька пече.
Ой, выпьемо, родыно, щобъ намъ жито родыло,
И житечко и овесъ, и зобрався ридъ увесь.

214.

А я у батька оденьця,
Полюбила Гриця чорнобривця.
Я нічого не робыла,
Тильки по садочку походыла,
Волоскій горишокъ посадыла;
«Росты, росты, горишеньку,
Моему батеньку на втишиньку.
Росты, росты, развивайся,
А ты, мій батиньку, утишайся.
Росты, росты выще проса,
Кохай, мій батиньку, що хороша.
Росты, росты, кореныся,
А ты, мій батиньку, не журися.
Росты, росты выще тыну,
Кохай, мій батиньку, якъ дытыну.
А вы, хлопци, не жартуйте,
Купить черевички, тай пидкуйте.
У мене нижки не велычки,
Треба по талеру черевички;
Еще за тее копу даты,
Щобъ ти черевички пидковаты.

215.

Пріихалы паны свататы вдовы,
Здорова й удовонька, зелена дибровонько,
Скажи и увдово, скажи небога, скильки ты дитей маешь?
Чомъ правдоньки не скажешь?
А у мене дитокъ повнисенькій кутокъ,
Бувъ бы ты хозяиномъ.

Пріихалы паны свататы вдовы,
Здорово увдовонько, зелена дибривонька.

Скажи й увдова, скажи небого,
Скильки ты воливъ маешъ?
Чомъ правдоньки не скажешъ?
А у мене воливъ двападцять плугивъ,
Бувъ бы ты хозяиномъ.

Пріихалы паны свататы вдовы,
Здорова увдовонько, зелена дибривонько.
Скажи й увдово, скажи небого,
Скильки ты коровъ маешъ?
Чомъ правдоньки не скажешъ?
А у мене коровъ! а бы ты здоровъ,
Бувъ бы ты хозяиномъ.

Пріихалы паны свататы вдовы,
Здорово увдовонько, зелена дибривонька,
Скажи й увдово, скажи небого,
Скильки ты овецъ маешъ?
Чомъ правдоньки не скажешъ?
А у мене овецъ повненькій хливецъ,
Бувъ бы ты хозяиномъ.

Пріихалы паны свататы вдовы,
Здорова увдивонько, зелена дибривонько,
Скажи вдово, скажи небого,
Скильки ты конивъ маешъ?
Чомъ правдоньки не скажешъ?
А у мене конивъ двападцять табуновъ,
Бувъ бы ты хозяиномъ.

216.

Якъ задумавъ дворянинъ дворяночку браты,
Вона ему отвичала: «я не умію жаты.
Напны мини холодокъ, я буду лежаты.
А въ пидилю пьяна, въ понидилокъ спала,

А въ вивторокъ снопивъ сорокъ пшеныци пажала.
А въ середу привезла, въ четвергъ змолотыла,
Въ пьятныцю провіяла, въ суботу змолола,
А въ нидилю напекла зъ учанькомъ пропила.

217.

Любылыся, кохалыся, обое хороши,
А теперъ розишлыся, якъ сребнін гроши.
Любылыся, кохалыся, и маты не знала,
А теперъ розишлыся, якъ черная хмара.
Любылыся, кохалыся, якъ зерно у гориха,
А теперъ розишлыся, якъ галочки у лиси.
Ой, по гори, гори, пшеныченьки яри,
По тымъ боци долинонька, все луги та травы.
Я й сама не знаю, де мій милый дився,
А чи ёго вивки зъилы, чи винъ утопывся.
Якъ бы жъ ёго вивки зъилы, то бъ луги шумилы,
А якъ бы ёго въ степу убыли, то бъ трава повьяла.
Ой, якъ бы винъ у дивчины, то бъ кони й ржалы,
Ой, якъ бы винъ у шинкарки, то бъ брянчалы чарки.

218.

Я жита та не сіяла, само жито родыть,
Я козака та не чаровала, самъ до мене ходыть.
Ой, я ёго та не чаровала, хиба моя маты,
Брала писокъ изъ пидъ билыхъ нижокъ казаченька чароваты.
Ой, не чаруй, та моя пене, козака до мене,
Була слава, стали поговоры на тебе й на мене.
А я тую, та чорну хмару, веромъ размахаю,
Перебула уси поговоры, перебуду й славу.

219.

Ой, иду я въ огороды, нащипаю шпильвію,
Ой же, гой же, нащипаю шпильвію.
Нащипавши шпильвійки, та зовью винокъ,
Ой же, гой же, та зовью винокъ.
А извивши виночокъ, пущу й на Дунай,
Ой же, гой же, пущу й на Дунай.
Хто до винка приплыве, той милый буде,
Ой же, гой же, той милый буде.
Озовется кровлевичъ на сивымъ кони,
Ой же, гой же, на сивымъ кони.
Я до винка приплыву, тай милымъ буду,
Ой же, гой же, тай милымъ буду.
Еще жъ конь не приплывъ, та уже й потопавъ,
Ой же, гой же, та уже й потопавъ.
Бижи, бижи, ты мій коню, въ свою сторону,
Ой же, гой же, въ свою сторону.
Та не кажи, ты мій коню, що я й утопывся,
Ой же, гой же, що я й утопывся.
И скажи, ты мій коню, що я оженывся,
Ой же, гой же, що я й оженывся.
Булы у мене старости, въ води порости,
Ой же, гой же, въ води порости.
Булы у мене свитылки, на неби зирки,
Ой же, гой же, на неби зирки.
Булы у мене сванычки, у мори клиточки,
Ой же, гой же, у мори клиточки.
Булы у мене бояры, рыба окуни,
Ой же, гой же, рыба окуни.

220.

Ой, вышло, вышло а три девизіи, та на запорожкій дорози.
Охъ, и уже, уже пашъ калышъ кошевый, та головоньку звазавъ.

Якъ заграе вражa московія у сурми та въ бубни.
Ой, ходять наши славни Запорожци не веселы смутни.
Ой, колыжъ будете, панове молодци, колы будете у гости.
Ой, тоди жъ буду, панове молодци, до васъ у гости,
А якъ поросте а трава зелена, а на зимнимъ помости.
Тоди пидемо и пойдемо, а до матуси у гости.

221.

Побратався соколъ съ сизокрилымъ орломъ,
Ой, орле жъ мій сизый, сизый, сизокрылый,
Сизый, сизокрилый, товарищу милый,
Ой, десь твои диты, диты, дитынята,
Диты, дитынята, сизы соколята?
Ой, тамъ мои диты, у лиси на древи,
У лиси на древи, на высокимъ клени.
Наихалы ляхи, зъ великои Польщи,
Те древо зрубали, диточки забрали.
Якъ политивъ соколъ зъ велыкои туги,
Зъ велыкои туги, въ темныи луги.
Ой, якъ винъ захвылить, та й лужи похылыть,
Ой, якъ винъ заспивае, той листъ опадае.
Ой, якъ засмiется, то й лугъ розивьется,
А якъ винъ затуже, та й похиле лужи.
При добрiй годыни кумы побратали,
При лихой годыни, не ма й родыны.

222. Пстривочка.

Ой, сивенька зузуленька,
Та не куй рано по диброви,
Не збуды мене молодои.
Та збудять мене раниш тебе,
У мене свекорко не батинько,

У мене свекруха не матинка,
У мене диверки не братики,
У мене зовыци не сестрыци,
Та збудять мене раниш тебе:
Вставай, нивистко перобитныця,
До свого дому не кубибныця,
До свого роду не привитныця,
Уже коровы на дуброви,
Ты спышъ, молода, й у комори.
Уже телята биля хаты,
Ты спишъ, молода, у кимнати.
Уже вивци на крутій горци,
Ты спишъ, молода, у коморци.
Уже свыни на долыни,
Ты спишъ, молода, й у пырыни.
Уставай, нивистко, годи спаты,
Часъ капусточку полываты,
Раннюю росу отбиваты.
Я молодая послухала,
Взяла видерце постукала,
Рядномъ головоньку й изкутала.

УКАЗАТЕЛИ.

I. Русскія пѣсни.

Ай, во саду, саду, люблю садовую, XXX.
Ай, на дубчику два голубчика сидятъ, LXXV.
Александра матушка породила, LXXI.
Александрушка господинъ, LXXX.
Ахъ, батюшка, Ярославль городъ, LVIII.
Ахъ, вы, горы, горы крутыя, XLVII.
Ахъ, вы, дѣвушки, дѣвушки, LXXXIX.
Ахъ, вы, кумушки, голубушки, подружки, XIX.
Ахъ, душечка, молодой ямщикъ, LII.
Ахъ, кабы на цвѣты не морозы, L.
Ахъ, какъ далече, далече въ чистомъ полѣ, XII.
Ахъ, подъ лѣсомъ, лѣсомъ, подъ зеленой дубравой, CII.
Ахъ, по морю, морю синему, LXII.
Ахъ, сборы, сборы Малапьины, XXXII.
Ахъ, ты, ноченька, CIV.
Ахъ, ты, поле мое, поле чистое, XXV.
Ахъ, ты, свѣтъ моя свѣтлая свѣтлица, XCIII (LCIII).

Баю баюшки баю, LXVIII.
Болѣзный ты мой батюшка, XCVII (LCVII).
Бѣлокаменна палата грановита, LXXXII.

Вдовушка по сѣнничкамъ похаживала, XXII.
Веселая голова, III.

Весна, весна красная, XCV (LCV).
Весна красна, LXVII.
Внизъ по матушкѣ по Волгѣ, XXIV.
Возлѣ рѣчки возлѣ мосту, XXIX.
Во полѣ береза стояла, I.
Во саду ли въ огородѣ во вишенью, LXXII.
Во саду ли въ огородѣ пташки воспѣвали, X.
Во теремѣ гусли лежали, XLII.
Во чистомъ полѣ калинушка стоитъ, XI.
Вы раздайтесь, разступитесь, добрые люди, XXIII.
Высоко звѣзда восходила, XXXIV.

Дорогая моя хорошая, XV.

Еще какъ люди въ людяхъ то живутъ, LIV.

Заиньки поскачи, C.
Звонко звонятъ въ Новѣгородѣ, LXXIV.

Изъ за бору, бору, XCVIII (LCVIII).
Изъ за лѣсу, лѣсу, XXVII.
Изъ кремля, кремля, крѣпка города, LIX.

Какъ въ городѣ было во Казанѣ, II.
Какъ изъ гнѣздышка пташечка, XXXI.
Какъ на Иванушкѣ кудри русыя, LXXIX.
Какъ по рѣчкѣ, XVI.
Какъ по саду, по садику, LXXXVIII.
Какъ по сѣнямъ, по сѣнничкамъ, XCII (LCII).
Какъ у ключика у гремучева, XLIV.
Кто у насъ холостъ ходитъ, LXXVI.

Ладушка моя милая, LXXXVII.
Лучина, лучинушка березовая, IV.

Мимо славнаго города Воронежа, LXIV.

Надъ рѣчкою надъ быстрою, CV.
На зарѣ Иванъ сударь Петровичъ, LXVI.

На морѣ селезень косы вьетъ, XL.
Не бушуйте вы, вѣтры буйные, LXXXI.
Не лежи, черный бобръ, у крутыхъ береговъ, XIV.
Не ходи, холостъ, поздо вечеромъ, LI.
Не шуми, матп зеленая дубровушка, XVIII.

Ой, ни чарочки по столику гремятъ, LXX.
Ой, ты, дума, моя думушка, XLIV.
Около шеста бѣлаго полотняпаго, LXXVIII.
Отдалѣла то я сударушка, отдалѣла, XX.
Отлелепла, отлелеила Волга, XCI (LCI).
Отрывки, VIII, XXVIII.
Охъ, въ горѣ жить — пе кручинну быть, LVI.
Охъ, какъ возговоритъ въ теремѣ, V.
Охъ, ты, умная головушка, XXXV.

Пантелей государь ходитъ по двору, VI.
Пелагея матушка, LXXVII.
Перевью тыномъ рѣку, LXXIII.
По горамъ, по горамъ, LXIX.
По городу, по городу звопы пошли, LXXXV.
Подымалася погодушка, XXXIII.
По улицѣ то дождь то спѣгъ, XLVI.
При дѣвичьемъ было при вечерѣ, LXXXVI.
Пряди, моя пряха, CI.
Пѣтушокъ, пѣтушокъ, LIII.

Разлилася, разлелеилась, XIII.

Сидитъ олень подъ сырымъ дубкомъ, XCIX (LCIX).
Спасибо тебѣ, родимый братецъ, XC (LC).
Сторона ль моя сторонушка, XXVI.
Съ рѣченьки утушка слетывала, XXXVII.

Ты безсчастный добрый молодецъ, CIII.
Ты Иванъ сударь, LXXXIII.

Ты поди, моя коровушка, домой, VII.
Ты Фетинья Вахромѣевна, XLI.

У дороднаго добраго молодца, XLV, LVII.
Уже что я сижу думаю, XCVI (LCVI).
Ужъ какъ палъ туманъ на сине море, XXI.
Ужъ какъ полно красна дѣвица тужити, XLIII.
Ужъ какъ по морю, морю синему, LXI.
У залетнова ясна сокола, XLVIII.
Улица, улица моя, IX.
У насъ, братцы, на Дону во Черкасскомъ городу, LXV.
У насъ то было, братцы, на тихомъ Дону, LX.
У Спаса къ обѣдни звонятъ, LV.

Чорны кудри за столъ пошли, XXXIX.
Что бы те свату по міру ходить, LXXXIV.
Что не самъ я то ко дѣвушкѣ ходилъ, XI.
Что пониже было города Саратова, LXIII.

Шли прошли по околицѣ, XCIV (LCIV).

Яблонька моя яблонька, XXXVIII.
Я вечоръ молода во пиру была, XVII.
Я не знала не вѣдала, XXXVI.

II. Южно-русскія пѣсни.

А чый то коникъ изъ гиръ выбигае, LXXI.

Батенько мій риднепькій, LXXII.
Биду соби купила та за свои гроши, CLXXVII.
Бодай ты ся когутыку на спдали скрутывъ, CLXXIV.
Болить моя головонька, CLXVI.
Боровая пчелонька, чого такъ гудешь, LXXIV.
Быите дивчины въ подковы, LXXIII.

Вербовая кладка, гныся не ломыся, CLXXXIX.
Взійди, мисяцю, не вечерися, CXC.
Въ Кіеви гримъ загрымивъ, XXIV.
Въ новыхъ синцяхъ огонь горыть, XXIII.
Въ саду роса висыть, CII.
Въ синечкахъ голубецъ гуде, XI.
Выгукнули ангелы въ неби, XIII.
Выйду я до хаты, детыны нема, XIV.

Ганулька плыла до нового роду, XXV.
Гей, вниду я, вниду па гору высоку, CLXX.
Гей, заржи, заржи, сывый конiченьку, CLXIII.
Гей, маты, да негай мене, CCIII.
Гей, на гори дубина, CLXVII.
Глянь, матинко, на мій посагъ, CLXXX.
Гныся, не ломыся, малыновый мосте, XVI.
Говорыла лыпонька, XV.

До бору, бояре, до бору, XVIII.
Дубъ на дуба похылився, LXVII.
Душа танець выводить, XX.
Дывовалыся луги той червоній малыни, XVII.

Жена мужа выряжала, CCXII.
Журылася евуненька, XXI.

Забула миленького запытаты, XIX.
Загадки, CCVI.
За горою високою голуби литаютъ, CLXXV.
За горою ни дзвинъ дзвонытъ, XXVI.
За дворомъ за новенькимъ, XXVII.
За дворомъ черешенька, XXVIII.
Зеленая черешенька, чомъ ты не вродыла, XXX.
Зоренька вечерняя, XXXI.
Зоренька вечерняя одсвѣтила, XXXII.

Идутъ мужики до млына, XXXIII.

Ишовъ милый за лисъ, XXXIV.
И шумыть и гуде, XLVIII.

Кобы я была такъ красна, CCVII.
Коло млына калына, XXXVII.
Коло млына кременына, XXXVI.
Коло синей коло хаты, XXXVIII.
Котылыся возы зъ горы, CLXXVI.
Край береженьки стояла, XXXIX.
Крути горы що видъ моря, XLI.
Крывю танцю, XL.
Крыкнулы лебеди на води, XCVIII (LCVIII).

Лебедю, лебедоньку, CXXX.
Летае сокилъ по сонцю, XLV.
Летивъ, летивъ соколонько высоко зъ орлами, CLXXXII.
Летила зозуленька, XLIII.
Летыть орелъ по надъ моремъ, XLIV.
Литае пташина чечече, XLVI.
Лытилы журавли, XLII.

Мала ничка петривочка, CLXXXVII.
Марусенька съ Ивасенькомъ стадо поле, XXXV.
Марьина матинка предъ Богомъ стояла, XCVI (LCVI).
Межи двума березами, XLVII.
Мисяцю розроженьку, CLXXI.

Надъ моримъ глубокимъ, XLIX.
На Ивана на купала, L.
Наихалы сваты волынци, LIX.
На тесовомъ столи, LII.
Наша пичь торкочеть, LIII.
Наши подоляне церковь збудовалы, VII.
Нашъ красный коровай, LIV.
Нашъ хорунжій хорошій, LVIII.
Не знала мене маты, LV.

Не куй, староста, золотого ножа, LX.
Не ма леду, не ма леду, II.
Не шуми, луже, въ дубровонци дуже, CLXVIII.
Ни Ивася у виночку, CXCIV.

Ой, бижыть, бижыть мила дивчинка, III.
Ой, въ выни, въ вини да въ виногради, LVII.
Ой, въ лиску, въ лиску на пилку, LXII.
Ой, гай, маты, о, гай, маты, ой, гай зелепенькій, CLXXXI.
Ой, давно, давно въ роду була, LXV.
Ой, дубъ па дубонька похилывся, LXVI.
Ой, завью винки да на вси святки, IV.
Ой, засвичу я ясную свичу, CXCVII.
Ой, зацвила калыпонька въ лузи въ очеретѣ, XXIX.
Ой, звонке деревцо калына, CIX.
Ой, звыслы синіе хмаропьки звыслы, LXIX.
Ой, зійдымось, подруженьки, CLXXXV.
Ой, знати, знати кто кого любыть, CLXV.
Ой, ишовъ дощикъ кропнистый, LXXX.
Ой, лугомъ, лугомъ вода иде, CXXXVIII.
Ой, маты, чумакъ иде, CXXXIX.
Ой, на гори нывка, CXL.
Ой, на риченци на Іордани, CXCI.
Ой, не стій, вербо, надъ водою, VI.
Ой, не тужи, дивчинонько, по мни, XC (LXXXX).
Ой, папе господару, на твоемъ двору, XCV (LCV).
Ой, петривпая зозуленька, CXCII.
Ой, пидъ гаемъ, гаемъ, гаемъ зеленепькимъ, CLXXXVI.
Ой, посію въ поли нывку лепку, XCIX (LCIX).
Ой, пушу стрилу по всему селу, C.
Ой, рапо, рано андроньки пили, CI.
Ой, розлетысь мои роскоши якъ листъ по води, CLXI.
Ой, сборъ, сборъ въ суботу, LXX.
Ой, ты, дивчино заручепная, CLXIV.

Ой, ты, старый диду, чому ся не женышь, LXXV.
Ой, у лузи калына, LXXVIII.
Ой, у поли дви тополи, LXIII, CCII.
Ой, у поли крыниця безо дна, LXIV.
Ой, у поли на выгони стоитъ береза росистая, LXXIX.
Ой, ходжу жъ бо я блужу темнонькой ночи, LXXVI.
Ой, ходыла павонька на цирымъ бору, LXXVII.
Ой, чіежъ то жито пидъ гору стояло, VIII.
Ой, чіежъ то поле, IX.
Ой, чомъ не прыйшовъ якъ я тоби велила, CXCIII.
Ой, я ракъ не боракъ, CXCV.
О, колесомъ, колесомъ мисяцъ въ гору иде, XII.
О, на ставу ставочку дрибные дивчата, LXXXIX.
Отрывки, смѣсь, XXII, LXI, CXIX, CLXXXVIII.

Пала роса въ конецъ проса при билой дорози, XCIV (LCIV).
Панъ пшеныченьку вie, CLXIX.
Перепылеченька, LXI.
Пиду я берегомъ по надъ ставомъ, XCI (LCI).
Пидъ березою пидметено, XCIII (LCIII).
Пишлы вивци въ полынку сами биленькie, CLXII.
Плавае по води золотый човнокъ, CIII.
Плугъ не оре, CIV.
Повій, витропьку, съ зеленого дуба, LXXXI.
По гори, гори, LXXXIV.
По гори, гори не огонь то горыть, LXXXII.
По гори, по гори рута и барвинокъ, LXXXIII.
Погубыла дяты орлянечка, LXXXVI.
По загумени синie терны цвитутъ, LXVII.
Половынный мисяченько на неби, CLXXXIV.
По пидъ гаемъ зелененькимъ сдавняя стеженька, XCVII (LCVII).
По пидъ лисомъ битая дорога, LXXXVII.
Породыла червчаточка семеро дитей, CXXXVI.
По садочку хожу, XCII (LCII).

Посію я рожу, поставлю сторожу, CCIX.
Посію я яру руту надъ водою, LXXXVIII.
Посіяламъ руту круту межи берегами, CLXXIX.
Пріихавъ зятенько на тестя на подвиръ, CVI.
Пріѣхала молодая маты, CXCVI.
Прыихалы баре съ Семи гиръ, CV.

Росточено поволочено по синяхъ, CXCIX.
Рутку сію, рутку сію, рутку пидлываю, CLXXXIII.
Рыстью коныки рыстью, CVII.

Сама я, сама пшеныченьку жала, CVIII.
Самъ Богъ коровай мисыть, CXI.
Свиты зоре на все поле, I.
Семенъ пивня продае, CXVI.
Сивая зозуленька, CXII.
Сивъ зажурывся, CXIII.
Сивый коню, сивый коню, CLXXII.
Слала заря до мисяца, X.
Смѣсь, CLXXXVIII.
Сонце пызенько, вечеръ блызенько, CCIV.
Сонъ головонько клоныть, CXCVIII.
Стоить явиръ надъ водою, CXVII.
Стояла тополя край чужого поля, CXIV.
Стояла туполя вкрай чистого поля, V.
Суха верба, мокра калюжа, CXV.
Сыдыть сокилъ на тополи, CX.
Сыну мій, дударыку, CC.

Та була жъ въ мене жинка, та була жъ въ мене зирка, CCI.
Тамъ стояло ризно два дубочки, CXXIII.
Та надъ ричепькою, та надъ быстренькою, CXVIII.
Татаронько иде, CXXII.
Темная ничка петривочка, CXXI.
Теперь же намъ три радости, CXXIV.

Терешева жона, CXXV.
Тече вода риченька, ой, тече вопа зъ тыха, CXX.
Тече ричка не велычка, CXXVIII.
Тихо, тихо Дунай воду несе, CXXVII.
Тожъ пидлитае сивый соколъ пидъ вишневый садъ, CXXVI.

У Кіевѣ на рынку, CCX.

Хвалылася береза своими вихами, CXXXII.
Ходыть блудыть козакъ по дуброви, CXXIX.
Хылылася береза своєй зеленой дуброви, CXXXI.

Частые да густые, CXXXIII.
Черезъ садъ стеженька, иде дожчикъ сдрибненька, CLXXVIII.
Черезъ синечки, черезъ свитлоньку шелковые шнуры, LXXXV.
Черезъ тыхій Дунай сухіе кладочки, CXXXIV.

Шумыть, дымить по долынѣ, CLXXIII.

Щедрый вечеръ, добрый вечеръ, CXXXV.

Я жита не сіяла, CXXXVII.
Якъ пишла Ганна въ Дунай по воду, CCVIII.
Я сегодня тута, а завтра поѣду, CCXI.

III. Южно-русскія пѣсни. Вторая тетрадь.

А въ нидилоньку до сходъ сонця, 161.
А де твій мужъ? на Дону, 120.
А Маруся недужа лежала, 21.
А Московка ряба, 72.
А чи мини тута житы, а чи мини горюваты, 42.
А я у батька оденыця, 214.

Бида мини маты за бидою, 77.
Била жинка мужика, била жинка дурака, 9.

Братъ сестру въ гости кличе, 24.
Було жъ насъ три браты, 102.

Веселывся козаченько тай не оглядився, 131.
Видбила щука рыба видъ берега ряску, 121.
Витдай мене, моя маты, де повiи хаты, 90.
Вiе витеръ повивае, 138.
Въ недиленьку рано по раненьку, 26.
Въ суботу родителей упоминала, 4.
Выйся, выйся, подоймыся, сызо-крилый голубецъ, 75.
Выряжала маты сына на косовыцю, 188.

Галочка моя, галочка чорненькая, 80.
Головонька жъ моя бидна, 61.
Горилочко, дивочко, дивочко, 110.
Гуляла Марусенька въ саду тай заснула, 180.

Давно дуба изрубили, пепекъ зеленепькiй, 74.
Дала маты дочку въ чужу сторопочку, 175.
Деръ деръ деруженецъ, 123.
Дивирь зъ пивисткой розбивъ горщикъ зъ лимишкой, 127.
Дивчина сподивайся талану, 207.
Доле моя, доле, не ходы й надъ водою, 187.
Добре було житы, першу жинку быты, 18.

Заря зъ неба закотылася, 78.
За три денежки кужелыцю купыла, 76.
Зашумила дубривонька, 169.

И вчора у куми и сегодня у кумы, 183.
Иды, Грыцю, на улыцю, 152.
Изъ суботоньки та на нидилоньку годына, 196.
Изъ тыхого броду пили гусы спры воду, 83.
И не бiйте мене и не лайте мене, 182.
Ихавъ, ихавъ, чомъ до мене не заихавъ, 134.
Ихавъ козакъ и зъ снопами, 164.
И чарко жъ моя й оковитая, 139.

Кажуть люды, чумакъ буде, дивчина раденька, 19.
Казавъ мини батько, щобъ я оженывся, 40.
Калина, малина, чого почернила, 173.
Калыно, ялыно, що тебе извьялыло, 49.
Коло млыни млыни червона калина, 23.
Колы бъ мини нидили диждаты, 41.
Колы бъ моя мила та човнычко та весельчко, 125.
Колы бъ не вы та не мы, 174.
Корабазивци на поповіи гребли, 45.

Лагу меду, голосъ веду, луже развивайся, 141.
Лита мои, лита, лита молодыя, 56.
Любылыся, кохалыся, обое хороши, 217.

Молодыи молодыци, 79.

Наварила борщу тай у покришца, 213.
Наварю я чичивыци, 117.
Надъ моими воротами чорна хмара стала, 16.
На порози стояла, 151.
На риченьки та на дощечки, 153.
Наступыла чорна хмара, ставъ дощъ накропаты, 200.
Не замайте мене, хлопци, по телята я иду, 165.
Не топила, не варила, не буду й топыты, 157.
Не топыла, не варила, а у хати дымно, 170.

Обищала пирогъ даты, 144.
Оженывся молодъ тай не по воли, 7.
Оженывся молодъ тай по неволи, 35.
Оженыла маты сына, 85.
Ой, бувъ та не ма миленького сокола, 161.
Ой, бувъ та не ма, та попхавъ до млина, 116.
Ой, вербо, вербо кучерявая, 147.
Ой, волы мои та половіи, чому жъ вы не орете, 168.
Ой, въ нидилоньку рано по раненьку у вси звоны звонять, 119.
Ой, вывела перепилочка диты, 32.

Ой, выйду на гору, гляну на море, 68.
Ой, вышло, вышло а три девизіи та на запорожкій дорози, 220.
Ой, галочки сизо-перички, пидымайтесь въ гору, 113.
Ой, Галю, нейды у поле, 57.
Ой, гиля, гиля, сиры гуси на ставъ, 105.
Ой, горе бида мини переросла дуже, 135.
Ой, горе, горе, сухій дубъ, 205.
Ой, давно, давно я у батька була, 5.
Ой, добрая годынонька була, 181.
Ой, здорова дивчина попова, 11.
Ой, зима, зима холодна була, 36.
Ой, излетавъ пугачъ та на воротичка, 201.
Ой, изъ за гори буйный витеръ віе, все повивае, 62.
Ой, изъ за горы витеръ віе, дорогою козакъ иде, 29.
Ой, изъ за горы та зъ за крутой, ой, изъ за горы висти, 189.
Ой, и пье козакъ пье, а у козака гроши е, 109.
Ой, исправлю я возы, запряжу я сиры волы, 48.
Ой, ихавъ, ихавъ, ихавъ, а сорочка зъ миха зъ миха, 199.
Ой, ишла дивка до броду по воду, 50.
Ой, ишовъ паринь дорогою, 82.
Ой, казавъ молодый козаче, що не буду Галю любиты, 124.
Ой, коли бъ ты хозяинъ та волыки соби мавъ, 150.
Ой, колы бъ же того да Сынъ Божій не множивъ, 178.
Ой, колы бъ я зузуленька соби крыла мала, 33.
Ой, малою сиротою стала, 87.
Ой, матинко, вишенько, що безъ тебе лышенько, 88.
Ой, маты, люблю Грыця, 133.
Ой, маты, маты старая, 64.
Ой, маты, моя матусенька, 112.
Ой, на гори оненычка, 20.
Ой, на гори роменъ зелененькій, 66.
Ой, не дала мене маты за робитничонька, 31.
Ой, не знала баба чимъ забогатиты, 184.
Ой, не знала бидна вдова якъ хлѣба робыть, 130.

Ой, нейды, милій, у дорогу та не робы поговору, 211.
Ой, нетяго, нетяго, нетяженько моя, 190.
Ой, не ходы, Василечко, побиля тыночку, 97.
Ой, не шій мини, ненечко, очипка сего, 212.
Ой, не шуми, луже, ты дуже, 37.
Ой, отъ моря та до моря битая дорога, 8.
Ой, пиду я въ огороды, нащиплю шильвію, 219.
Ой, пиду я зъ сего хутора пиду, 100.
Ой, пиду я по за токомъ, 172.
Ой, пила, пила Неумириха на меду, 10.
Ой, повійте буйны витры изъ горы, 73.
Ой, поихавъ Олексаша изъ дому въ дорогу, 46.
Ой, полыты, галко, де мій ридній батько, 47.
Ой, пріихавъ милый изъ вечора пиздно, 204.
Ой, пье козакъ пье и гуляе, 185.
Ой, пью, милый, пью и до дому нейду, 186.
Ой, пьяна я, пьяна я, пьяна, 108.
Ой, Северино, Северипочку, 179.
Ой, сивенька зузуленька, 222.
Ой, соколе, соколенько, 70.
Ой, сыну мій дударыку, 118.
Ой, сынъ мій та Негруенко, 148.
Ой, сынъ ненъку за рученьку веде, 67.
Ой, темна ничка, 60.
Ой, темная та не видная ниченька, 209.
Ой, темная та не видная ночепька, 63.
Ой, ты бривъ чернобривъ, 84.
Ой, ты буде купрявый и верхъ тоби ряснъ, 104.
Ой, уже, непько, уже не раненько, 210.
Ой, у конецъ гребли, тамъ шумили верби, 59.
Ой, у поли конопельки верхи зелененьки, 194.
Ой, у поли озеречко, тамъ плавало ведеречко, 6.
Ой, хожу я блужу темненькой ночи, 109.
Ой, чумаче, чумаче, 158.

Ой, що тоби приснылося, 94.
Ой, що то за Маруся, 208.
Ой, що Хома да Ерема да родніе братья, 13.
Ой, якъ була я малою маленькою, 71.
Ой, ясно прекрасно а солнечко ходыть, а гетманко заходыть, 193.
Оравъ милый у царыни, теперь у толоци, 43.
Отце иду, отце иду по колина въ лободу, 53.
Отъ теперъ я сама якъ у поли былина, 28.
О, у поли будякъ, 143.
Охъ, зойды, зойды, зирочко ты вичирняя, 17.
Охъ, мини лышенько, й упилася, 206.
Очеретъ осока, чорны брови у козака, 115.

Пишла вдова долыною, 34.
Пишла жинка на базаръ, 107.
Побратався соколъ съ сизокрилымъ орломъ, 221.
По вгородцу хожу и самъ соби рожу, 106.
Повій, витре буйнесенькій, зъ глыбокого яру, 156.
Полюбила коваля, 155.
Померъ гайдабура, 140.
По огородци ходыла, лебедочку гоныла, 1.
По пидъ мостомъ трава росла, ривняется съ мостомъ, 3.
Породыла мене маты у новои комори, 191.
Поросъ роменъ съ тыномъ ровенъ, на тыпъ похилывся, 91.
Прійды, прійды, молодакъ, 99.
Пріихалы паны свататы вдовы, 215.
Пряду, пряду валъ, валъ, 129.
Пусты жъ мене, негодяю, 142.
Пусты мене, маты, у поле жита жаты, 30.

Сватай мене, Марко, я за тебе пиду, 163.
Свекоръ пивистку сильно не злюбивъ, 145.
Серденько жъ мое, теперь насъ двое, 137.
Синее море, жовтый цвитъ, та загодала на весь свитъ, 86.

Та биленькая черемшина, рано, рано, 167.

Та вже не ходыты яромъ за товаромъ, 96.
Та вже третій вечеръ, якъ я дивчину бачивъ, 38.
Та въ зеленому мачку, 111.
Та горилочка небого, 154.
Та ихавъ, ихавъ ярманковый, 136.
Та й шовъ чумакъ дорогою, сопилочку грае, 159.
Та Марусенько серденько, скажи мини правдоньку, 58.
Та не вродыла мене маты а дила робыты, 89.
Та не знаешь, милый, якъ курочку зваты, 132.
Та не хылыся, явороньку, щежъ ты зеленепькій, 51.
Та пійшовъ чумакъ у дорогу, 176.
Та по дорози жукъ жукъ, по дорози чорный, 197.
Та подумай ты мысли объ моемъ несчастьи, 149.
Та по пидъ мостомъ трава ростомъ, 25.
Та по садочку хожу и самъ себе нужу, 198.
Та пропывъ чоловикъ бугая, 14.
Та соловейку маленькій, 202.
Та у кривого танця, 192.
Та чого мини журиться, якои неволи, 92.
Теперь же я не така не сяка, 195.
Теперь мини погодыло, 128.
Тимъ у свити добра не ма, 27.
Ты молодчикъ молоденькій, дурный разумъ у тебе, 177.
Ты чорна, подай човна, 114.

У козака кудри вьются, 52.
У коси лента голуба, 54.
Умеръ батько, байдуже, 44.
У нашимъ славнимъ городи пидъ пендерою, 203.
У поли поли стояла корчма, 126.

Хвалилася мене маты молодымъ женыты, 22.
Хмарка наступа, дощикъ накрыпае, 55.
Ходыть гарбузъ по огороду, 166.
Ходыть дивчина по надъ бережечкомъ, якъ рожевый цвитъ, 81.

Черезъ гору орелъ воду носыть, 146.
Черезъ улыцю метелюха струже, 122.
Чи ты, пенько, спала чи ты такъ лежала, 162.
Чя я плыла, чи я брела, чи мене пидлыто, 2.
Чого же мини до дому, 95.
Чого жъ въ ставу вода руда, лебонь хвыля збила, 101.
Чужи люды конопельки сіють, 69.

Шли коровы зъ дубровы, а овечки зъ поля, 98.

Щой у тебе, ты мій мужъ, а личина борода, 12.
Що то Ганца, що то гожа, 39.
Що у саду та пидъ дулькою, 160.

Я жита та не сіяла, само жито родыть, 218.
Якъ була у дивчины мачуха лихая, 65.
Якъ задумавъ дворянинъ дворяночку брать, 216.
Якъ пійшовъ той Панасъ, 93.
Якъ поихавъ королевичъ на прогулянье, 15.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

При печатаніи настоящей книги главною заботою было точное воспроизведеніе автографа Н. В. Гоголя. Поэтому, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ, собственныя имена напечатаны съ маленькой буквы. Исправленія текста допущены лишь въ случаяхъ несомнѣнныхъ описокъ.

Считаю себя обязаннымъ засвидѣтельствовать глубокую благодарность А. А. Шахматову, А. И. Соболевскому, М. Н. Сперанскому, И. А. Ягчуку и А. Е. Крымскому, оказавшимъ мнѣ любезное содѣйствіе при выполненіи моей задачи.

Въ концѣ книги приложены два фототипическіе снимка автографовъ Н. В. Гоголя изъ двухъ его собственноручныхъ тетрадей.

Г. Г.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

Страница:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣд. читать:*
127	6 снизу	меня	мене
129	3 сверху	меня	мене
131	11 снизу	мѣсяца	мисяца
132	1 сверху	твово	твого
137	2 снизу	боишися	боишся
138	12 »	роботы	робыты
142	1 »	сидлаешь	сидлаешъ
146	4 сверху	коханыця	коханьця
154	4 »	своего	свого
156	8 »	дзвинить	дзвиныть
161	10 »	Только	Тилько
164	1 снизу	мине	мини
174	7 сверху	мине	мини
182	9 »	меня	мене
189	3 »	различную	разлучную
190	12 снизу	взродуется	взрадуется
194	12 »	мине	мене
206	4 сверху	жила	жива
209	3 снизу	себя	себе
218	2 сверху	А пидъ	А по пидъ
220	5 »	примався	прыймався
224	6 снизу	допекае	допикае
226	14 сверху	Что	Що
227	3 »	долинѣ	долынѣ
230	5 снизу	пряла	я пряла
231	10 »	меня	мене
233	3 сверху	долго	довго
»	4 снизу	ними	нимъ
235	1 »	козадъ	козакъ
240	6 »	хатычини	хатычини
246	1 сверху	Покирися	Покорися
255	7 »	шататьси	шататься
260	4 снизу	краснуха	красуха
263	2 сверху	въ хитку	на хитку.

CIII.

Ты [illegible]
Бесталанная твоя головушка
Что [illegible]
Ни в [illegible]
Что [illegible]
Отъ тебя [illegible] отъ безсчастнаго
Сине море взволновалося
Всѣ волны въ морѣ разыгрывалися
Ужъ какъ возговорить безсчастной молодецъ
Мы [illegible] всѣ въ веселочки
Мы [illegible] по [illegible]
Ко чисту кусту ракитовому
И мы [illegible] по прутику
И мы [illegible] по жеребью
Ужъ мы [illegible] во сине море.
Ужъ какъ всѣ жеребьи поверхъ водъ
А безсчастнова какъ ключь ко дну.

CIV.

Ахъ ты ноченька
Ночка темнаяя
Ты молодушка
Ты молоденька!
Ты головушка
Ты побѣдненька!
Съ кѣмъ ночь темную
Ночевать тебѣ?
Съ кѣмъ осеннюю
Коротать тебѣ?
Лягу спать одна
Безъ мила дружка
Безъ мила дружка
Беретъ грусть тоска
Беретъ грусть тоска
Дальне мило живетъ
Дальне живетъ
Онъ за рѣченькой

LVII

Посідаю у хаті
Чорнобривому сонцю
Чом же у мене в хаті
Немилостиві годину?
Батьку дорівнюю
Батьки зеленіють
Кругом гуляй інші обличчя
Та серце молодецьким
Батьку ратуй серденько моє
Щирі молитви
Тихий друже мій сильних
Та вже сміливі
Смілива сила
Вкривай вдовицю
Що добрим — в нім
Та рушниками вишити
Сі шатунова тиша
Та же лиха рівно
Ходить собі порівняю
Чи то ж порадив
Ходить собі порівняю
Чисто що вкупі
Сповідь яка
Як мало дивиться
Смілива свиня
Вольна спасителю
А недерний вдовиці
Не дасть вона долеванні
Во вдовиному серці
Як зимою сонце
Хоча воно і світить
Такі зимнії вітри віє
А у дівочім серці
Як у зимі сонце
Хоча воно і гріє
Такі теплі хвилі

———

2007041367